С. МЕЛЬГУНОВЪ

НА ПУТЯХЪ КЪ ДВОРЦОВОМУ ПЕРЕВОРОТУ

(Заговоры передъ революціей 1917 года).

КНИЖНОЕ ДѢЛО «РОДНИКЪ» ВЪ ПАРИЖѢ
LIBRAIRIE «LA SOURCE», 106, R. DE LA TOUR, PARIS-16

ОТЪ АВТОРА.

«Мы были неопытными революціонерами и плохими заговорщиками»,

Милюковъ.

Я коснусь невыясненной еще страницы нашей предреволюціонной эпохи.

Въ исторіи революціи, написанной П. Н. Милюковымъ, говорится про канунъ 17 г.: «Впечатлѣніе, что страна живетъ на вулканѣ, было у всѣхъ. Но кто же возьметъ на себя починъ, кто поднесетъ фитиль и взорветъ опасную мину? Въ обществѣ широко распространилось убѣжденіе, что слѣдующимъ шагомъ послѣ убійства Распутина, который предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ, будетъ дворцовый переворотъ при содѣйствіи офицеровъ и войска... Изъ сообщенія М. И. Терещенко послѣ самоубійства ген. Крымова стало извѣстно, что этотъ «сподвижникъ Корнилова» былъ самоотверженнымъ патріотомъ, который въ началѣ 1917 г. обсуждалъ въ тѣсномъ кружкѣ подробности предстоящаго переворота. Въ февралѣ уже намѣчалось его осуществленіе. Въ то же время другой кружокъ, ядро котораго составляли нѣкоторые члены бюро прогрессивнаго блока съ участіемъ нѣкоторыхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ виду очевидной возможности переворота, хотя и не будучи точно освѣдомленъ о приготовленіяхъ къ нему, обсуждалъ вопросъ о томъ, какую роль должна сыграть послѣ пере-

ворота Государственная Дума. Обсудивъ различныя возможности, этотъ кружокъ... остановился на регентствѣ вел. кн. Михаила Александровича... Значительная часть членовъ перваго состава временнаго правительства участвовала въ совѣщаніяхъ этого второго кружка....»

Такъ писалъ историкъ революціи въ книгѣ, основной текстъ которой составленъ былъ по свѣжей памяти еще въ 1918 г. Черезъ десять лѣтъ, въ слѣдующей своей работѣ «Россія на переломѣ», Милюковъ, характеризуя тотъ же моментъ и ссылаясь главнымъ образомъ на воспоминанія Родзянко, глухо указываетъ на разговоры о «принудительномъ отреченіи царя и даже о болѣе сильныхъ мѣрахъ». Упоминаетъ авторъ со словъ кн. Львова о намѣреніи ген. Алексѣева «арестовать императрицу, если бы она пріѣхала въ ставку». Повѣсть о заговорахъ изложена, такимъ образомъ, туманно и здѣсь. (Рядъ другихъ намековъ мы можемъ найти и въ отдѣльныхъ статьяхъ П. Н. Милюкова). Между тѣмъ не только изъ статьи Терещенко, но и изъ показаній А. И. Гучкова Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства, передъ которой выступалъ,какъ свидѣтель,и самъ Милюковъ, стало уже извѣстно о заговорѣ, который передъ революціей организовывалъ Гучковъ. По его словамъ, планъ былъ таковъ: «захватить по дорогѣ между Ставкой и Царскимъ Селомъ императорскій поѣздъ, вынудить отреченіе, затѣмъ одновременно, при посредствѣ воинскихъ частей, на которыя... въ Петроградѣ можно было разсчитывать, арестовать существующее правительство и затѣмъ уже объявить какъ о переворотѣ, такъ и о лицахъ, которыя возглавляютъ собою правительство». Умолчаніе въ исторіи Милюкова вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, ибо представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы Милюковъ, стоявшій въ центрѣ событій того времени, такъ плохо былъ освѣдомленъ о закулисныхъ планахъ. Очевидно, историкъ, слѣдуя по стезѣ мемуаристовъ, пред-

почитаетъ умалчивать — и не только потому, что заговоры, по его признанію, не имѣли вліянія на ходъ событій.

Все тайное постепенно становится явнымъ. Исторія раскрываетъ, въ концѣ концовъ, всѣ секретныя комбинаціи. Понемногу и въ зарубежной печати начинаютъ просачиваться свѣдѣнія о предреволюціонныхъ планахъ «дворцоваго переворота». Такъ въ «Послѣднихъ Новостяхъ» былъ напечатанъ фельетонъ С. А. Смирнова, въ которомъ излагалась со словъ А. И. Хатисова заговорщицкая попытка, по иниціативѣ якобы кн. Львова, привлечь къ совершенію дворцоваго переворота вел. кн. Николая Николаевича*). Многія изъ причастныхъ къ этому дѣлу лицъ рѣшительно отвергаютъ свое участіе и заявляютъ о фантастичности сообщенныхъ свѣдѣній. Печатно, однако, никто изъ нихъ не выступилъ съ опроверженіемъ.

Фигура умалчиванія со стороны современниковъ приводитъ къ тому, что изслѣдователю до поры до времени приходится блуждать среди трехъ сосенъ. Основную причину такого умолчанія совершенно вѣрно опредѣлилъ одинъ изъ дѣятелей февральской революціи въ частномъ письмѣ ко мнѣ. Позволю себѣ его процитировать: «Когда разразилась «стихійная», всѣ эти заговоры естественно замолкли, заглохли въ своихъ зачаточныхъ фазисахъ, образовавъ какія то туманныя пятна. Въ этомъ туманѣ вы и пытаетесь разобраться. А затѣмъ историка подстерегаетъ еще другая трудность — источники. Надо считаться съ пережиткомъ политической обстановки и общественной психологіи. То, что было тяжкимъ государственнымъ преступленіемъ до февраля, что приходилось

*) Еще раньше, въ 28-мъ году, М. Кусторубовъ (т. е. Гакебушъ) помѣстилъ о томъ же статью подъ заголовкомъ «Заговорчики» («Русское Время» 18 марта). Гакебушъ на основаніи бесѣдъ съ разными людьми касался и другихъ предреволюціонныхъ заговоровъ.

тщательно скрывать, стало въ одинъ прекрасный день патріотическимъ подвигомъ или, вѣрнѣе, правомъ на такой подвигъ, правомъ, которымъ люди стали кичиться. Много за эти дни выросло такихъ героевъ-революціонеровъ, правда, какъ бы въ потенціи. На прикосновенности къ «революціонному дѣйству» люди пытались въ новой обстановкѣ составить себѣ репутацію, завоевать славу, сдѣлать карьеру. А затѣмъ наступилъ новый періодъ (періодъ нашихъ дней), когда предаются анафемѣ всѣ и все, что прикоснулось революціи. И тогда люди отъ нихъ шарахнулись, заметая слѣды. И вотъ въ этой суматохѣ, скажите сами, когда люди склонны были говорить правду? А къ этой сознательной неправдѣ, сколько подбавилось несознательной за эти эпохи сумятицы, угара, взбаломученныхъ чувствъ... И во всемъ этомъ долженъ разобраться бѣдный историкъ, ибо иначе у него получится не исторія, а романъ».

Пока конкретные результаты революціи таковы, что, дѣйствительно, немногіе готовы брать на себя, даже косвенно, отвѣтственность за содѣйствіе революціи, хотя идея дворцоваго переворота сама по себѣ являлась какъ-бы противореволюціонной прививкой.

Между тѣмъ годы идутъ. Время изглаживаетъ изъ памяти детали и подчасъ такъ основательно, что непосредственнымъ участникамъ дѣйствія кажется, что его даже не было. И нужно уже коллективное творчество для того, чтобы возстановить предреволюціонное время. Моя цѣль пробудить интересъ къ затронутому вопросу и побудить тѣхъ, кто знаетъ, хотя бы въ полемической формѣ, высказать свои предположенія. Время убійственно скоро идетъ. Уже нѣкоторыхъ нѣтъ, и, можетъ быть, они унесли въ могилу то, что могли разсказать при жизни. Такъ кн. Г. Е. Львовъ, повидимому, никому изъ друзей детально не излагалъ ни своихъ плановъ, ни своихъ дѣйствій.

Въ моемъ изложеніи будетъ много предположе-

ній и догадокъ. Я пытался опросить многихъ изъ тѣхъ, кто могъ такъ или иначе знать, что дѣлалось въ разныхъ общественныхъ кругахъ въ преддверіи революціи, и такимъ путемъ я старался уяснить себѣ конъюнктуру конспираціи. Я «интервьюировалъ» М. А. Алданова, Н. И. Астрова, В. Л. Бурцева, В. В. Вырубова, А. И. Гучкова, И. П. Демидова, А. Ф. Керенскаго, А. И. Коновалова, Е. Д. Кускову, Н. Н. Львова, А. П. Лукина, В. А. Маклакова, Э. С. Маргуліеса, Б. И. Николаевскаго, Т. И. Полнера, В. М. Пронина, Л. В. Сахарова, С. А. Смирнова, А. И. Хатисова, М. М. Федорова и нѣкоторыхъ, именъ которыхъ я, по разнымъ причинамъ, не называю. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть М. И. Терещенко и разъяснить возникшія недоумѣнія.

Трудность установленія фактической канвы лежитъ не только въ указанныхъ психологическихъ основаніяхъ. Вмѣшивается и другая таинственная сила, скрытая отъ взоровъ профановъ — тайна русскихъ масоновъ. Мы увидимъ несомнѣнную связь между заговорщицкой дѣятельностью и русскимъ масонствомъ эпохи міровой войны. Но здѣсь передо мной табу уже по масонской линіи. Современнику очень щекотливо раскрывать чужія тайны. Постараюсь быть осторожнымъ въ этомъ отношеніи.

Являются мои очерки «романомъ» или «исторіей»? Думаю, что послѣднее. И для того, чтобы читатель ощутилъ всю картину и понялъ мой подходъ, я не могу входить сразу in medias res. За истекшія пятнадцать лѣтъ одни изъ читателей забыли о тѣхъ настроеніяхъ, которыя характеризовали собой первые годы войны, другіе въ свое время не переживали ихъ сознательно. Приходится, хотя бѣгло, напомнить пройденные этапы, — вѣрнѣе, для правильнаго историческаго воспріятія необходимо ввести нѣкоторые коррективы къ установившимся въ литературѣ взглядамъ.

Книга эта первоначально печаталась фельетонами въ «За Свободу». Никакихъ существенныхъ воз-

раженій до сихъ поръ я не встрѣтилъ. Это даетъ основаніе думать, что факты, изложенные въ ней, во всякомъ случаѣ, близки къ дѣйствительности. Помѣщая въ газетѣ, я устранилъ точныя ссылки на литературу. Въ отдѣльномъ изданіи, нѣсколько дополненномъ и исправленномъ, я даю въ приложеніи перечень использованной литературы. Такимъ образомъ, желающій можетъ найти мои цитаты.

Гл. I. ВОЙНА.

1. Шовинистическій угаръ.

Трудно представить себѣ теперь то настроеніе, какое главенствовало въ странѣ въ первые мѣсяцы войны. Не было того подлиннаго національнаго подъема, который вызываетъ сознаніе, проникшее въ самыя поры народныя, что отечество въ опасности, но было много шумливаго «шовинистическаго энтузіазма», какъ выражалась позднѣйшая записка петроградскаго жандармскаго управленія. Этотъ некритическій патріотизмъ въ широкихъ слояхъ общества переходилъ всѣ границы. То былъ гипнозъ, обычный для начала всякой войны — до первой неудачи. Недаромъ даже въ такую непопулярную войну, какой была русско - японская, извѣстный Левъ Тихомировъ записалъ: «все сомкнулось, всѣ революціи спрятались, всѣ думаютъ только о совмѣстномъ служеніи родинѣ. Очень легко дышется въ этой чистой атмосферѣ, ставшей уже давно почти неизвѣстной у насъ».

Въ грозный часъ 1914 г. предъ сильнымъ и организованнымъ противникомъ въ дѣйствительности не было сознанія отвѣтственности. Въ своихъ цѣннѣйшихъ записяхъ о настроеніяхъ того періода В. В. Каррикъ, застигнутый объявленіемъ войны въ глухой провинціи въ кумысо - лѣчебномъ заведеніи въ Джанетовѣ, разсказываетъ, что кругомъ только и слышно было: «Подпишемъ миръ въ Берлинѣ». Это обычное «шапками закидаемъ» царило и въ прессѣ — доста-

точно указать хотя бы на одну изъ статей Гр. Петрова въ «Русскомъ Словѣ», доказывавшаго, что одни «слабонервные дураки» думаютъ объ оставленіи Варшавы». Не только «Утро Россіи», «Русское Слово», «Биржевыя Вѣдомости» — газеты, потворствовавшія обывательской улицѣ, — со своими презрительными экивоками на опившихся пивомъ нѣмцевъ, съ эпитетами (даже въ передовыхъ статьяхъ): «мерзавцы», «нѣмецкій стервятникъ» и пр., но и «Рѣчь» и «Русскія Вѣдомости» до нѣкоторой степени потворствовали шовинистическому задору.

Мы помнимъ колѣннопреклоненныя манифестаціи (даже студенческія), манифестаціи стихійныя, переполнявшія Дворцовую площадь и пѣвшія національный гимнъ. «Всѣ уже сошли съ ума» — записываетъ въ дневникѣ З. Н. Гиппіусъ. Однако, никакъ нельзя считать эти патріотическія демонстраціи съ хоругвями, флагами и портретами подстроенными правительственными агентами или «истинно русскими». Вотъ, напр., описаніе петербургской студенческой демонстраціи 9 октября 14 г., сдѣланное В. В. Каррикомъ. Двигается толпа въ 5000 чел. съ огромнымъ знаменемъ: «Единеніе царя съ народомъ». По словамъ автора дневника — это былъ «естественный порывъ»: «о какой-нибудь подготовленности не можетъ быть и рѣчи». Выступленіе на улицу произошло послѣ рѣчи ректора, когда «одинъ студентъ, показывая на завѣшенный портретъ государя, сказалъ: «Теперь мы можемъ открыть этотъ портретъ»*). Многіе мемуаристы пытаются (напр., членъ Думы Шидловскій) патріотическія свирѣпства отнести только за счетъ администраціи. Утверждать это — значитъ забывать то, что было. Когда открываешь свой дневникъ этого времени — факты сыплются какъ изъ рога изо-

---

*) Каррикъ дѣлаетъ оговорку: «въ уличной манифестаціи принимала участіе лишь небольшая часть студентовъ».

билія. Вспоминаю, напримѣръ, какъ въ октябрѣ 1914 года изъ Лит.-Худ. Кружка въ Москвѣ по собственной иниціативѣ изгоняли «нѣмцевъ» — членовъ Кружка (административное распоряженіе объ исключеніи нѣмецкихъ подданныхъ изъ общественныхъ организацій издано было позже — въ декабрѣ). То было время, когда Петербургъ превращался въ Петроградъ, (терминъ этотъ сталъ примѣняться даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, касающихся XVIII вѣка), Рейнботъ дѣлался Рѣзвымъ, Штюрмеръ пытался переименоваться въ Панина, а Нахамкесъ въ Стеклова. Литературный міръ не избѣгъ общаго психоза.

Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, дѣйствовалъ «законъ» имитативности, т. е. проявлялось то свойство людей приходить въ унисонъ съ окружающимъ, вліянію котораго на общественную психологію нѣкоторые психологи придаютъ большое значеніе*). Но пройдемъ мимо этихъ фактовъ.

Намъ нужно здѣсь въ сущности констатировать одно: не только обыватель, не только рядовой интеллигентъ, но и политическіе дѣятели склонны были безоговорочно снять съ очереди всѣ внутренніе вопросы, раздѣлявшіе уже въ теченіе долгихъ лѣтъ правительство и общество и заставлявшіе даже В. А. Маклакова наканунѣ войны говорить въ Думѣ о необходимости для партіи к.-д. борьбы съ властью, иначе эта борьба пройдетъ мимо Думы.

Какъ будто бы ставился крестъ на все прошлое, на то прошлое, которое заставляло Тихомирова въ свое время записывать: «несчастная Россія! На

*) Инженеръ Ларсонъ, противникъ войны, впослѣдствіи «спецъ», долгое время служившій большевикамъ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ («На совѣтской службѣ»), что, присутствуя 20 іюля на студенческой манифестаціи въ Петербургѣ, онъ съ большимъ только усиліемъ могъ заставить себя не смѣшаться съ толпой — такъ «физически» его влекло «быть заодно» съ проходящей человѣческой массой.

ней тяготѣетъ рука Божія»... «страшно становится». Теперь «Рѣчь» и «Русск. Вѣд.» говорятъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ о единеніи «обожаемаго монарха съ народомъ». Въ «Русскомъ Словѣ» Николай II назывался «царемъ-обновителемъ»*). Mot d'ordr'омъ становится поддержка правительства — своего рода французское «Union sacrée». В. Д. Набоковъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ центральномъ комитетѣ партіи к.д. только одинъ Ф. И. Родичевъ отнесся скептически къ такой позиціи и будто бы воскликнулъ: «да неужели вы думаете, что съ этими дураками можно побѣдить?»

Уже позже П. Н. Милюковъ въ показаніяхъ передъ Чр. Сл. Комиссіей Вр. Пр. говорилъ, что, создавая въ однодневной сессіи Гос. Думы, 26 іюля, атмосферу «общаго единенія», к.д. не разсчитывали, что и правительство станетъ на такую точку. Можетъ быть, болѣе правильна, однако, оцѣнка, данная тогдашнимъ настроеніямъ начальникомъ московскаго охр. отд. Онъ писалъ въ докладѣ 4 ноября: кадетскіе круги «въ началѣ надѣялись, что послѣ историческаго засѣданія Г. Д. открывается новая страница исторіи отношеній правительства и общества». Подтвержденіе можно найти и въ показаніяхъ того же Милюкова. На вопросъ, чѣмъ объясняется кратковременность іюльской сессіи, онъ отвѣтилъ: «Мы въ этомъ не на-

*) Это дало поводъ «Русскому Знамени» язвительно замѣтить по поводу наблюденій писателя Пришвина деревенскихъ настроеній (онъ указалъ на исчезновеніе въ деревняхъ «черносотенства»): «Вся Россія превратилась въ черносотенцевъ, и профессорскія «Р. В.» пишутъ только черносотенныя статьи».

Дѣйствительно, такое впечатлѣніе создавалось. Недаромъ въ мой дневникъ того времени занесено: «Въ газетахъ трогательное единеніе к.-д. съ союзомъ русскаго народа»... «Патріотизмъ» пересталъ отдѣляться отъ вѣрноподданичества». Въ «Русск. Вѣд.» можно было даже въ 15 г. встрѣтить нѣсколько неожиданную корреспонденцію о пребываніи «обожаемаго» монарха въ Кіевѣ.

ходили ничего дурного». Вторая осенняя сессія разочаровала «своей кратковременностью общественное мнѣніе», но «мы тогда не очень еще настаивали на ея длительности, потому что это былъ первый моментъ нашего расхожденія съ правительствомъ».

...«Въ первый годъ войны Дума совсѣмъ не вступала въ споръ съ правительствомъ» — дополняетъ въ своихъ показаніяхъ въ Слѣд. Комиссіи А. И. Шингаревъ: «только въ бюджетной комиссіи были указанія»...

Мнѣ кажется, что тактическая формула, выдвинутая Милюковымъ: «мы не ставимъ условій и требованій», была глубоко ошибочна*). Положивъ безоговорочно «всю силу своего авторитета» на «вѣсы власти», либеральная среда русскаго общества создавала для власти атмосферу *самообмана*, которая губительно вліяла на ходъ событій.

Такъ или иначе въ первые мѣсяцы войны создались настроенія, которыя большевицкіе историки на своемъ жаргонѣ опредѣлили такъ: «либералы и черносотенцы, министры и Гос. Дума, дворянство и земство — все слилось во время войны въ одну озвѣрѣлую шайку». (Шляпниковъ). Искусственно взвинченный патріотизмъ могъ дѣйствительно временно превращать толпу (къ сожалѣнію, при участіи и представителей интеллигентнаго класса) въ «озвѣрѣлую шайку», способную разгромить въ 14 г. зданіе германскаго посольства въ Петербургѣ и совершить антинѣмецкіе грабежи и погромы въ Москвѣ въ 1915 г.

---

*) Нельзя не признать эту формулировку для П. Н. Милюкова нѣсколько неожиданной, ибо руководимая имъ газета въ день объявленія войны вышла съ оппозиціоннымъ настроеніемъ. «Рѣчь» была закрыта. Послѣ возобновленія (по ходатайству передъ в. кн. Ник. Ник.) характеръ газеты измѣнился.

Легко и здѣсь винить исключительно администрацію, пытавшуюся дикими растопчинскими мѣрами придать войнѣ характеръ «отечественной»*). Нельзя все же не обратить вниманія на объясненіе, которое давалъ мин. внутр. дѣлъ Щербатовъ въ засѣданіи Совѣта Министровъ 6 авг.: «настроеніемъ рабочихъ пользуется революціонная агитація, старающаяся раздувать патріотическое негодованіе въ массахъ. Извольте-ка силой разгонять толпу, которая идетъ съ царскими портретами и національными флагами требовать искорененія нѣмецкой крамолы. Въ Москвѣ уже пришлось пережить подобный моментъ, и мы знаемъ, къ чему это привело. Революціонныя и все болѣе поднимающія голову пораженческія организаціи отлично это учитываютъ... Для нихъ важно какимъ бы то ни было способомъ вывести толпу на улицу. Затѣмъ стадо можно всегда повернуть въ любую сторону»**).

И дѣйствительно большевицкіе дѣятели разсказали, какъ въ былое время они пользовались этимъ патріотическимъ настроеніемъ массъ въ цѣляхъ возбужденія революціонной энергіи. Пролетаріатъ, который, по выраженію Потресова, «плелся въ хвостѣ событій» во время войны, въ первые мѣсяцы былъ

---

*) М. В. Челноковъ, въ показаніяхъ передъ Чр. Сл. Комиссіей Вр. Пр., опредѣленно утверждалъ, что градоначальникъ московскій, Адріановъ, принималъ активное участіе въ организаціи погрома. Однако, въ моемъ дневникѣ имѣется довольно показательная запись: «Адріановъ на пріемѣ представителей печати просилъ газеты оказать воздѣйствіе на населеніе». Призывъ этотъ нашелъ откликъ только у представителя «Русскихъ Вѣдомостей» Н. М. Іорданскаго. Это не исключаетъ, конечно, инспирированія со стороны низшихъ агентовъ администраціи.

**) Примѣненіе вооруженной силы «лишь обозлило массы и придало повсемѣстно разлитому напряженному состоянію какой-то оттѣнокъ революціонности» — доноситъ агентъ Охр. Отд. «Сознаніе, что, борясь съ нѣмцемъ, они борятся съ правительствомъ, состоящимъ изъ нѣмцевъ», распространилось въ народныхъ кругахъ.

захваченъ общимъ шовинистическимъ духомъ: немало было анти-нѣмецки настроенныхъ рабочихъ, пополнявшихъ ряды патріотическихъ манифестацій. Немало рабочихъ непосредственно участвовало въ погромахъ. И «открыто выступать противъ взволнованной массы» въ то время «значило рисковать собой» — вспоминаетъ одинъ изъ рабочихъ-большевиковъ, разсказывая о московскомъ погромѣ. «Назвать себя большевикомъ или пораженцемъ — вспоминаетъ другой про Харьковъ — въ это время никто не смѣлъ..., не подвергаясь риску быть арестованнымъ или избитымъ самими рабочими». Эти показанія большевиковъ подтверждаютъ то, что писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Родзянко про петроградскія манифестаціи: « я ходилъ по улицамъ... и къ удивленію узнавалъ, что это... тѣ самые рабочіе, которые нѣсколько дней тому назадъ ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи, строили баррикады».

Настроенія измѣнились. Если въ первые дни еще можно было наблюдать слѣдующую картину, отмѣченную для Петрограда однимъ изъ участниковъ рабочаго движенія: «часть мобилизованныхъ рабочихъ, какъ очумѣлая, ходила по улицамъ Петербургской стороны съ революціонными пѣснями и подъ крики «ура» патріотической толпы пѣла «марсельезу», то очень скоро уже «дикими» стали казаться всякія слова о возможности революціи въ Россіи. Объявленіе войны свело на нѣтъ волну стачекъ*), заглохло вся-

*) А. Ф. Керенскому до сихъ поръ кажется (фр. изд. его воспоминаній), что Россія въ 1914 г. была наканунѣ революціи. Такъ думаетъ и большевикъ Шляпниковъ, говорящій о революціонной энергіи пролетаріата въ апрѣлѣ. Конечно, это преувеличено. Легче доказать, что безъ войны въ Россіи не было бы революціи (между прочимъ, одно изъ положеній В. А. Маклакова). Гиппіусъ «поражали іюльскіе безпорядки» въ Петроградѣ «безъ повода, безъ предлоговъ, безъ лозунговъ, безъ смысла». Волненія были столь сильны, что бывшій тогда въ столицѣ французскій президентъ вы-

кое массовое движенiе, почти исчезли партiйныя организацiи. Все это утвержденiя большевицкихъ изслѣдователей эпохи. И такъ понятно, почему судъ надъ большевицкой думской пятеркой въ ноябрѣ 1914 г. не вызвалъ въ сущности активнаго отклика въ рабочей средѣ. Не этотъ вовсе судъ разбилъ «иллюзiю общенацiональнаго подъема», какъ утверждалъ Ленинъ.

Если среди лѣвыхъ общественныхъ круговъ и начались съ самого начала споры между прiемлющими и непрiемлющими войну «до побѣды», то все же этихъ послѣднихъ было значительно меньшинство. И разность взглядовъ «оборонцевъ» подчасъ такъ была значительна, что они дѣйствовать вмѣстѣ, по характеристикѣ Гиппiусъ, абсолютно были не способны. «Многiе бывшiе друзья, разойдясь во мнѣнiяхъ, сдѣлались изъ-за этого врагами» замѣчаетъ въ своихъ воспоминанiяхъ Н. А. Бородинъ. А. Ф. Керенскiй, котораго Милюковъ зачислилъ въ среду почти «пораженцевъ», и который, по утвержденiю Шляпникова, заявлялъ себя сторонникомъ Циммервальда и Кинталя, не обинуясь, однако, на совѣщанiяхъ думской «крайней лѣвой» заявлялъ: «Разъ война есть, а германская соцiалъ - демократiя голосовала за военные кредиты — значитъ намъ руки развязаны, надо воевать» (воспоминанiя С. Д. Бадаева). Стенографическiй отчетъ Гос. Думы 26 iюля зафиксировалъ слѣдующiя слова лидера трудовой группы: «Мы непоколебимо увѣрены, что великая стихiя россiйской демократiи вмѣстѣ со всѣми другими силами дастъ рѣшительный отпоръ нападающему врагу и защититъ

нужденъ былъ ѣздить въ сопровожденiи значительнаго военнаго конвоя: то была, по мнѣнiю Родзянко, дѣятельность германскаго военнаго штаба.

свои родныя земли и культуру, созданную потомъ и кровью поколѣній»

Возможно, точки зрѣнія Керенскаго не всегда были выдержаны и послѣдовательны, какъ часто бывало у этого политическаго дѣятеля. По утвержденію Гиппіусъ, Керенскій былъ возмущенъ позиціей, которую заняли за границей русскіе соціалисты, стоявшіе за войну. Источникъ этого «возмущенія» авторъ дневника опредѣляетъ правильно: «оттуда не видать», что «здѣсь такое». Принципіальная позиція парижской группы «Призывъ» (Плехановъ, Авксентьевъ, Аргуновъ и др.) какъ будто бы была намѣчена правильно. Резолюція сентябрьской конференціи этой группы гласила: « успѣхъ революціонной демократіи въ ея борьбѣ за свои общесоціальныя и политическія требованія будетъ зависѣть отъ энергіи ея участія въ самозащитѣ народа отъ непріятельскаго нападенія. Путь, ведущій къ побѣдѣ, является и путемъ, ведущимъ къ свободѣ». Но въ преломленіи съ русской дѣйствительностью болѣе или менѣе безоговорочная, хотя бы чисто внѣшняя солидаризація съ волной того поверхностнаго шовинизма, которая отмѣчена была выше, многими, очень многими въ Россіи, въ лагерѣ такъ называемыхъ «оборонцевъ» признавалась вредной. По этому поводу я писалъ въ Лондонъ, П. А. Кропоткину въ связи съ появившимися фельетонами его въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Его отвѣтъ говорилъ.

«Мнѣ очень грустно, что со многимъ изъ того, что я сказалъ въ «Рус. Вѣд.», Вы не согласны... Васъ, какъ и очень многихъ другихъ, беретъ страхъ, какъ бы русскій шовинизмъ не развился до того, что онъ станетъ опаснѣе германскаго имперіализма и германской жажды завоеваній. Мнѣ же думается — вся исторія тому свидѣтель — что направленія, берущія верхъ въ русской жизни, зависятъ вполнѣ отъ вліяній, берущихъ верхъ въ жизни Зап. Европы... Вотъ, если Германіи удастся восторжествовать — тогда, да!

Тогда Ваши опасенія осуществятся. Съ ея пораженіемъ этого почти навѣрное не случится...»*)

Правъ ли былъ Кропоткинъ? Теоретикъ анархизма подходилъ къ русской жизни съ высоты своей общей, довольно отвлеченной соціологической схемы — соревнованія латинской и германской культуръ и вліянія ихъ на развитіе соціалистической мысли. Эмигранты непосредственно не ощущали оборотной стороны медали.

Я говорю не о той обыденщинѣ, которая многихъ рьяныхъ «патріотовъ» влекла въ сторону «самоокапыванія» въ тылу, а другимъ не мѣшала наживаться на войнѣ. Я говорю о той фальши, которая получилась при общественныхъ попыткахъ сплотиться у подножія трона и которая оказалась чреватой послѣдствіями.

2. *Виновники неудачи.*

Первыя военныя неудачи повысили нервозность той части русскаго общества, которая безоговорочно пыталась слиться съ правительствомъ въ своемъ патріотическомъ порывѣ. Легко было найти виновниковъ пораженія. Весь одіумъ палъ на военное министерство. Виноватъ Сухомлиновъ, легкомысленно завѣрившій, что Россія готова къ войнѣ. Шовинистическій угаръ еще не прошелъ, и поэтому такъ легко было брошено и подхвачено на первыхъ порахъ обвиненіе въ «измѣнѣ». Эта «дичь», по выраженію Л. Тихомирова, во время войны всегда принимается съ довѣріемъ. Кого только ни обвиняли въ измѣнѣ

*) См. переписку со мной, опубликованную въ «Monde Slave». Возможность переписываться безъ послѣдствій во время войны свидѣтельствуетъ отчасти, что правительственный режимъ не былъ ужъ такъ невыносимъ.

въ дни русско-японской войны! То же было, конечно, и въ эпоху міровой войны.

Будемъ обвинять Сухомлинова, въ чемъ угодно, но покончимъ разъ навсегда съ тѣми несерьезными обвиненіями, которыя порождала лишь повышенность общественной психики. Сухомлиновское дѣло уже въ революціонную эпоху было поставлено на общественный судъ. Конечно, обвиненіе въ «измѣнѣ» оказалось пуфомъ, хотя бывшій военный министръ ненавистнаго царистскаго режима въ соотвѣтствіи съ неостывшими еще «революціонными» настроеніями въ августѣ 17 г. и былъ признанъ виновнымъ въ позорномъ преступленіи. Въ обвинительномъ приговорѣ было сказано, что Сухомлиновъ сообщалъ полк. Мясоѣдову, «завѣдомо для него состоявшему агентомъ Германіи», свѣдѣнія, которыя «завѣдомо для него долженствовали, въ видахъ внѣшней безопасности Россіи, сохраняться въ тайнѣ отъ иностраннаго государства». Этимъ Сухомлиновъ «завѣдомо благопріятствовалъ Германіи въ ея военныхъ противъ Россіи операціяхъ». Что, однако останется отъ этой формулировки, если обратить вниманіе на то, что теперь, по моему мнѣнію, можно считать неоспоримо доказанной не только невинность самого Мясоѣдова*), но и то, что онъ палъ жертвой искупленія вины другихъ. На немъ въ значительной степени отыгрывались, и прежде всего отыгрывалась Ставка. То же было и въ отношеніи Сухомлинова, на котораго, по выраженію Н. Н. Чебышева — одного изъ судей, Мясоѣдовъ давилъ тяжелымъ грузомъ въ обвинительномъ смыслѣ**). Временами чрезмѣрно

---

*) Чрезвычайно характерныя черты для «дѣла» Мясоѣдова можно найти въ воспоминаніяхъ Б. Б-каго «Судъ надъ Мясоѣдовымъ» («Арх. Р. Рев.» XIV) и О. О. Грузенберга «Предъ войной» («Сов. Зап.» XXIV).

**) Воспоминанія Н. Н. Чебышева, напечатанныя въ №№ 1992, 1994 «Возрожденія».

осторожный въ силу былой близости своей къ вел. кн. Ник. Ник., ген. Даниловъ и тотъ долженъ скорѣе согласиться, что Сухомлиновъ являлся «одною изъ искупительныхъ жертвъ за грѣхи старой Россіи».

Мнѣ нѣтъ надобности защищать память Сухомлинова, какъ военнаго министра. Сухомлиновъ, по выраженію ген. Головина, былъ «хуже, чѣмъ невѣжественный человѣкъ» и проявлялъ «поразительное легкомысліе». Но такъ ли уже въ дѣйствительности виноватъ Сухомлиновъ, по крайней мѣрѣ, въ легкомысленныхъ бравадахъ: «мы готовы»? Что другое могъ сказать публично наканунѣ почти неизбѣжной войны военный министръ? Самъ Сухомлиновъ поясняетъ, что его прославившееся интервью, вызвавшее впослѣдствіи такое негодованіе, появилось въ печати съ одобренія царя, который находилъ, что за границей нашу армію считаютъ, очевидно, еще совсѣмъ не боеспособной и поэтому не находятъ нужнымъ вообще съ Россіей церемониться. «Фанфаронадой», показаннымъ кулакомъ думали «отрезвить алармистовъ по ту сторону границы»! Это было, возможно, нѣсколько наивно. Сухомлиновъ отъ себя добавляетъ, что никогда Россія не была такъ хорошо подготовлена къ войнѣ, какъ въ 1914 г. — русская армія была обезпечена на шесть мѣсяцевъ. Это почти соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Надо вѣдь признать, что никто въ мірѣ не ожидалъ, что война можетъ продлиться такъ долго. Немногіе изъ военныхъ авторитетовъ — вспоминаетъ ген. Лукомскій — допускали, что война затянется больше года*). Такъ же разсуждали наши экономисты. Припомните научно обоснованныя статьи А. А. Чупрова въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Иначе ли думали политическіе дѣятели? «Всѣ рѣшительно говори-

*) Среди скептиковъ былъ ген. Ноксъ, говорившій, что міровая катастрофа можетъ «затянуться на шесть лѣтъ, а возможно и больше».

ли» — разсказываетъ Шидловскій — что «больше 3-4 мѣсяцевъ война продлиться не можетъ. Мы отлично знали, что утвержденная Думой военная программа еще не существовала..., но насъ это ничуть не смущало, и мы горѣли въ то время огнемъ такъ же, какъ и всѣ другіе». Родзянко въ показаніи Чр. Сл. Комиссіи Вр. Пр. ссылается на мнѣніе лидера партіи народной свободы, который «былъ убѣжденъ, что война будетъ продолжаться 8 мѣсяцевъ». А вотъ голосъ изъ среды «лѣвыхъ» — Станкевича: Германская опасность представлялась ему «крайне незначительной», и онъ ожидалъ, что послѣ выступленія Англіи «въ пару недѣль война закончится». Поэтому, исходя изъ «принципіальнаго пассифизма», Станкевичъ заявлялъ о «необходимости соблюдать духовный нейтралитетъ въ борьбѣ» — «остаться самому въ сторонѣ». Даже въ 15 г. — свидѣтельствовалъ гр. Игнатьевъ въ показаніяхъ передъ Ч. Сл. Ком. Вр. Пр. — оставалось убѣжденіе, что война скоро кончится. Очевидно, такое убѣжденіе нельзя отнести только къ числу «отговорокъ», какъ утверждалъ во время сухомлиновскаго процесса обвинитель В. П. Носовичъ.

Мало того, до объявленія войны никто не ожидалъ ея, хотя была она почти на носу. Гиппіусъ правильно записываетъ въ дневникъ : «ожидала всего, только не войны! Милюковъ съ ироническимъ скепсисомъ относился къ прогнозамъ Маклакова. Легко отвергались опасенія Керенскаго, что принятіе думской «малой» военной программы, съ ассигнованіемъ двухъ милліардовъ на реорганизацію арміи, можетъ повлечь войну. Члены Гос. Думы въ «самомъ беззаботномъ и спокойномъ настроеніи» разъѣзжались по домамъ въ концѣ іюня, хотя послѣ іюньскаго негласнаго совѣщанія чиновъ военнаго министерства съ членами Думы для С. П. Мансырева было очевидно, что дѣло идетъ не о нормальномъ улучшеніи арміи, а о готовности къ могущей разразиться въ

ближайшемъ будущемъ войнѣ. Убѣжденъ былъ въ іюнѣ и Шингаревъ въ томъ, что не миновать войны (показанія въ Сл. Комиссіи).

Обвинять только правительство въ томъ, что оно преступно не подготовило страну къ міровой войнѣ, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, А. И. Гучковъ въ августовскомъ московскомъ Государственномъ Совѣщаніи 1917 г., было бы возможно въ томъ случаѣ, если можно было бы доказать, что сама власть провоцировала войну. Я не могу разсматривать всю сложную конъюнктуру, приведшую къ кровавому столкновенію. Ограничусь поэтому ссылкой лишь на «поденную запись» министерства ин. дѣлъ за 17 іюля. Изъ нея мы узнаемъ, что будущій «измѣнникъ» Сухомлиновъ тщетно умолялъ царя согласиться на общую мобилизацію въ виду неизбѣжности войны и опасности для Россіи оказаться неготовой. И только подъ вліяніемъ настояній Сазонова Николай II согласился на принятіе означенной мѣры...*).

«Многое въ этой войнѣ вышло изъ предѣла человѣческаго разумѣнія» — утверждала записка военно-морской комиссіи въ августѣ 1915 г. И, конечно, причины военныхъ неудачъ были сложнѣе, нежели злая воля отдѣльныхъ людей. Въ чемъ главнымъ образомъ обвиняетъ нашъ авторитетный военный историкъ Сухомлинова? Я имѣю въ виду ген. Головина. Пожалуй, въ томъ, что Россія оказалась связанной «легкомысленно» даннымъ Сухомлиновымъ обязательствомъ передъ союзниками. Но это обвиненіе уже иного порядка и гораздо болѣе сложное, такъ какъ переноситъ вопросъ въ плоскость общей оцѣнки плана военныхъ дѣйствій и стратегическихъ ошибокъ, въ которыхъ могли быть повинны многіе.

Русское общественное мнѣніе, питавшееся въ то время больше слухами, упрощенно разрѣшало воз-

---

*) См. также воспоминанія С. Д. Сазонова.

никавшія сомнѣнія. Когда просматриваешь листки своего собственнаго дневника, то теперь ясно видишь, сколько злого и несправедливаго сказано въ немъ, напр., о ген. Самсоновѣ и объ операціяхъ нашихъ въ Восточной Пруссіи. А. Ф. Керенскій и по сіе время убѣжденъ, что все дѣло въ вопіющей бездарности ген. Ренненкампфа. Неудача на Мазур скихъ озерахъ превратила въ свое время Гучкова въ «революціонера». Военный историкъ разсѣиваетъ передъ нами тотъ «туманъ», которымъ были покрыты до сей поры дѣйствія 1 и 2 армій въ Восточной Пруссіи. Въ частности, Головинъ высоко оцѣниваетъ вообще дѣятельность Ренненкампфа, который сумѣлъ прежде всего довести свои войска до «выдающейся боевой подготовки». И войска и самъ командующій арміей, по словамъ Головина, съ полнымъ напряженіемъ силъ выполнили все, что требовалъ главнокомандующій сѣв.-зап. фронтомъ. На стратегіи русскаго театра военныхъ дѣйствій тяжело отразилась обстановка, созданная во Франціи «преступно-легкомысленнымъ планомъ войны» — таковъ окончательный выводъ спеціалиста. Часто рѣшенія верховнаго главнокомандующаго диктовались «уже не интересами Россіи, а интересами всего союза». Отсюда отчасти и вытекало то «накипающее непріязненное отношеніе нашихъ военныхъ круговъ къ союзникамъ», которое въ письмѣ къ Сазонову (15 іюля 15 г.) отмѣчалъ изъ Ставки В. Н. Муравьевъ: союзниковъ обвиняли въ «бездѣйствіи».

Когда знакомишься съ трудомъ Н. Н. Головина, приходишь къ опредѣленному выводу — не спеціалисту въ области военныхъ знаній надо отказаться отъ многихъ ранѣе усвоенныхъ трафаретныхъ сужденій. Правда, нѣкоторые выводы Головина оспариваются, но тамъ, гдѣ спорятъ спеціалисты, еще не можетъ быть мѣста трафарету. Военные верхи не были подготовлены къ веденію войны въ современномъ большомъ европейскомъ масштабѣ, но

въ то же время — утверждаетъ военный историкъ — «въ 1914 г. кадры русскихъ войскъ должны быть поставлены на *первомъ* мѣстѣ, какъ по сравненію съ нашими союзниками, такъ и съ противникомъ». Вѣдь это надо такъ или иначе заносить въ аттестатъ военнаго министра, сумѣвшаго при всей своей «сервильности» прибрать къ рукамъ довольно независимыхъ и распущенныхъ великихъ князей: «не справился я только... съ Серг. Мих.» (ген. инсп. артиллеріи) — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Сухомлиновъ*), котораго обвиненіе дѣлало особо отвѣтственнымъ за непорядки именно въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ. Николай II, мнѣ кажется, имѣлъ право до нѣкоторой степени написать опальному министру: «безпристрастная исторія вынесетъ свой приговоръ болѣе снисходительный, нежели осужденіе современниковъ».

Конечно, недостатокъ снабженія являлся въ значительной степени слѣдствіемъ «всеобщаго заблужденія, что война не можетъ длиться долго». Это отмѣтилъ Кривошеинъ въ одномъ изъ засѣданій Совѣта министровъ. «Всѣ разсчеты мирнаго времени — говоритъ ген. Лукомскій — оказались никуда негодными», а ген. Даниловъ утверждаетъ, что «заготовленные въ мирное время запасы могутъ служить обезпеченіемъ лишь на первый періодъ войны». Вопросъ, такимъ образомъ, переносится въ область сужденія о военно-промышленной подготовкѣ Россіи и общей отсталости нашей промышленности по сравненію съ зап.-европейской, которая не давала возможности съ большей или меньшей легкостью найти скорый выходъ изъ создавшагося положенія. Надо ставить вопросъ еще шире, какъ ставилъ его

*) Характерно, что въ бытность Сухомлинова въ Кіевѣ мѣстные правые круги обвиняли будущаго военнаго министра въ потворствованіи «жидамъ и революціи» (А. Сидоровъ. «Гол. Мин.» 1918 г. № 4-6).

въ позднѣйшемъ докладѣ (февраль 17 г.) ген. Кисляковъ: «разрѣшеніе почти всѣхъ наиболѣе жизненныхъ вопросовъ нашихъ армій и даже самый успѣхъ ихъ дѣйствій находится въ непосредственной зависимости отъ состоянія желѣзнодорожнаго транспорта».

Взять любой вопросъ — вопросъ объ упраздненіи крѣпостей, вызвавшій столько недоумѣнnныхъ экивоковъ со стороны общества и ядовитыхъ намековъ въ Сл. Ком. Вр. Пр. со стороны полк. Апушкина; вопросъ о заказахъ военнаго снаряженія заграницей — и придется вносить безконечное число коррективовъ къ установившимся во время войны представленіямъ. Многіе ли изъ насъ знали хотя бы то, что для выполненія американскихъ заказовъ пришлось командировать въ Америку русскихъ инструкторовъ и мастеровъ? Значительна — очень значительна была роль, которую сыграли земско-городскіе союзы, военно-промышленные комитеты въ помощи войнѣ. Но нельзя преувеличивать во всѣхъ отрасляхъ эту роль общественной иниціативы, какъ склонны были подчасъ по тактическимъ соображеніямъ дѣлать руководители союзовъ (напр., кн. Львовъ въ рѣчи на земскомъ съѣздѣ 9 декабря 16 г.). Такъ обстояло, напр., дѣло со снарядами. Ген. Маниковскій, поддерживаемый въ либеральныхъ кругахъ, свидѣтельствовалъ письмомъ въ «Новое Время» (23 окт. 15 г.), что до этого времени военно-промышленные комитеты не доставили ни одного снаряда*).

Я привожу эти данныя вовсе не для оправданія правительственнаго режима. Режимъ былъ негодный — гнилой. Онъ не могъ соотвѣтствовать грознымъ событіямъ, разыгравшимся на міровой аренѣ.

*) Въ воспоминаніяхъ Барта можно найти немало показательныхъ примѣровъ того, что нѣкоторые «общественные» проекты съ полнымъ основаніемъ упокаивались въ архивныхъ шкапахъ правительственныхъ учрежденій.

Царь будто бы сказалъ однажды: «Все мерзавцы кругомъ! Сапогъ нѣтъ, ружей нѣтъ — наступать надо, а наступать нельзя»*). Трагедiей было то, что общество не могло договориться съ верховной властью и, пожалуй, своей часто безотвѣтственной критикой лишь толкало ее какъ бы въ объятiя такъ называемыхъ «темныхъ силъ». Для тѣхъ, кто въ это время искалъ единенiя съ властью и воздѣйствiя на нее, тактика муссированiя сухомлиновской «измѣны» была тактикой снова глубоко-ошибочной. Мемуаристы передаютъ, что Грей будто бы сказалъ въ Лондонѣ главѣ думской делегацiи Протопопову: «Ну и храброе у васъ правительство, разъ оно рѣшается во время войны судить за измѣну военнаго министра».

Какое въ дѣйствительности впечатлѣнiе получалось въ странѣ? Лѣвые политики пользовались этимъ поводомъ, чтобы агитировать и бить по правительству. Въ февралѣ 15 г. по рукамъ ходитъ письмо Керенскаго къ Родзянко по поводу измѣны, свившей себѣ гнѣздо въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ сопоставляетъ работу «сплоченной организацiи дѣйствительныхъ предателей» съ «лживымъ официальнымъ сообщенiемъ о томъ, что часть членовъ Гос. Думы желала пораженiя русскихъ войскъ» (дѣло касалось ареста соцiалъ-демократической фракцiи). Письмо проникаетъ въ круги учащейся мо-

*) В. кн. Андрей Вл. удивляется, какъ могло артиллерiйское вѣдомство въ ноябрѣ 14 г. отвѣтить, что надобности въ снарядахъ не встрѣчается, въ то время, какъ изъ армiи сыпались требованiя на снаряды. Кто виноватъ въ этой «бравадѣ»? Изъ письма Сухомлинова Янушкевичу мы узнаемъ, какъ отвѣтъ этотъ возмутилъ военнаго министра. Онъ ставитъ три восклицательныхъ знака и пишетъ, что заказъ былъ данъ, когда онъ пошелъ «на нихъ (т. е. на вѣдомство вел. кн. Серг. Мих.) войной». «Вотъ это сотрудники» — добавляетъ Сухомлиновъ. — «Жаль, что они не работаютъ на германскую армiю».

лодежи и воспринимается ею съ «обычной нервностью» (запись Каррика). Въ Петербургскомъ университетѣ происходитъ антиправительственная сходка. Большевики — подлинные пораженцы — двѣ своихъ листовки посвящаютъ спеціально дѣлу Мясоѣдова. Слухи объ измѣнѣ ползутъ въ народную толщу. Въ записяхъ В. В. Каррика можно найти обильную серію легендъ о «генералахъ-предателяхъ», которыхъ возятъ прикованными къ одной цѣпи, о снарядахъ, приготовленныхъ по образцамъ для германскихъ пушекъ, и т. д. Въ деревнѣ — передаетъ записка Охр. Отд. слова одного изъ уполномоченныхъ по закупкѣ продовольствія внутри Россіи — говорятъ: «надо повѣсить Сухомлинова, вздернуть 10-15 генераловъ и мы стали бы побѣждать». В. кн. Андрей Вл. со словъ Бенкендорфа записываетъ въ свой дневникъ разговоры московскихъ извозчиковъ: «Вся Россія знаетъ, что генералы измѣнники, а то бы русскія войска давно были бы въ Берлинѣ». Послѣ войны надо разсчитаться со всѣми измѣнниками и предателями. «Когда я уѣзжалъ съ фронта въ 1915 г. — вспоминаетъ Шульгинъ — это былъ всеобщій голосъ: поѣзжайте и позаботьтесь, чтобы не было Мясоѣдовыхъ и Сухомлиновыхъ, а были снаряды. Мы не хотимъ умирать съ палками въ рукахъ».

И если то, что «говорили шопотомъ, на ухо, стало общимъ крикомъ всего народа и перешло... на улицу» (изъ рѣчи кн. Львова), то въ этомъ повинно само общество. Оно само революціонизировало народъ, подчасъ не останавливаясь передъ прямой, а иногда и довольно грубой демагогіей.

3. Перемѣна настроеній.

Шли мѣсяцы за мѣсяцами. Долгіе мѣсяцы войны. Шовинистическій дурманъ въ массѣ проходилъ. Въ сущности онъ никогда глубоко не захватывалъ

низы. Недаромъ Каррикъ въ своемъ Джанетовѣ уже въ первые дни войны отмѣчаетъ «скрытое раздраженное состояніе противъ господъ», а другой современникъ въ свой, неизданный еще дневникъ, 1 августа заноситъ: «мнѣ кажется, народъ противъ войны».

Война обращалась къ населенію своей тѣневой стороной. Вся матеріальная тягость ея ложилась на необезпеченные классы. Никогда этого не надо забывать. Классовыя противорѣчія должны были обостряться. Пусть даже внѣшнее благополучіе нашей промышленности, какъ доказываютъ нѣкоторые экономисты, было только казовымъ. Но когда прибыль сѣверо-кавказскихъ нефтяныхъ обществъ возрастала на 99 проц., воспріятіе рабочими этой прибыли не могло итти въ сторону повышенія чувства безкорыстнаго патріотизма. Если въ Англіи, гдѣ военная прибыль облагалась на 80 проц., новые богачи, по словамъ Алданова, «мозолили глаза» (воспоминанія въ «Посл. Нов.»), въ Россіи это несоотвѣтствіе должно было раздражать еще болѣе.

Достаточно ярко такое настроеніе охарактеризовываетъ намъ октябрьская записка (16 г.) петроградскаго жандармскаго управленія: «безудержная вакханалія мародерства и хищеній различнаго рода темныхъ дѣльцовъ въ разнообразныхъ областяхъ торгово-промышленной и общественно-политической жизни страны, безсистемныя и взаимнопротиворѣчивыя распоряженія представителей мѣстной администраціи, недобросовѣстность... низшихъ агентовъ власти на мѣстахъ; и, какъ слѣдствіе всего вышеизложеннаго, неравномѣрное распредѣленіе продуктовъ питанія и предметовъ первой необходимости, прогрессирующая дороговизна и отсутствіе источниковъ и средствъ питанія у голодающаго въ настоящее время населенія столицы и крупныхъ общественныхъ центровъ — все это... опредѣленно и категорически указываетъ на то, что грозный кризисъ

уже назрѣлъ и неизбѣжно долженъ разразиться въ ту или иную сторону». Записка констатируетъ, что «экономическое положеніе массы, несмотря на огромное увеличеніе заработной платы, болѣе чѣмъ ужасно. Въ то время какъ заработная плата у массы поднялась всего на 50 проц. и лишь у нѣкоторыхъ категорій на 100-200 проц., цѣна на всѣ продукты возросла на 100-500 проц.».

Процитированная записка куда осторожнѣе, чѣмъ выводъ историка революціи. У П. Н. Милюкова можно прочитать такія строки: «одинъ за другимъ широкіе общественные слои переходили на содержаніе государства. Деревня не платила налоговъ и получала пайки. Рабочіе не работали и получали быстро возраставшіе оклады заработной платы... Громадная армія тыла, содержавшаяся на казенный счетъ, пріучала народъ къ праздности и извлеченію чрезвычайныхъ доходовъ изъ народнаго бѣдствія...». Ясно, что это заключеніе не можетъ быть принято безъ существенныхъ оговорокъ.

Едва ли можетъ быть оспариваемо утвержденіе, что именно ухудшеніе экономическаго положенія вызываетъ то приподнятое настроеніе среди рабочихъ, которое отмѣчаетъ департаментская сводка уже въ сентябрѣ 15 г. На этой почвѣ пропаганда большевиковъ получаетъ успѣхъ у рабочихъ. Растетъ пораженчество. Все чаще и чаще, и въ городѣ и въ деревнѣ, правительственная агентура отмѣчаетъ грозные крики: «долой войну» и жажду скорѣйшаго мира. Упрощенно искать причину этихъ настроеній только въ нѣмецкихъ источникахъ, какъ дѣлаетъ это въ своей исторіи Милюковъ. «Трудно отрицать — говоритъ упомянутая жандармская записка — возможность скрытой въ такой благопріятной обстановкѣ работы тайныхъ германскихъ агентовъ, уже давно и неоднократно возвѣщавшихъ всему міру, что Россія — наканунѣ революціи, что Петроградъ болѣе чѣмъ близокъ къ вооруженному возстанію въ

цѣляхъ добиться немедленнаго заключенія мира», но центръ тяжести революціонной пропаганды, по мнѣнію записки, лежитъ въ дѣятельности «лѣвыхъ и иныхъ противоправительственныхъ группъ». Какъ будто бы неоспоримая правда. Причемъ пораженцы типа большевиковъ, конечно, съ самаго начала, если не прямо, то косвенно работали на пользу германскаго военнаго штаба*), ибо тѣ, которые непосредственно были связаны съ большевиками, финскіе, напр., «активисты», по признанію Шляпникова, добровольно служили шпіонажу. Многіе изъ эстонскихъ и сіонистскихъ работниковъ въ средѣ с.-д. также «держали курсъ на нѣмецкій ген. штабъ». Это было тѣмъ болѣе естественно, что автономистскій еврейскій «Форвертсъ» занималъ во время войны ярко германофильскую позицію.

Если вслушаться въ отдѣльные голоса современниковъ, то получишь впечатлѣніе, что Россія уже осенью 1915 г. переживала полную катастрофу. На почвѣ продовольствія, очередей и пр. растетъ погромное настроеніе, легко превращающееся въ антиправительственныя демонстраціи или, точнѣе, потасовки съ полиціей, какъ это было, напр., въ Москвѣ при безпорядкахъ 14-15 сентября. Дѣло дошло до «баррикадъ».

Даже такой «мертвый городъ», какъ Петербургъ, и тотъ, по выраженію Каррика, «буянитъ». Въ Москвѣ «все бурлитъ» — докладываетъ въ Совѣтѣ Министровъ мин. вн. дѣлъ Щербатовъ. Возможенъ взрывъ безпорядковъ, а войскъ — жалуется министръ — нѣтъ. Погромное настроеніе въ Сибири — отмѣчаетъ все регистрирующій Каррикъ. Про-

*) Шляпниковъ отмѣчаетъ, однако, что меньшевики высказывали подозрѣніе о нѣмецкихъ деньгахъ уже въ 1914 г.

довольственныя волненія можно указать, пожалуй, уже съ весны 1915 г. почти въ каждомъ городѣ*). Они всегда носятъ очень однообразный характеръ — повсюду сопровождаются погромами, убійствами и «сраженіями» съ полиціей. Начинаетъ волноваться и спокойная прежде деревня. Специфической чертой является то обстоятельство, что официальныя донесенія нерѣдко отмѣчаютъ отказъ солдатъ и казаковъ усмирять толпу. Стрѣляютъ городовые, и этотъ фактъ, какъ это было, напр., въ Москвѣ и Кременчугѣ, задолго до революціи, вызываетъ присоединеніе войска къ толпѣ. Активной силой выступаютъ выздоравливающіе въ военныхъ госпиталяхъ — ихъ Щербатовъ называетъ «буйной вольницей».

Конечно, это были пока только единичные тыловые случаи, изъ которыхъ поспѣшно было бы выводить заключеніе о начавшемся разложеніи арміи. Между тѣмъ, такое утвержденіе можно встрѣтить въ литературѣ. Въ поискахъ причинъ, поясняющихъ явленіе, можно итти очень далеко. Можно согласиться съ б. военнымъ министромъ Временнаго Правительства, Верховскимъ, что «разложеніе арміи началось задолго до революціи», или, по выраженію Родзянко, для этого имѣлась «почва». Керенскій склоненъ даже утверждать, что авторитетъ военнаго командованія былъ разрушенъ до войны.

Несомнѣнно, печальныя явленія въ арміи въ дни революціи въ той или другой степени наблюдались въ теченіе всей войны. «Войска не хотятъ сражаться» — пишетъ съ фронта уже 10 окт. 14 г. наблюдатель, склонный къ обобщеніямъ. Шульгинъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ о дивизіи, которую называли «бѣговымъ обществомъ» — такъ она активно участвовала въ бояхъ. Было «само-

---

*) Ихъ можно отмѣтить и раньше. Въ моемъ дневникѣ, напр., отмѣченъ бабій бунтъ на московскихъ рынкахъ 28 іюля 14 г.

стрѣльство». Массовую сдачу въ плѣнъ отмѣчаетъ одно изъ раннихъ писемъ (1914 г.) ген. Янушкевича Сухомлинову. Было немало случаевъ, свидѣтельствовавшихъ о натянутыхъ отношеніяхъ между офицерами и солдатами — и даже случаевъ «террора» на фронтѣ противъ нелюбимыхъ начальниковъ. Отмѣчены въ разныхъ источникахъ и случаи пораженческой пропаганды, братаній на пасхѣ, наивнаго довѣрія къ нѣмецкимъ прокламаціямъ (одна изъ нихъ была издана отъ имени «московскаго митрополита») и т. д. Явленія эти неизбѣжно должны были учащаться на фронтѣ. Растетъ дезертирство. Сколько было въ дѣйствительности такихъ дезертировъ? Никто не знаетъ. Керенскій исчисляетъ ихъ къ моменту революціи 1.200 тысячъ; Демидовъ, на основаніи данныхъ военной комиссіи Государственной Думы, доводитъ эту цифру до 2 съ пол. милліоновъ*). О «громадномъ размѣрѣ» дезертирства говоритъ 30 іюля въ Совѣтѣ Министровъ ген. Поливановъ. Дезертиры образуютъ шайки съ атаманами и представляютъ такую опасность общественному порядку, что министръ внутреннихъ дѣлъ Щербатовъ, въ засѣданіи Сов. Мин. 6-го августа, не ручается за безопасность Царскаго Села. Надо, однако, имѣть въ виду, что тѣ тысячи бродящихъ въ придорожныхъ лѣсахъ дезертировъ, голодныхъ, обозленныхъ людей, о которыхъ говорилъ Щербатовъ, конечно, въ огромномъ процентѣ составляли «утечку» пополненій, проходившихъ эшелонами изъ запасныхъ батальоновъ.

Современники всегда склонны обобщать и панически воспринимать отрицательныя явленія жизни. Такъ обобщали свои наблюденія тѣ земскіе уполномоченные, отзывы которыхъ о фронтѣ передаетъ Охранное Отдѣленіе. Обобщая и подчиняясь настро-

---

*) Это — ходячая цифра, занесенная и мною въ тогдашній дневникъ.

еніямъ момента, А. Ф. Керенскій въ своей рѣчи на Московскомъ Совѣщаніи сказалъ: «Всѣ знаютъ, кому были открыты секреты арміи самодержца всероссійскаго, что эта армія была на глиняныхъ ногахъ и почти безъ головы». Не исправилъ Керенскій своихъ обобщеній и въ воспоминаніяхъ. Во французскомъ ихъ изданіи онъ пишетъ: «армія все болѣе и болѣе уподоблялась недисциплинированной толпѣ». Какъ могъ тогда ген. Алексѣевъ говорить на томъ же Государственномъ Совѣщаніи, что армія 1916 г. «сохраняла свой великій русскій воинственный духъ»? Какъ могла морально развалившаяся армія въ 1916 году развернуть «славнѣйшія страницы»? Какъ могли обманываться представители иностранныхъ военныхъ миссій, доносившихъ съ февраля по ноябрь 1916 г. о хорошемъ состояніи арміи, о ея прекрасномъ настроеніи и утѣшительныхъ перспективахъ на будущее? Можетъ быть, только германскому кронпринцу представлялось, что военное положеніе Россіи въ концѣ лѣта было настолько «плохо», что создавался благопріятный моментъ для заключенія сепаратнаго мира? Какъ могъ, наконецъ, такъ рѣшительно заблуждаться лидеръ думской оппозиціи П. Н. Милюковъ, о настроеніи котораго въ концѣ 16 г. В. Д. Набоковъ разсказываетъ: «основная позиція Милюкова по отношенію къ войнѣ становилась все болѣе и болѣе рѣшительная... и дѣлалась непримиримѣе въ отношеніи Германіи. Я хорошо помню, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня..., когда телеграфъ принесъ извѣстіе о первыхъ германскихъ мирныхъ предложеніяхъ. Для насъ это было фактомъ потрясающаго значенія, прежде всего потому, что въ немъ блеснулъ лучъ слабой... надежды на возможность мира... Милюковъ сразу и рѣшительно облилъ насъ ледяной водой. Спокойно онъ заявилъ, что... единственное возможное реагированіе на нихъ — это категорическое и возможно рѣзкое отклоненіе».

«Очевидно — добавляетъ мемуаристъ — только глубочайшая вѣра въ побѣдный конецъ и возможность для Россіи вести войну... диктовали Милюкову такое отношеніе».

Въ русской арміи, можетъ быть, и не было энтузіазма, какъ о томъ свидѣтельствуетъ сводка перлюстрированныхъ писемъ за 1916 - 1917 г. г. — 90 проц. относились какъ бы «безразлично» къ войнѣ, но армія сохраняла свою мощь. Испытывая недостатокъ въ тяжелой артиллеріи, она была по образному выраженію ген. Маниковскаго, которое передаетъ Шульгинъ, снабжена снарядами уже по разсчету на Верданъ. Если въ августѣ 15 г. — можетъ быть въ самый трагическій моментъ — ген. Даниловъ въ разговорѣ съ Сазоновымъ опредѣлялъ возможность окончательной побѣды двумя условіями: «чтобы мы не отчаивались и бодро переносили испытанія и чтобы у насъ не было революціи», то наканунѣ революціи эти положенія были еще жизненнѣе.

Узелъ завязавшей драмы лежалъ, конечно, не въ арміи, а въ тылу, гдѣ озлобленіе массъ (особенно въ столицахъ) достигало уже «исключительныхъ размѣровъ». Достаточно «провокаціоннаго сигнала, чтобы разразились стихійные безпорядки съ тысячами и десятками тысячъ жертвъ». Въ такихъ словахъ освѣдомитель Департамента Полиціи, въ концѣ октября 16 г., передаетъ мнѣніе представителей рабочей группы центральнаго военно-промышленнаго комитета. Характерно, что въ этомъ освѣдомленіи говорится о жертвахъ, а не о торжествѣ революціи. Сознаніе было далеко отъ подобной возможности, и только впослѣдствіи отъ осени 1915 г. повелось революціонное лѣтоисчисленіе.

Гл. II. ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВО.

1. Министерство довѣрія.

То, что объективно, мнѣ кажется, можетъ сказать исторія, не воспринималась современниками. Дѣло имъ представлялось гораздо болѣе трагичнымъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Подобное настроеніе достаточно ярко сказалось на собравшихся въ сентябрѣ 15 г. земскомъ и городскомъ союзахъ. Информаторъ Охраннаго Отдѣленія приписываетъ М. М. Федорову прямое заявленіе: «недалеко то время, когда штыки фронта повернутся на Петроградъ, ибо имѣются на-лицо всѣ признаки, что мы наканунѣ вооруженнаго возстанія». Гучковъ, призывая на съѣздѣ къ организаціи общественныхъ силъ, подчеркивалъ, что эта организація «нужна не только для борьбы съ врагомъ внѣшнимъ, но еще болѣе — для борьбы съ врагомъ внутреннимъ, той анархіей, которая вызвана дѣятельностью настоящаго правительства».

Политическій моментъ, при чемъ не столько событія, переживаемыя на фронтѣ, сколько событія «внутри имперіи», побуждали организованную общественность «сдѣлать послѣднюю попытку... открыть верховной власти глаза на то, что происходитъ въ Россіи, и на возможныя ужасныя послѣдствія: призвать власть пойти на соглашеніе съ требованіями общества необходимо для укрѣпленія власти въ цѣляхъ защиты родины отъ революціи и анархіи». (Слова Гучкова).

«Правительство поставило Россію надъ страшной бездной» (кн. Львовъ). «Россія на краю гибели» (Челноковъ) — эта фразеологія иногда искренняя, иногда искусственная; эти «страшныя слова», заключаемыя и въ обращеніи къ верховной власти, становятся боевымъ лозунгомъ дня.

На нѣсколько запоздалое обличеніе «лжи стараго порядка» направлена отнынѣ «легальная» дѣятельность объединенныхъ работой на нужды войны общественныхъ организацій. Политическія требованія цензовой земской и городской Россіи солидаризируются съ программой, выдвинутой образовавшимся въ періодъ лѣтней секціи Государственной Думы парламентскимъ «прогрессивнымъ блокомъ», который объединилъ 300 депутатовъ (изъ общаго числа 442) и группу академическаго центра Государственнаго Совѣта»*).

Основнымъ пунктомъ опубликованной блокомъ декларацiи было «созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы».

Блокъ «національнаго объединенія» былъ въ сущности слѣпленъ довольно искусственно — видѣть въ немъ «мобилизацію русскаго либерализма», какъ склоненъ былъ представлять дѣло Милюковъ въ дни зачатія и организаціи блока, совершенно невозможно. Въ литературѣ подобная точка зрѣнія имѣетъ склонность какъ будто бы закрѣпиться. Въ юбилейномъ сборникѣ по случаю семидесятилѣтія П. Н. Милюкова М. И. Ганфманъ, между прочимъ, писалъ: «блокъ былъ воплощеніемъ той идеи, которая всегда направляла Милюкова. Путемъ организаціи государствен-

*) На сентябрьскомъ городскомъ съѣздѣ А. И. Гучковъ такъ ставилъ вопросъ: выходомъ изъ положенія является скорѣйшееe осуществленіе программы блока.

ныхъ силъ онъ всегда стремился спасти страну отъ великихъ потрясеній революціи и направить ее по пути мирнаго постепеннаго осуществленія началъ свободы и права». М. А. Алдановъ пошелъ еще дальше: ему представляется, что блокъ «въ случаѣ удачи» долженъ былъ « безъ революціонныхъ потрясеній провести къ созданію свободной демократической имперіи».

Блокъ, который, по характеристикѣ даже Охр. Отд., отнюдь не являлся «гражданской цитаделью», блокъ, «демократизмъ» котораго самъ Милюковъ позже, въ «Россіи на переломѣ», оцѣнилъ очень невысоко, конечно, и не ставилъ себѣ задачи демократизаціи власти. Представляя собой «конгломератъ отдѣльныхъ программъ и требованій», блокъ являлся довольно случайнымъ и некрѣпкимъ тактическимъ объединеніемъ, которое сходилось на отрицательномъ отношеніи къ политикѣ монарха и на признаніи, что безъ перемѣны въ правительственномъ составѣ невозможно ни «остановить нѣмцевъ», ни предотвратить «безсмысленныя возстанія»*).

Блокъ, по выраженію Шульгина, выбралъ путь парламентской борьбы вмѣсто баррикадъ, путь «суда» вмѣсто самосуда: «наша цѣль была, чтобы массы оставались покойными, такъ какъ за нихъ говоритъ Дума»... Созданіемъ блока правые «приковали кадетъ къ минимальной программѣ... Такъ сказать, оторвали ихъ отъ революціонной идеалогіи, свели дѣло къ пустякамъ». Но — добавляетъ Шульгинъ — «кадеты, съ другой стороны, вовлекли насъ въ борьбу за власть». Единомышленники Шульгина намѣревались встать между улицей и властью, но неожиданно имъ приходилось задаваться вопросомъ: «сдерживаютъ ли они или разжигаютъ стихію, не скорѣе ли они своей

*) Дѣйствительнымъ иниціаторомъ блока, повидимому, былъ не Милюковъ, а В. А. Маклаковъ. (Освѣдомители Охр. Отд. иниціаторами соглашенія выставляютъ лидеровъ прогрессивной фракціи Ефремова и Коновалова).

тактикой дойдутъ до баррикадъ». Шульгину «всегда казалось, что сдерживаемъ». Какъ было въ дѣйствительности, мы еще увидимъ.

Блокъ ежечасно трещалъ по швамъ, и дальнѣйшее существованіе его висѣло на волоскѣ. Большія разногласія были и въ лѣвомъ флангѣ блока. Прогрессисты, въ концѣ концовъ, ушли. Возрастало недовольство среди самихъ кадетъ. Матеріалы политическихъ донесеній Деп. Полиціи даютъ намъ богатый матеріалъ для сужденій объ этихъ настроеніяхъ. Это совершенно исключительные по цѣнности документы, такъ какъ они воспроизводятъ информаціи освѣдомленныхъ людей, проникавшихъ въ самую гущу той общественной среды, настроенія которой они освѣщали передъ Охр. Отдѣленіемъ. Они нерѣдко передаютъ интимные или кулуарные разговоры и передаютъ ихъ въ общемъ довольно точно. Нѣкоторыя изъ этихъ характеристикъ почти совпадаютъ съ тѣмъ, что мною самимъ записано въ «дневникѣ» за эти годы*).

На протяженіи всѣхъ 1915-1916 г.г. информаторы отмѣчаютъ три главенствующія теченія въ партіи народной свободы. Самое умѣренное — это милюковское, ставящее своей задачей «совершить мирную революцію за спиною и съ санкціей самого правительства», усыпивъ его «внѣшними и чисто показными изъявленіями вѣрноподданническаго образа мыслей». Второе теченіе настаиваетъ на лозунгѣ отвѣтственнаго министерства и протестуетъ противъ сотрудничества съ правыми въ думскомъ блокѣ. Третье — крайнее — выдвигаетъ идею работы въ народныхъ массахъ и нелегальныхъ дѣйствій. Сами информаторы отмѣчаютъ, что послѣднее теченіе, провинціальное,

---

*) Вся эта информація собрана въ книгѣ «Буржуазія наканунѣ революціи», изданной большевиками въ 1927 г.

— малозначительно. Споръ идетъ между двумя фракціями, изъ которыхъ находящаяся въ оппозиціи къ лидеру доказываетъ, что ложная тактика приспособленія къ власти вырываетъ пропасть между кадетами и лѣвыми кругами общества, которые могутъ явиться единственной реальной угрозой правительству. Это теченіе требуетъ болѣе рѣшительной борьбы съ правительствомъ рука объ руку съ болѣе лѣвыми теченіями.

Что отвѣчалъ своимъ противникамъ Милюковъ? Это не можетъ не быть интереснымъ, такъ какъ «ультра-правительственная» тактика съ извѣстными, правда, оговорками побѣдила на февральскомъ съѣздѣ партіи. Аргументація Милюкова полно изложена въ рѣчи, произнесенной еще на партійной конференціи въ іюнѣ 1915 г. Милюковъ исходилъ изъ предположенія, что Дума соберется явочнымъ, т. е. революціоннымъ порядкомъ. Общество, занятое войной, не пойметъ такого вызова правительству и увидитъ въ этомъ свидѣтельство политической незрѣлости или преступную затѣю, дающую опасный козырь въ руки враговъ Россіи. Явочная Дума будетъ безъ труда разогнана правительствомъ и «получится скверная копія выборгскаго возстанія». «Требованія Гос. Думы — продолжаетъ Милюковъ — должны быть поддержаны властнымъ требованіемъ народныхъ массъ, другими словами, въ защиту ихъ необходимо революціонное выступленіе... Неужели объ этомъ не думаютъ тѣ, кто съ такимъ легкомысліемъ бросаютъ лозунгъ о какой-то явочной Думѣ?» Эти люди «играютъ огнемъ». Достаточно «неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнулъ страшный пожаръ... Это не была бы революція, это былъ бы тотъ ужасный русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный, который приводилъ въ трепетъ еще Пушкина. Это была бы... вакханалія черни... Это была бы волна той мути, поднявшейся со дна, которая погубила прекрасные ростки революціи въ 1905 г. Какова бы ни была власть — худа или хоро-

ша, но сейчасъ твердая власть необходима болѣе, чѣмъ когда-либо»... «Все, что въ данный моментъ можно сдѣлать — заключилъ Милюковъ — это стремиться раскрыть глаза правительству, языкомъ неопровержимыхъ фактовъ бороться съ той министерской гнилью, которая ведетъ нашу армію къ разгрому. Менѣе всего я оптимистъ, когда идетъ рѣчь о правительствѣ, но у меня *есть основаніе заявить*, что правительство пойдетъ за страстно прозвучавшимъ голосомъ общественнаго мнѣнія... и обновленіе кабинета и легальный созывъ Гос. Думы и безъ особаго нажима станутъ фактомъ». Подобная увѣренность приводила Милюкова къ отверженію для даннаго момента идеи отвѣтственнаго министерства и замѣняла ее неопредѣленной формулой министерства довѣрія. Милюковъ очень упорно боролся за то, чтобы эта формула сдѣлалась «общей тогдашней платформой». Въ своей тактикѣ лидеръ кадетовъ «оказался болѣе умѣреннымъ, чѣмъ... нѣкоторые изъ октябристовъ и націоналистовъ».

Милюкову и его единомышленникамъ не трудно было оказать вліяніе на умѣренную земскую среду, гдѣ многіе склонны были считать, что «игра и такъ заходитъ уже слишкомъ далеко». Сентябрьскія земскія резолюціи даже не говорили о министерствѣ довѣрія, ограничиваясь заявленіемъ о необходимости возобновленія занятій Гос. Думы, которая «одна можетъ дать незыблемую опору сильной власти». Въ болѣе радикальномъ по составу съѣздѣ городовъ дѣятелямъ прогрессивнаго блока пришлось встрѣтиться съ болѣе рѣзкой оппозиціей, находившей безполезной посылку депутаціи къ верховной власти, такъ какъ «время челобитныхъ уже прошло...» Здѣсь нашла откликъ программа трудовой фракціи Думы, не входившей, конечно, въ блокъ и настаивавшей на организаціи общества для политической борьбы. Побѣди-

ли, естественно, «умѣренные», но тѣмъ не менѣе резолюція говорила о призваніи на смѣну правительства людей, обезпеченныхъ довѣріемъ народа*).

Изъ кого же должно было состоять это «министерство довѣрія»? Мы увидимъ ниже, что составлялись уже списки общественныхъ дѣятелей, которые могли бы войти въ подобное министерство. Между тѣмъ въ общественной средѣ до конца не было внесено ясности въ пониманіе того лозунга, который былъ выброшенъ. Секретные информаторы вкладываютъ въ уста Милюкова слова: «Вы только громче требуйте отвѣтственнаго министерства, а мы уже позаботимся, какое въ него вложить содержаніе». На упреки, что формулировка прогрессивнаго блока не соотвѣтствуетъ программѣ конституціоналистовъ - демократовъ, Милюковъ будто бы «буквально» отвѣчалъ: «кадеты вообще это одно, а кадеты въ блокѣ — другое. Какъ кадетъ, я стою за отвѣтственное министерство, но, какъ первый шагъ, мы по тактическимъ соображеніямъ нынѣ выдвигаемъ формулу: министерство, отвѣтственное передъ народомъ. Пусть мы только получимъ такое министерство, и оно силою вещей скоро превратится въ отвѣтственное парламентское министерство».

Допустимъ, что у Милюкова была увѣренность, что онъ своей тактикой достигнетъ многаго, и что задуманный обходъ правительства покоится на реалистическихъ основаніяхъ. Не всѣ кадеты, входившіе даже въ прогрессивный блокъ, раздѣляли такую увѣ-

---

*) Такая же борьба происходила и на позднѣйшихъ мартовскихъ съѣздахъ 16 г. «Отечество въ опасности» — остается лозунгомъ дня. Но по прежнему «милюковцы» пытаются умиротворить «лѣвое» теченіе и отвергнуть рѣзкія резолюціи. Разрывъ съ правительствомъ невозможенъ. Вліяніемъ Милюкова информаторы объясняютъ посылку городскимъ съѣздомъ привѣтствія арміи въ лицѣ государя.

ренность и многіе изъ нихъ склоины были въ лозунгъ «министерство довѣрія» вкладывать совсѣмъ иное содержаніе. Министерство довѣрія надлежало составить изъ либеральныхъ бюрократическихъ дѣятелей, общественники же уклонялись принимать на себя отвѣтственность въ сложной конъюнктурѣ войны и наростающихъ революціонныхъ настроеній. И дѣйствительно, министерство «довѣрія» изъ общественныхъ дѣятелей, при невозможности во время войны перестроить весь правительственный аппаратъ, находилось бы въ довольно безвыходномъ положеніи*). Было и другое соображеніе, которое высказывалъ Шингаревъ: «мы должны страшиться того, что послѣ войны, когда начнется строгій судъ надъ преступнымъ правительствомъ, намъ не былъ посланъ упрекъ, что мы сами оказывали ему поддержку и замалчивали его преступленія**).

***

И еще одна показательная черта отличала проекты того времени. Требованія созыва Гос. Думы являлись органической частью въ многочисленныхъ резолюціяхъ общественныхъ организацій — блокъ, земскій и городской союзы, военно - промышленный ко-

---

*) См. ниже свидѣтельства изъ лѣваго, соціалистическаго лагеря.

**) Позиція Шингарева, колебавшаяся между двумя теченіями въ партіи, вообще приводила къ неразрѣшимой двойственности. Съ одной стороны, Шингаревъ считалъ, что серьезная партія не можетъ отказаться отъ поддержки правительства, находящагося въ критическомъ положеніи; лишь важныя событія, какъ роспускъ Думы, законодательство въ порядкѣ ст. 87, могли бы заставить партію выступить съ протестомъ; задача партіи—не дать возможности народному отчаянію прорваться раньше времени и въ страшномъ взрывѣ похоронить побѣду надъ Германіей. Съ другой стороны, Шингаревъ боялся «потерять чувство мѣры» и полагалъ, что въ сохраненіи внутренняго мира нельзя изолироваться отъ «крайнихъ лѣвыхъ теченій», надо рука объ руку съ послѣдними предупредить преждевременный взрывъ.

митетъ—въ періодъ 1915-1916 г.г. Попытка законодательствовать въ порядкѣ ст. 87 приводила, по мнѣнію оппозиціи, къ краху. Казалось бы естественнымъ, что общество, столь непосредственно вложившееся въ дѣло войны, предъявляетъ правительству политическія требованія, желая участвовать не только въ снабженіи арміи, но и въ управленіи страной... «Отечество въ опасности»! «Отвѣтственность за судьбы... родины долженъ принять на себя самъ народъ», который «законно» представленъ въ Гос. Думѣ. Между тѣмъ въ обстановкѣ войны не могла не ощущаться парламентаріями цѣлесообразность ограниченія парламентской дѣятельности — весь міръ шелъ въ тѣ годы по пути ограниченія правъ представительства и усиленія диктатуры правительства*). Только въ Россіи получалось «наоборотъ». Вотъ слова самого Милюкова въ историческомъ аспектѣ: «чтобы справиться со всѣми... явленіями ненормальнаго времени, нужна была дѣйствительно военная диктатура, въ какую и превратилось мало по малу управленіе такихъ демократическихъ странъ, какъ Англія и Франція. У насъ эти же самыя явленія создали для власти и закона обстановку полнаго безсилія... Они были причиной того, что умѣренные элементы, понимавшіе значеніе усиленія власти для благополучнаго исхода войны, пошли на революціонный переворотъ».

Въ Россіи длительная сессія Думы могла быть особенно чревата послѣдствіями. Съ полнымъ правдоподобіемъ информаторы правительства регистрируютъ откровенное мнѣніе Шингарева, высказанное въ кулуарныхъ разговорахъ во время сентябрьскаго земскаго съѣзда: «...роспускъ Гос. Думы вывелъ кадетъ изъ серьезнаго затрудненія; вѣдь уже всѣ вопросы, относившіеся къ войнѣ, были рѣшены... поне-

---

*) Любопытно, что проектъ Шингарева о введеніи предварительной цензуры былъ составленъ въ значительной степени подъ вліяніемъ французской практики.

волѣ приходилось перейти къ обсужденію... соціальныхъ вопросовъ... а при рѣшеніи такихъ вопросовъ на практикѣ, неминуемо послѣдовалъ бы развалъ блока». Поднимать эти «соціальные вопросы» было еще опаснѣе, учитывая настроеніе массъ. Отсюда естественно напрашивался выводъ: нужно добиваться министерства, пользующагося общественнымъ довѣріемъ, — тогда отпадаетъ и необходимость созыва Думы. Въ моемъ дневникѣ за іюнь 15 г., когда впервые всталъ вопросъ о перемѣнѣ власти, какъ слухъ изъ авторитетнаго источника, записано: уходятъ Горемыкинъ, Маклаковъ, Щегловитовъ и др. Затѣмъ Думы не будутъ созываться... Я предчувствую возраженія и заранѣе могу ихъ отпарировать указаніемъ на то, что уже наканунѣ революціи, съ согласіи прогрессивнаго блока, была сдѣлана попытка осуществить такой проектъ, и Маклаковъ велъ отвѣтственные переговоры съ министрами Покровскимъ и Риттихомъ. Намеки на эти переговоры имѣются въ воспоминаніяхъ Шульгина*); вѣроятно и В. А., начавши печатать свои воспоминанія, подробно разскажетъ объ этихъ переговорахъ.

Какъ будто-бы можно сдѣлать опредѣленный выводъ: дореволюціонная, либеральная въ широкомъ смыслѣ слова, общественность во время войны не имѣла строго продуманнаго плана дѣйствій. Ея атаки на правительство не всегда были послѣдовательны. Ея шаги были противорѣчивы. Она вращалась въ заколдованномъ кругу колебаній между поддержкой власти и ея штурмомъ, между успокоеніемъ стихіи и ея возбужденіемъ.

Лѣвые политическіе круги въ нашемъ повѣствованіи почти отсутствовали. Мы почти не видимъ и ихъ

---

*) Отчасти и въ показаніяхъ Родзянко — только послѣдній, очевидно, не былъ посвященъ въ закулисную сторону вопроса.

дѣйствій за кулисами въ тѣхъ общественныхъ комбинаціяхъ, о которыхъ шла рѣчь. Мы ощущаемъ только недовольство этими комбинаціями. Разсказываютъ намъ, напр., секретные информаторы о бурномъ совѣщаніи московской адвокатуры въ сентябрѣ 15 г., на которомъ со стороны значительной части ораторовъ раздавалась рѣзкая критика тактики думской и земско - городской среды. Я предпочитаю не пользоваться личными воспоминаніями, а обращаться, когда возможно, къ источнику какъ бы официальному. Онъ повѣствуетъ: « всѣ переговоры блѣднорозовыхъ либераловъ съ правительствомъ завели общество въ тупикъ; собственно говоря, всѣ эти переговоры есть систематическій обманъ и отвлеченіе общественнаго вниманія отъ истиннаго положенія вещей. Обществу внушаютъ увѣренность, что правительство пойдетъ на уступки, когда совершенно ясно, что этого не будетъ, пока къ лицу правительства не будетъ поднесенъ увѣсистый кулакъ. Поднести же этотъ кулакъ можетъ только демократія, а не либералы, которые умѣютъ лишь «шаловливо играть пальцемъ». Быть можетъ, насталъ моментъ, когда русскому обществу слѣдуетъ задуматься надъ вопросомъ: что неотложнѣе... уничтоженіе нѣмца внутренняго или же нѣмца внѣшняго, и настоящими событіями отвѣтъ напрашивается самъ собою: именно нѣмецъ внутренній не даетъ намъ разбить нѣмца внѣшняго».

Это — изложеніе взглядовъ не пораженческаго крыла лѣвой общественности,а тѣхъ,которые говорили о побѣдномъ концѣ. Элементарная психологія пораженцевъ и ихъ грубая тактика была ясна и опредѣленна: при стихійной революціи не осуществятся «кадетскія вожделѣнія», стихійная революція создастъ почву для освобожденія Россіи отъ «царизма» и превращенія ея въ государство, «построенное на новыхъ соціальныхъ основахъ». Для соціалистовъ не съ такой безотвѣтственной, примитивной психологіей, для соціалистовъ типа Плеханова, Кропоткина и Чайков-

скаго, которые не могли съ точки зрѣнія эфемернаго интернаціонализма отбрасывать предразсудокъ патріотизма, вопросъ о революціонномъ дѣйствіи во время войны не разрѣшается такъ просто. Съ наибольшей прямолинейностью ихъ взглядъ былъ выраженъ въ воззваніи упомянутой группы «Призывъ» — революціонное дѣйствіе равнялось бы «измѣнѣ». Поэтому «оборонцы» — совершенно основательно замѣчаетъ большевикъ Шляпниковъ — должны были воздерживаться отъ пропаганды въ войскахъ. Было, правда, общее убѣжденіе, что послѣ войны надо ждать революціи. Но при невозможности солидаризироваться съ тактикой заигрыванія съ правительствомъ, оставалось въ значительной степени только выжидать. Надо признать, что это ставило государственно мыслящихъ соціалистовъ часто, дѣйствительно, внѣ тѣхъ непосредственныхъ интересовъ, которыми жила страна.

Тактика блока, конечно, привела къ тому, что разстояніе между умѣренными и лѣвыми еще болѣе увеличилось. Русская общественность въ дни, когда съ кафедръ ораторы такъ легко говорили о томъ, что Россія на краю гибели, оказалась столь же раздробленной, какъ и въ прежніе годы. Начальникъ московскаго Охр. Отдѣленія Мартыновъ въ донесеніи Деп. Полиціи сообщаетъ о попыткѣ группы рабочихъ (70 чел.) проникнуть на объединенное засѣданіе сентябрьскихъ съѣздовъ. Членъ Гос. Думы Дзюбинскій просилъ допустить депутацію рабочихъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Ходатайство это было отвергнуто по формальнымъ основаніямъ. Рабочіе вынесли резолюцію, осуждающую дѣйствія «либеральной буржуазіи», и передали въ президіумъ съѣздовъ требованіе о созывѣ Учредительнаго Собранія*). Приходит-

*) Информаторы отмѣчаютъ выступленіе Керенскаго въ кулуарахъ; онъ убѣждалъ прекратить забастовку, какъ не имѣющую политическаго значенія, и доказывалъ необходи-

ся-ли сомнѣваться въ томъ, что не однѣ только «формальныя» соображенія послужили поводомъ для отказа рабочимъ участвовать въ объединенномъ совѣщаніи. Появленіе рабочихъ означало-бы выступленіе на политическую сцену «улицы». Этого боялись.

2. *Верховная власть.*

Какъ реагировала верховная власть на общественныя требованія? Я буду говорить только о верховной власти, такъ какъ она являлась, въ концѣ концовъ, отвѣтственной за тотъ министерскій «идіотизмъ», о которомъ въ свое время говорилъ Милюковъ. Противъ этой верховной власти были направлены дворцовые заговоры, разсказу о подготовкѣ которыхъ будутъ посвящены послѣдующія страницы. Что же касается самого правительства, то съ момента опубликованія въ «Архивѣ Русской Революціи» І. В. Гессена записей Яхонтова о засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, подъ предсѣдательствомъ Горемыкина, лѣтомъ и ранней осенью 1915 г., т. е. въ ту пору, когда общественное недовольство достигло особаго напряженія, приходится сказать, что критическое положеніе Совѣта Министровъ находилось даже внѣ зависимости отъ его персональнаго состава. (Этихъ интереснѣйшихъ записей мы коснемся ниже въ другомъ контекстѣ).

Что сказать о томъ правительствѣ, которое само въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей, на офиціальномъ засѣданіи Совѣта Министровъ 17 августа, признаетъ: «прямо чудовищно все, что происходитъ» (Кривошеинъ). «Правительство виситъ въ

мость внутренней организаціи; когда рабочіе будутъ представлять собою политическую силу, тогда буржуазія не посмѣетъ отклонить участіе ихъ въ политическихъ совѣщаніяхъ.

воздухѣ, не имѣя опоры ни снизу, ни сверху» — заявляетъ Сазоновъ 10 августа. Положеніе безвыходное, и не кто иной, какъ самъ премьеръ Горемыкинъ, говоритъ: «Какая въ Совѣтѣ Министровъ кислятина». Какъ будто бы министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Щербатовъ находитъ правильный выходъ: «Мы всѣ вмѣстѣ непригодны для управленія Россіей при слагающейся обстановкѣ. Тамъ, гдѣ должны пѣть басы, тенорами ихъ не замѣнишь... Нужна либо диктатура, либо примирительная политика... Наша обязанность сказать Государю, что для спасенія государства отъ величайшихъ бѣдствій надо вступить на путь направо или налѣво. Внутреннее положеніе страны не допускаетъ сидѣнія между двухъ стульевъ».

Диктатура? Она такъ естественно напрашивалась. Ея требовали крайніе монархисты:«не Дума нужна, а диктатура» — телеграфировалъ изъ Астрахани небезызвѣстный Тихоновичъ 11 сентября 15 г. Возникали въ правительственной средѣ и реальные планы установленія единоличной диктатуры въ тылу. Такой планъ былъ представленъ начальникомъ штаба верховнаго командованія въ іюнѣ 1916 г. Алексѣевъ писалъ въ своей докладной запискѣ: «какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій вся власть сосредоточивается у верховнаго главнокомандующаго, такъ и во всѣхъ внутреннихъ областяхъ имперіи власть должна быть объединена въ рукахъ одного полномочнаго лица, которое возможно было бы именовать верховнымъ министромъ государственной обороны». Алексѣевскій проектъ вызвалъ рѣшительное возраженіе съ двухъ противоположныхъ сторонъ — со стороны Штюрмера и Родзянко. Писала и Александра Ѳеодоровна мужу по поводу слуха о назначеніи на постъ диктатора в. кн. Сергѣя Михайловича, переданнаго ей Штюрмеромъ со словъ Родзянко: «я увѣрена — говорила она — что ты никогда бы не назначилъ на такое мѣсто великаго князя». Родзянко приписываетъ себѣ честь устраненія опасности возникновенія диктатуры. Онъ «выигралъ

позицію», воздѣйствовавъ на самолюбіе царя и убѣдивъ его, что съ назначеніемъ великаго князя онъ умалитъ свое достоинство. Въ воспоминаніяхъ (текстъ «Былого») Родзянко разсказывалъ нѣсколько по иному и угрожалъ царю больше примѣромъ Юаншихая въ Китаѣ, провозгласившаго себя президентомъ китайской республики, что можетъ «показаться довольно соблазнительнымъ для вновь испеченнаго диктатора». Мнѣ кажется, что здѣсь дѣло было не въ самолюбіи — скорѣе царь уступилъ общественности, которую въ его глазахъ представлялъ предсѣдатель Думы. Родзянко поднялъ вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ, и царь обѣщалъ подумать*).

Выхода фактически не было найдено, такъ какъ политики примиренія, на которую, какъ на другую альтернативу, указывалъ кн. Щербатовъ, верховная власть, колебавшаяся между разными вліяніями, послѣдовательно держаться не могла. Ей было недоступно то искусство управленія, которое, по образному выраженію ген. Вильямса, заключалось въ томъ, чтобы имѣть во время войны бархатную перчатку на желѣзной рукѣ. Констатированіемъ этого факта и приходится ограничиваться. Слишкомъ сложнымъ было бы разсмотрѣніе психологіи взаимныхъ отношеній «безвольнаго» царя и «властной» царицы, которая не

*) Въ связи съ планами введенія «военной диктатуры» стоялъ отчасти и вопросъ о милитаризаціи рабочаго труда. Онъ обсуждался въ сентябрьскихъ (1916 г.) засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія по продовольствію и встрѣтилъ рѣзкія возраженія со стороны, между прочимъ, горнопромышленниковъ, находившихъ, что военное министерство не должно касаться «внутренняго распорядка въ отношеніи фабрикантовъ и заводчиковъ къ рабочимъ». Противъ проекта питанія военнымъ вѣдомствомъ работающихъ на оборону выступили равнымъ образомъ Струве, Шаховской, Громанъ и др. Самъ по себѣ проектъ, конечно, былъ цѣлесообразенъ. Любопытно, что, по словамъ Палеолога, вступить на этотъ путь царю совѣтовали Тома и Вивіани. Но западно-европейская практика не всегда подходила къ русской дѣйствительности.

могла примириться съ тѣмъ, что въ Россіи имѣется конституція. Окружавшая ихъ болѣзненная мистика, захватившая и дворъ, лишь углубляла разрывъ между верховной властью и обществомъ. Только въ мистическомъ трансѣ можно было написать то, что говорила Александра Ѳеодоровна въ письмѣ 5 декабря 16 г., убѣждая царя не идти на уступки: «такъ же упорно, какъ они, т. е. какъ Треповъ и Родзянко (со всѣми злодѣями) на одной сторонѣ — такъ я — въ свою очередь, стану противъ нихъ (вмѣстѣ со святымъ божьимъ человѣкомъ) на другой. Не поддерживай ихъ, держись насъ, живущихъ исключительно для тебя, Бэби и Россіи... тогда все будетъ хорошо. Въ «Les Amis de Dieu» одинъ изъ божьихъ старцевъ говоритъ, что страна, гдѣ Божій человѣкъ помогаетъ государю, никогда не погибнетъ...».

Я не буду говорить ни о «вакханаліяхъ» власти, ни о томъ ея «садизмѣ» (терминъ, употребленный А. И. Деникинымъ), которые дали право В. I. Гурко закончить свою книжку «Царь и Царица» словами: «Можно съ увѣренностью сказать, что и безъ происшедшаго, благодаря Распутина, рѣзкаго измѣненія путей и способовъ достиженія власти, крушеніе русской государственности, при томъ нравственномъ разложеніи правящаго строя, которое столь ярко выявила распутинская эпопея, было во всякомъ случаѣ не за горами». Я не буду говорить, потому что отмѣченное Гурко вліяніе не имѣло характера вчерашняго дня, да и слишкомъ много патетическаго написано уже по этому поводу. И здѣсь, пожалуй, нужны только коррективы*). «Мракобѣсіе революціонизируетъ страну повально» — записываетъ морякъ Ренгартенъ въ свой дневникъ 10 января 17 г.

---

*) Вотъ хотя бы примѣръ: В. Л. Бурцевъ, проповѣдовавшій всегда открыто крайнія мѣры борьбы съ правительствомъ, вплоть до цареубійства, съ началомъ войны всецѣло отдался патріотическому порыву. Бурцевъ пріѣхалъ

То было лишь настроеніе момента, которое заставляло гораздо острѣе воспринимать обычное, мимо чего прежде проходили спокойно.

Нельзя сказать, что Николай II совершенно не считался во время войны съ общественными требованіями... Большевицкая исторіографія полагаетъ, (и не только она), что «министерская чехарда» (выраженіе Пуришкевича), которой отмѣчено предреволюціонное время, показываетъ, что царское самодержавіе держало курсъ направо, не считаясь съ черно-желтымъ блокомъ, т. е. «прогрессивнымъ» (Шляпниковъ). Выводъ, какъ будто бы слѣдовало сдѣлать противоположный. «Безумная», по характеристикѣ Набокова, «министерская чехарда» — результатъ скорѣе уступокъ, правда, не достигшихъ цѣлей и часто неудачныхъ по существу. Самъ Царь пишетъ 9 сентября 16 года: «отъ всѣхъ этихъ перемѣнъ голова идетъ кругомъ. По моему, онѣ происходятъ слишкомъ часто. Во всякомъ случаѣ, это не очень хорошо для внутренняго состоянія страны».

При каждомъ напорѣ со стороны общественности, верховная власть шла болѣе или менѣе на уступки. Такъ было послѣ военныхъ неудачъ въ 1915 г. Безъ оговорокъ признавалъ это Милюковъ въ своей ноябрьской (1916 г.) рѣчи въ Думѣ: «власть пошла тогда на уступки, ненавистные обществу министры были тогда удалены до созыва Думы»... Генералъ Даниловъ разсказываетъ, что 27 іюля въ Ставкѣ подъ предсѣдательствомъ царя происходило совмѣстное засѣданіе главнаго командованія съ Совѣтомъ Министровъ и было рѣшено созвать Государственную Ду-

въ Россію и... попалъ въ Сибирь. Ненавистный общественности Щегловитовъ хотѣлъ его помиловать, этому противился либеральный Джунковскій. Однако, въ концѣ 15 г. Бурцевъ жилъ уже въ Петербургѣ.

му, чтобы «выслушать голосъ земли русской». Это рѣшеніе разсматривалось какъ обѣщаніе царя измѣнить реакціонный курсъ правительственной политики: Царь въ то время, по словамъ ген. Поливанова, стоялъ за «общественность», какъ опредѣленно явствуетъ изъ его програмной рѣчи 23-го авг. при открытіи въ Зимнемъ дворцѣ совѣщанія по оборонѣ съ представителями Думы, Государственнаго Совѣта и общественныхъ организацій. (Августъ, и по словамъ Родзянко, былъ расцвѣтомъ правительственнаго либерализма).

Саблеръ, Щегловитовъ, не говоря уже о Сухомлиновѣ, были отставлены. Устранены были, такимъ образомъ, наиболѣе враждебные общественности министры, о которыхъ можно было говорить, что они подготовляютъ конституціонный coup d'état*). Въ новомъ министерствѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, Горемыкина, не было ни одной одіозной для общественности фигуры. Замѣстителю Сухомлинова, ген. Поливанову, либеральная общественность явно покровительствовала**); Кривошеинъ, игравшій, по вы-

*) Сухомлиновъ былъ преданъ суду, и Алекс. Ѳеод. одобрила этотъ актъ. Дума, и въ частности Милюковъ, впослѣдствіи негодовала за то, что министру, котораго «страна считала измѣнникомъ» и надъ которымъ было назначено слѣдствіе, тюремное заключеніе было замѣнено домашнимъ арестомъ. А. Ѳ. настаивала передъ мужемъ, чтобы стараго, надломленнаго человѣка, просидѣвшаго шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ («срокъ достаточный за всѣ его вины» — писала она: «онъ не шпіонъ») освободили и держали «дома подъ строжайшимъ надзоромъ, не поднимая шума». На чьей сторонѣ въ данномъ случаѣ была элементарная справедливость?

**) Его «заслуга», какъ военнаго министра, впослѣдствіи чрезвычайно преувеличенно была оцѣнена Гучковымъ въ показаніяхъ Слѣд. Комиссіи. Кстати уже необходимая поправка. Гучковъ говорилъ, что назначеніе Поливанова было встрѣчено очень неодобрительно «наверху». Переписка Николая II съ А. Ѳ. устанавливаетъ, что Поливановъ послѣ Сухомлинова являлся кандидатомъ именно царицы.

раженію Поливанова, главную роль въ примиреніи съ обществомъ, считался либеральными кругами наиболѣе даже подходящимъ кандидатомъ на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ; его слушали и на верхахъ — по крайней мѣрѣ, по словамъ гр. Игнатьева, всѣ министерскія назначенія къ лѣту 15 г. были сдѣланы подъ вліяніемъ Кривошеина. Въ результатѣ «кадеты — сообщаютъ закулисные информаторы — считаютъ возможной работу съ правительствомъ, при условіи обязательнаго ухода Горемыкина».

Причины послѣдующихъ министерскихъ смѣнъ были гораздо сложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ это изобразилъ Милюковъ въ показаніяхъ Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства. Останавливаться на нихъ я не могу, но показательно, что на мартовскомъ (16 г.) городскомъ съѣздѣ Милюковъ упорно повторялъ, что министерство довѣрія имѣетъ всѣ шансы осуществиться, несмотря на неудачу августовскаго совѣщанія министровъ съ представителями блока на квартирѣ государственнаго контролера Харитонова — человѣка, имѣвшаго близкія сношенія съ кн. Львовымъ.

Въ концѣ концовъ, Горемыкинъ, пытавшійся «развалить» блокъ и устроившій лѣтомъ 16 г. неудачное чаепитіе съ лидерами правой части блока для того, чтобы выслушать отъ нихъ, что ему надо уйти*), былъ отставленъ и замѣненъ Штюрмеромъ. Эта замѣна — утверждаетъ Мансыревъ — признавалась также побѣдой блока. Трудно даже этому повѣрить. Потомъ многое забывалось. Забылось, напр., то, что блокъ первоначально назначеніе Протопопова министромъ внутреннихъ дѣлъ разсматривалъ опять таки, какъ свою побѣду.

---

*) Къ этому времени относилось письмо Родзянко къ Горемыкину, въ которомъ предсѣдатель Думы призывалъ: «имѣйте мужество... уступите мѣсто болѣе молодымъ силамъ».

*
**

Исторія съ Протопоповымъ такъ показательна, что я остановлюсь на ней нѣсколько подробнѣе. Прежде всего напомню, что Протопопова нельзя представлять себѣ ставленникомъ исключительно Распутина. Вѣдь кандидатура эта была указана самимъ Родзянко царю въ іюнѣ 16 г. (правда, не на постъ министра вн. дѣлъ). Относясь скептически къ совѣтамъ предсѣдателя Думы («Родзянко болталъ, разумѣется, всякую чепуху» — пишетъ Николай II женѣ), царь вспомнилъ, однако, что «нашъ Другъ упоминалъ, кажется, какъ то о немъ». Репутація Протопопова къ моменту, какъ онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, т. е. 16 сентября 16 г., очень мало соотвѣтствовала тому одіуму, который она получила черезъ мѣсяцъ. Протопоповъ перекинулся въ чужой стаиъ — и этого ему простить не могли.

Лѣтомъ 16 г. Протопоповъ стоялъ во главѣ заграничной парламентской делегаціи. Тогда этотъ «ловкій человѣкъ», въ сентябрѣ объявленный невмѣняемымъ, почти сумасшедшимъ, сумѣлъ очаровать всѣхъ государственныхъ дѣятелей Европы и членовъ самой делегаціи. Этого не отрицаетъ и Родзянко. На интимной бесѣдѣ Протопопова съ отвѣтственными членами Думы на квартирѣ Родзянко, 19 октября, Милюковъ, со своей стороны, говорилъ: «я долженъ признать, что у насъ съ А. Д. Протопоповымъ установились, дѣйствительно, дружескія отношенія во время нашей общей поѣздки, которая не давала основанія думать, что Протопоповъ поступитъ такъ, какъ онъ поступилъ». Итальянскій корреспондентъ «Русскаго Слова», одинъ изъ будущихъ руководителей протопоповской «Русской Воли», Амфитеатровъ, въ весьма повышенныхъ тонахъ разсказывалъ 28 іюня читателямъ газеты, какое впечатлѣніе произвела парламентская делегація въ Италіи: «на первомъ планѣ надо поставить аристократическій тактъ, неисчерпаемую любезность и ясную манеру выражаться Протопопова, ко-

торый буквально очаровалъ римское общество всѣхъ его классовъ, и рѣдко видѣлъ я человѣка, котораго бы Римъ полюбилъ такъ быстро и такъ сердечно».

Мансыревъ вспоминаетъ, что назначеніе Протопопова привѣтствовалось печатью почти всѣхъ направленій — отъ «Рѣчи» и «Дня» до «Новаго Времени». Это недалеко отъ истины. Съ большей или меньшей сдержанностью это назначеніе отмѣчалось сочувственно. Бикерманъ въ «Днѣ» и Жилкинъ въ «Русскомъ Словѣ» говорили противъ демократическаго доктринерства, заставлявшаго морщиться, когда прогрессивныхъ людей призываютъ къ власти. Бывшій трудовикъ Жилкинъ писалъ: «назначеніе Протопопова открыло окошечко, конечно, не къ русской общественности, а къ русской промышленности и притомъ съ самаго праваго уголка. Если отъ бюрократіи власть должна клониться къ буржуазіи, то, въ лицѣ Протопопова — первый вынужденный кивокъ къ ней... И, можетъ быть, для русской буржуазіи не празднымъ занятіемъ будетъ готовить дальнѣйшихъ кандидатовъ для власти».

Биржа отвѣтила на назначеніе Протопопова повышеніемъ бумагъ. Торгово - промышленныя и финансовыя организаціи слали телеграммы новому министру. Привѣтствовали его и за границей. Назначеніе Протопопова разсматривалось какъ начало эры примиренія правительства и общества. Такъ расцѣнивалъ назначеніе и мин. нар. пр. гр. Игнатьевъ — это была «первая ласточка»: въ министерство впустили члена Гос. Думы. Бывшій редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», Гакебушъ, превратившійся во время войны въ Горѣлова и перекочевавшій въ «Русскую Волю», другъ Штюрмеровскаго alter ego Гурлянда, преподнесъ своему патрону икону*).

---

*) Это не помѣшало ему въ позднѣйшихъ эмигрантскихъ воспоминаніяхъ («Вино власти» — М. Кусторубовъ) обильно поливать грязью создателя «Русской Воли».

Секретные информаторы передаютъ намъ о конспиративныхъ собраніяхъ на квартирѣ А. И. Коновалова въ Москвѣ, которыя происходили 5-9 октября, т. е. почти черезъ мѣсяцъ послѣ назначенія Протопопова. Тамъ говорили о назначеніи Протопопова и признавали это назначеніе «колоссальной побѣдой общественности, о которой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ трудно было мечтать». Коноваловъ выразился такъ: «капитулируя передъ обществомъ, власть сдѣлала колоссальный, неожиданный скачекъ... Для власти эта капитуляція почти равносильна акту 17 октября. Послѣ министра - октябриста не такъ ужъ страшенъ будетъ министръ - кадетъ. Быть можетъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы будемъ имѣть министерство Милюкова и Шингарева. Все зависитъ отъ насъ, все въ нашихъ рукахъ».

Осторожный въ публичныхъ выступленіяхъ Гучковъ, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Протопоповымъ, въ интервью съ журналистами ограничился словами: «У Протопопова — хорошее общественное и политическое прошлое. Оно — цѣлая программа, которая обязываетъ. Вотъ все, что я могу сказать».

Казалось-бы ауспиціи были скорѣе благопріятны, и Николай II-й съ полнымъ правомъ на докладѣ тов. предсѣдателя Думы о вступленіи его въ должность министра внутреннихъ дѣлъ могъ написать: «Дай Богъ, въ часъ добрый». Царь шелъ на уступки оппозиціонной общественности — по крайней мѣрѣ это могло ему казаться: на докладѣ министра 31 октября онъ написалъ: «надѣюсь, что только крайность заставитъ прибѣгнуть къ роспуску Думы».

Протопоповъ «вонзилъ ножъ въ спину» думской оппозиціи. «Протопоповъ — говорилъ Милюковъ на упомянутомъ собраніи 19 октября — вступилъ во власть не какъ извѣстная личность, а какъ членъ опредѣленныхъ политическихъ сочетаній. На него падаетъ отблескъ политическаго значенія той партіи, къ

которой онъ принадлежитъ, и того большинства, къ которому его причисляли. Его считали членомъ блока». Засѣданіе у Родзянки закончилось попыткой убѣдить Протопопова отказаться отъ поста. «Вы ведете на гибель Россію. Не мѣшайте», — говорилъ ему Милюковъ. «Я самъ земецъ, и земства пойдутъ со мной», — отвѣчалъ Протопоповъ. «Я могу вамъ на прощанье дать медицинскій совѣтъ» — заключилъ Шингаревъ: « ложитесь спать и отдохните»*).

Былъ-ли Протопоповъ «душевнобольнымъ» въ мѣсяцы своего министерства? Здѣсь нужна психіатрическая экспертиза. Нѣкоторое «фиглярничаніе» Протопопова, странные изгибы и наскоки мысли свидѣтельствуютъ о какой-то душевной неуравновѣшенности. Шингаревъ опредѣлялъ болѣзнь Протопопова, какъ «психостенію». Но Милюковъ нѣсколько покривилъ душой (это вытекаетъ изъ приведенныхъ выше фактовъ), когда въ рѣчи 1 ноября говорилъ о хорошо извѣстной старымъ знакомымъ Протопопова чертѣ — «его неумѣніи считаться съ послѣдствіями своихъ собственныхъ поступковъ». Та общественность, которую представлялъ Милюковъ, оцѣнивала прежде Протопопова иначе. Нельзя не согласиться съ Заславскимъ, попытавшимся дать въ «Быломъ» психологическій обликъ Протопопова, что послѣдній въ періодъ допросовъ Слѣдственной Комиссіи Врем. Прав., можетъ быть, сознательно поддерживалъ свою репутацію не совсѣмъ нормальнаго человѣка, охваченнаго религіозной маніей. На слѣдствіи Протопоповъ, дѣйствительно, «очень искусно лавировалъ, путалъ, давалъ неопредѣленные отвѣты». Играя въ искренность и наивность, онъ въ то же время ничего существеннаго не говорилъ...**)

---

*) Стенографическая запись этой бесѣды помѣщена въ приложеніи къ книгѣ Шляпникова «Канунъ семнадцатаго года».

**) Впрочемъ, на допросахъ съ Протопоповымъ держа-

Чѣмъ объясняется метаморфоза Протопопова? Было-ли его увлеченіе «миссіей» спасти Россію результатомъ сумасшествія, какъ полагалъ Родзянко, или простымъ приспособленіемъ къ обиходу той «прихожей», черезъ которую онъ проходилъ на пути къ министерскому креслу? Для Гучкова (показанія Сл. Ком.) Протопоповъ пошелъ въ другой лагерь только ради карьеры.

Нуженъ, повторяю, спеціальный анализъ для того, чтобы отвѣтить на вопросъ о душевной болѣзни Протопопова. Характеристика Заславскаго не можетъ удовлетворять, такъ какъ современный большевицкій обликъ этого писателя заставляетъ его подходить съ опредѣленной специфичностью ко всѣмъ явленіямъ нашего дореволюціоннаго прошлаго.

Мистика особенно привлекала царицу. Появлялась вѣра въ человѣка. И когда царь отмѣчалъ въ письмѣ къ женѣ 10 ноября, что Протопоповъ «хорошій, честный человѣкъ, но онъ перескакиваетъ съ одной мысли на другую и не можетъ рѣшиться держаться опредѣленнаго мнѣнія...говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ не вполнѣ нормаленъ послѣ извѣстной болѣзни» (когда онъ обращался къ Бадмаеву), что «рискованно оставлять въ рукахъ такого человѣка министерство внутреннихъ дѣлъ въ такія времена», «Солнышко» отстаивала Протопопова, который «честно стоитъ за насъ». Съ болѣзненною уже мнительностью Александра Ѳеодоровна видѣла въ общественной оппозиціи только стремленіе дискредитировать все, что близко къ царской семьѣ. И когда Протопоповъ говорилъ: «я чувствую, что не могу быть полезенъ, потому что я заплеванъ», довѣріе къ нему выростало — это была соломинка для утопающихъ.

лись отнюдь не какъ съ больнымъ. Напр., допросъ 21 апрѣля — это большой политическій споръ предсѣдателя Комиссіи съ допрашиваемымъ.

*
**

«Не думаю, что этимъ кончится: они по одному удалятъ всѣхъ тѣхъ, кто тебѣ преданъ, а затѣмъ и насъ самихъ», — эти слова Александры Ѳеодоровны были гораздо реалистичнѣе въ обстановкѣ 1916 г., чѣмъ «слово правды», которое земцы, не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ возможныхъ перспективахъ, будто бы «осторожно несли изъ глубины народнаго сердца къ престолу». (Изъ рѣчи Львова на съѣздѣ 9 декабря 1916 г.).

Поскольку рѣчь идетъ объ осени 1916 года, когда вопросы войны въ общественномъ сознаніи отошли на задній планъ и вниманіе было поглощено гораздо больше внутренней политикой, то запрещеніе министерства внутреннихъ дѣлъ поднимать на земско - городскихъ съѣздахъ вопросы объ измѣненіи состава правительства нельзя сопоставить съ нежеланіемъ Маклакова въ 15 г. разрѣшить созывъ съѣздовъ, такъ какъ земско - городскіе дѣятели стремятся подготовить революцію — съ нежеланіемъ, которое такъ возмутило непосредственнаго и, пожалуй, нѣсколько наивнаго Родзянко.

Съѣзды 1916 г. — это революціонизирующее страну дѣйствіе и гораздо болѣе сильное, чѣмъ та или иная политическая забастовка рабочихъ. Отсюда растетъ къ нимъ враждебное чувство на верхахъ.

Трудно опредѣленно сказать, возможно-ли было на монарха оказать соотвѣтствующее воздѣйствіе? Родзянко казалось, что царь его слушаетъ. Представленіе о Николаѣ II приходится сильно измѣнить послѣ всего того, что теперь опубликовано. Иногда кажется, что часть вины и на той общественной средѣ, которая пыталась оказать это воздѣйствіе и въ цѣляхъ успѣшнаго окончанія войны и въ цѣляхъ избавиться отъ наступающихъ призраковъ революціи. Съ этими ошибками — съ тѣмъ, что можно назвать «политиканствомъ» общественности, мы встрѣтимся впере-

ди. У царя, въ годы войны, очевидно, не было отталкиванія отъ Думы, которая становилась на пути его самодержавія. Онъ говорилъ Родзянко, что пріемъ, оказанный ему въ Думѣ, произвелъ на него «чарующее впечатлѣніе», и говорилъ это «искренне» («я за шесть лѣтъ моего предсѣдательства — добавлялъ въ Слѣдственной Комиссіи Родзянко — изучилъ его и зналъ, когда онъ говоритъ искренне и когда нѣтъ»). Однако, въ посѣщеніи царемъ Думы увидали только «маневръ», внушенный Распутинымъ. Для оппозиціи это было, по выраженію Милюкова, сюрпризомъ довольно неожиданнымъ*).

Несомнѣнно сильно преувеличенно и представленіе о совершенно исключительномъ политическомъ вліяніи находящагося при дворѣ «Друга». Хлесткая фраза Гурко на сентябрьскомъ съѣздѣ, основанная на игрѣ словами, о необходимости «власти съ хлыстомъ, но не такой власти, которая сама находится подъ хлыстомъ», должна быть въ значительной степени отнесена къ обычнымъ демагогическимъ пріемамъ общественной агитаціи. Далеко не всегда Николай II такъ сильно и послушно слѣдовалъ указаніямъ «божьяго человѣка». Онъ писалъ, напр., 6 сентября 16 г.: «Мнѣнія нашего Друга о людяхъ бываютъ иногда очень странными... поэтому нужно быть осторожнымъ, особенно при назначеніи на высокія должности». По поводу отставки Протопопова онъ пишетъ еще рѣшительнѣй: «Только прошу тебя, не вмѣшивай нашего Друга. Отвѣтственность несу я и потому желаю быть свободнымъ въ своемъ выборѣ».

Николай II не былъ, конечно, свободенъ въ своемъ выборѣ. Давила и правая общественность, ко-

*) Характерный штрихъ. Когда Хвостовъ сказалъ Милюкову, что вопросъ о созывѣ или несозывѣ Думы осенью 1916 г. будетъ зависѣть отъ того, пойдетъ-ли въ Думѣ рѣчь о Распутинѣ, Милюковъ, не колеблясь, сказалъ: «...для меня Распутинъ — не самый главный государственный вопросъ... я буду говорить о вопросахъ болѣе важныхъ».

торая грозно внушала: пошатнется власть царская и погибнетъ Россія, разодранная партійными распрями (телеграмма царю одесскаго союза русскаго народа 27 авг. 15 г.). Увы! она пока въ значительной степени оказалась правой, какъ правъ былъ и тотъ народоволецъ, который смѣнилъ вѣхи и который записалъ въ свой дневникъ: «монархія идетъ къ гибели, а безъ монархіи у насъ лѣтъ 10 неизбѣжна рѣзня». И царь, можетъ быть, дѣйствительно, искренно не желавшій реакціи, какъ думалъ въ 1906 г. Левъ Тихомировъ, ставилъ на извѣстной кіевской запискѣ, представленной ему черезъ Щегловитова въ январѣ 17 г., помѣтку: « записка достойная вниманія». Достойно вниманія — еще не значитъ опредѣленное рѣшеніе. Иначе Марковъ 2-ой не жаловался-бы на то, что царь не учитываетъ серьезности положенія и не идетъ за призывами марковскихъ и дубровинскихъ союзниковъ.

3. Сепаратный миръ.

Личность Николая II сыграла огромную роль въ настроеніи русскаго общества. «Передовое русское общественное мнѣніе — говоритъ Набоковъ — извѣрилось въ царѣ и постепенно пришло къ сознанію, что нельзя одновременно быть съ царемъ и съ Россіей». Набоковъ называетъ его «слабымъ, ничтожнымъ, двуличнымъ человѣкомъ». Создавалось впечатлѣніе, что царь подъ вліяніемъ германофильски настроенныхъ круговъ пойдетъ на сепаратный миръ.

Нехорошее это слово — германофильство. Во время войны ему придается специфическое значеніе. Между тѣмъ идея мира вовсе не вытекала въ правыхъ кругахъ изъ какихъ то особыхъ симпатій къ Германіи. Было, конечно, такое теченіе. Октябрьская записка петроградскаго Охраннаго Отдѣленія (1916 года) его отмѣчаетъ.По мнѣнію этихъ правыхъ «вой-

на стала непопулярной въ народѣ изъ-за того, что самодержавная Россія воюетъ за свободу республики и конституціонныхъ монархій съ Германіей, имѣющей схожій съ Россіей образъ правленія». Изъ симпатій ли къ Германіи исходилъ Дурново въ своей пророческой запискѣ въ февралѣ 1914 г.? Онъ дѣйствительно предсказывалъ событія, которыя послѣдуютъ за неизбѣжной, по его мнѣнію, неудачей, — война «не можетъ оказаться тріумфальнымъ шествіемъ въ Берлинъ». «Когда читаешь эти страницы — комментируетъ Алдановъ записку Дурново — порою кажется, что имѣешь дѣло съ апокрифомъ. Совершенно не понятно, какимъ образомъ полицейскій чиновникъ, не имѣвшій репутаціи орла и въ средѣ царской бюрократіи, могъ такъ поразительно точно и увѣренно предсказать событія гигантскаго историческаго масштабы»*). Симпатіи ли только къ Германіи диктовали члену Думы Савенко оглашеніе 1 марта 16 г. резолюціи правыхъ, въ которой было много вѣрныхъ соображеній и которую отнюдь нельзя было назвать «старой для нашихъ германофиловъ темой». Савенко сказалъ: «мы долго обсуждали... вопросъ о разумности продолженія войны и не можемъ со спокойной совѣстью сказать, что народъ хочетъ дальнѣйшей борьбы. Страна далека отъ мысли покорнаго согласія къ выполненію нѣмецкихъ требованій, но она и не отвергаетъ возможности полюбовно придти къ соглашенію, если таковое необходимо... Когда судьбы родины зависятъ отъ силы меча, то только разумомъ, а не сердцемъ можно рѣшать вопросы государственной важности. Если нѣтъ неоспоримыхъ доказательствъ въ близости исчерпывающей побѣды, то долгъ государственныхъ людей не подвергать даль-

*) Намъ неизвѣстенъ, конечно, подлинный авторъ записки, вышедшій изъ круга Департамента Полиціи. Тамъ были умные люди. Недаромъ во всемъ персонажѣ, дѣйствующемъ въ романѣ Алданова «Ключъ», самымъ умнымъ человѣкомъ является, несомнѣнно, Федосьевъ.

нѣйшему испытанію народное терпѣніе, ибо оно слишкомъ напряжено».

Далеко не у всѣхъ «правыхъ», однако, было отрицательное отношеніе къ войнѣ — въ самомъ Союзѣ русскаго народа шла борьба двухъ теченій. И немало резолюцій на подобіе тѣхъ, которыя были приняты на совѣщаніи монархическихъ организацій въ Нижнемъ Новгородѣ, въ ноябрѣ 15 г., можно привести. Эти резолюціи такъ ярко требовали борьбы съ «нѣмецкимъ засильемъ», и ихъ подхватывала та уличная печать типа московскаго суворинскаго «Вечерняго Времени», которая дѣлала свою карьеру, потакая дурнымъ инстинктамъ толпы и не гнушаясь иногда доносами на германофильствующихъ интеллигентовъ. Если они говорили о необходимости скорѣйшаго «почетнаго мира» съ Германіей для того, чтобы избѣжать крушенія режима, то другіе по той же причинѣ страстно боялись «сепаратнаго» мира. Получался заколдованный кругъ: сепаратный миръ означалъ революцію (это прямо отмѣчаетъ въ своей перепискѣ Алекс. Θеодор.), но продолженіе войны — это также революція.

Я бы не рискнулъ утверждать, что цѣлью правыхъ, а тѣмъ болѣе правительства, было заключеніе сепаратнаго мира*). Между тѣмъ это утвержденіе, можно сказать, красной нитью проходитъ въ агитаціи прогрессивнаго блока и примыкающихъ къ нему круговъ изъ земско - городской среды: «государь въ плѣну у чернаго блока», а основная цѣль стремленій этого блока заключить «позорный миръ». Въ дневникѣ

---

*) Я совершенно отказываюсь разсматривать вопросъ о «сепаратномъ» мирѣ въ плоскости интересовъ помѣстнаго, промышленнаго и торговаго капиталовъ, ибо эта кажущаяся углубленной соціологическая точка зрѣнія вульгарнаго марксизма отзывается неимовѣрной житейской фальшью. Чьи спецефическіе интересы защищалъ б. русскій посолъ въ Соед. Шт. Розенъ, являвшійся, по свидѣтельству Бородина, рѣшительнымъ противникомъ войны съ Германіей?

моемъ записано: «Мануиловъ (ред. «Рус. Вѣд.»), вернувшись изъ Петербурга, разсказываетъ, что Витте, Маклаковъ и царь за сепаратный миръ, чтобы избѣжать революціи». Оппозиція подчасъ шла дальше, утверждая, что даже экономическій кризисъ правительство создаетъ чуть ли не нарочно, чтобы имѣть поводъ кончить войну — это твердо было внушено послу Палеологу; правительство стремится вызвать осложненіе въ странѣ, которое развязало бы ему руки и дало бы возможность, ссылаясь на революціонное движеніе, объяснить союзникамъ невозможность продолжать кампанію и возложить на оппозицію отвѣтственность за проигрышъ. Это аргументація не только Рябушинскаго, какъ сообщаютъ соотвѣтствующіе информаторы, но это и аргументація Милюкова, убѣждающаго членовъ кадетской фракціи не поддаваться правительственной «провокаціи». Какъ мы увидимъ на тактикѣ Милюкова въ предмартовскіе дни, идея провокаціи «революціи», которую якобы осуществлялъ прежде Горемыкинъ, а потомъ Протопоповъ, крѣпко укоренилась въ сознаніи политическаго руководителя прогрессивнаго блока*).

Проповѣдь сепаратнаго мира, конечно, могла быть работой тайныхъ германскихъ агентовъ, но при отдѣльныхъ обвиненіяхъ надо быть осторожнымъ. Можно утверждать a priori, что Распутинъ, окруженный шпіонами, долженъ былъ бы непремѣнно вести пропаганду въ пользу заключенія мира съ нѣмцами (статья «Вечерняго Времени», 17 авг. 15 г.). Ловцовъ въ мутной водѣ могло быть не мало. Нѣмецкая интрига могла искать опору, какъ среди темныхъ дѣльцовъ**), такъ и у представителей идейныхъ поражен-

*) Надо сказать, что раньше, изъ тѣхъ же соображеній, выводили и «провокацію» войны — она была нужна для того, чтобы выйти изъ тяжелаго внутренняго положенія.

**) Самъ Николай II указывалъ въ телеграммѣ англійскому королю на возможное вліяніе банковъ, находившихся въ нѣмецкихъ рукахъ. Извѣстно, что этимъ разслѣдо-

ческихъ теченій. Но пока у насъ нѣтъ никакихъ абсолютно данныхъ для того, чтобы распутинское окруженіе превращать въ какую то лабораторію сепаратнаго мира*). Пусть будетъ безтактнымъ свиданіе Протопопова съ банкиромъ Варбургомъ въ Стокгольмѣ, но выводить отсюда назначеніе Протопопова министромъ — значитъ безудержно фантазировать. «Романовы» начали подготовлять почву для заключенія мира — таково заключеніе большевицкаго изслѣдователя Семенникова, автора очень цѣнной по фактическому матеріалу работы: «Политика Романовыхъ наканунѣ революціи». Склоненъ былъ поддерживать эту версію и Милюковъ, подчеркивавшій въ Думѣ, что стокгольмская исторія предшествовала назначенію Протопопова и что потомъ предложенія Варбурга были «повторены болѣе прямымъ путемъ и изъ болѣе высокаго источника»).**

ваніемъ спеціально занималась особая комиссія ген. Батюшина, въ свою очередь подвергшаяся общественнымъ нападкамъ. Пока еще темна вода во облацѣхъ. Обвиненія рождались слишкомъ легко. Напр., Курловъ опредѣленно обвинялъ Родзянко и Гучкова въ покровительствѣ нѣмецкой фирмѣ «Проводникъ». Было привлечено къ отвѣтственности за «государственную измѣну» (передача германскимъ страховымъ обществамъ свѣдѣній о военномъ флотѣ) правленіе страхового Общества «Россія», однимъ изъ членовъ котораго состоялъ тотъ же А. И. Гучковъ и т. д.

*) Б. мин. вн. дѣлъ Хвостовъ — спеціалистъ по нѣмецкому шпіонажу и по нѣмецкому засилію — по-истинѣ «болталъ» (выраженіе царицы) въ Москвѣ, что уволенъ за то, что хотѣлъ отдѣлаться отъ германскихъ шпіоновъ въ окруженіи царскаго «Друга». И только эту «болтовню» повторялъ въ Сл. Комиссіи Родзянко, съ категоричностью заявлявшій, что Распутинъ сознательно дѣйствовалъ по директивамъ изъ Берлина.

**) Показательно, что въ октябрьской бесѣдѣ у Родзянко о свиданіи съ Варбургомъ даже не было упомянуто — очевидно, ему не придавали значенія. О стокгольмской встрѣчѣ Протопоповъ передавалъ Милюкову передъ представленіемъ своимъ царю. Милюковъ, по его собственнымъ словамъ, рекомендовалъ Протопопову не приписывать осо-

Поскольку мы будемъ говорить о самой верховной власти, то послѣдующее съ такой убѣдительностью и отчетливостью показало всю необоснованность всей этой концепціи, что въ историческомъ обзорѣ къ ней возвращаться просто нѣтъ надобности. Отмѣтимъ только общій голосъ иностранныхъ дипломатовъ о томъ, что царь никогда не пойдетъ на сепаратный миръ. Наибольшій скептикъ въ вопросѣ о дальнѣйшемъ участіи Россіи въ войнѣ — Бьюкененъ, доносилъ своему правительству, что «единственный пунктъ, въ которомъ мы можемъ разсчитывать, что онъ (Николай II) останется твердъ, это вопросъ о войнѣ, тѣмъ болѣе, что государыня, фактически управляющая Россіей, сама непоколебима въ рѣшеніи продолжать войну во что бы то ни стало».

Когда въ концѣ 1916 г. германское правительство обратилось къ державамъ Антанты съ приглашеніемъ начать мирные переговоры и когда, по словамъ жены Родзянко, въ Петербургѣ очень опасались заключенія мира, императоръ Николай, по иниціативѣ Гурко, отвѣтилъ приказомъ, что время для достиженія мира еще не наступило, такъ какъ «достиженіе Россіей созданныхъ войною задачъ, обладаніе Царьградомъ и проливами, равно какъ и созданіе свободной Польши изъ всѣхъ трехъ ея, нынѣ разрозненныхъ, областей, еще не обезпечены». А въ это самое время трудовая группа Государственной Думы считала невозможнымъ отказаться обсуждать германское мирное предложеніе.

Исторія должна разойтись съ показаніями современниковъ. Ихъ сознаніе такъ было проникнуто увѣ-

баго значенія этой бесѣдѣ и разсказать ее Николаю II въ формѣ случайнаго эпизода туриста. Очевидно, Протопоповъ былъ очень далекъ отъ идей, которыми въ то время руководился Кайо. Въ началѣ августа Протопоповъ давалъ объясненія въ частномъ думскомъ освѣщаніи, созванномъ въ связи съ проникшими въ печать свѣдѣніями о свиданіи въ Стокгольмѣ.

ренностью, что страхъ передъ народомъ слѣпитъ глаза правительства, что предсѣдатель Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства, Муравьевъ, не задумываясь, серьзно ставилъ вопросъ Воейкову: былъ ли разговоръ о томъ, чтобы открыть 1 марта фронтъ нѣмцамъ. Такое сообщеніе помѣстила благородная «Русская Воля». Великую несправедливость допустилъ и Плехановъ, сказавшій впослѣдствіи на Всероссійскомъ Совѣщаніи Совѣтовъ, что «царь не хотѣлъ защищать Россію», что «царь и его приспѣшники на каждомъ шагу измѣняли ей»*).

*) Такой же только революціонной демагогіей отзывалось напоминаніе о томъ, что въ 1906 г. за царемъ былъ присланъ нѣмецкій миноносецъ — эту справку сочла нужнымъ включить въ свое обращеніе 9 марта 17 г. къ командѣ морскихъ судовъ въ Николаевѣ Государственная Дума (за подписью Родзянко).

Гл. III. «ШТУРМОВОЙ СИГНАЛЪ» МИЛЮКОВА.

1. Слово объ измѣнѣ.

1 ноября 16 г. лидеръ думскаго прогрессивнаго блока произнесъ свою «знаменитую рѣчь» на тему «глупость или измѣна?» Въ «Исторіи Революціи» П. Н. Милюковъ о ней выразился такъ: «общественное мнѣніе *единодушно* признало 1 ноября 16 г. началомъ русской революціи». Это очень далеко отъ истины. Во всякомъ случаѣ самъ Милюковъ, выступая съ кафедры Государственной Думы, отнюдь не думалъ, что онъ своими словами подаетъ «штурмовой сигналъ» (его собственное, болѣе позднее выраженіе) къ революціи: слишкомъ далекъ былъ тогда думскій политикъ отъ какого либо сочувствія революціоннымъ настроеніямъ въ странѣ. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ мнѣніе В. Д. Набокова по этому поводу. нъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «только гораздо позже, уже послѣ переворота, стало ходячимъ, особенно въ устахъ друзей Милюкова, утвержденіе, что съ рѣчи 1 ноября слѣдуетъ датировать начало русской революціи. *Самъ Милюковъ, я думаю, смотритъ на дѣло иначе*».

Въ рѣчи Милюковъ назвалъ имя императрицы «вмѣстѣ съ именами окружавшихъ ее авантюристовъ». Это упоминаніе — констатируетъ историкъ въ изслѣдованіи «Россія на переломѣ» — «произвело впечатлѣніе прорвавшагося нарыва». И «хотя ораторъ — пояснялъ Милюковъ въ «Исторіи» — *скорѣе* склонял-

ся къ первой альтернативѣ (т. е. къ глупости), аудиторія одобреніемъ поддерживала вторую». Смыслъ рѣчи думскаго трибуна, конечно, «былъ не въ глупости», а въ «измѣнѣ», ибо на реплику депутата Замысловскаго Милюковъ отвѣтилъ: «какъ будто трудно объяснить все это одной глупостью». И въ позднѣйшемъ предисловіи къ отдѣльному изданію рѣчи Милюкова (Изд. «Нар. Пр.», 1917) говорилось: «Съ высоты думской трибуны было названо впервые имя царицы и предъявлено царскому правительству тяжкое обвиненіе въ національной *измѣнѣ*. Испытанный вождь оппозиціи, П. Н. Милюковъ, *тщательно* подготовилъ матеріалъ для всенароднаго разоблаченія закулисной работы партіи Царицы Александры и Штюрмера и передъ лицомъ всего міра разорвалъ завѣсу, скрывавшую нѣмецкую лабораторію сепаратнаго мира»*). Въ показаніяхъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства Милюковъ подчеркнулъ, что «главное мѣсто» его рѣчи, изъятое при напечатаніи думскаго отчета, относилось, къ «партіи при молодой императрицѣ».

Въ рѣчи ораторъ напомнилъ предостерегающія слова, сказанныя имъ въ Думѣ 13 іюня 16 г.: «ядовитое сѣмя подозрѣнія уже даетъ обильные плоды... изъ края въ край земли русской расползаются темные слухи о предательствѣ и измѣнѣ... слухи эти забираются высоко и никого не щадятъ». А. И. Деникинъ разсказываетъ, что въ арміи громко, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ, шли разговоры о настойчивомъ требованіи императрицы сепаратнаго мира, о предательствѣ ея въ отношеніи фельдмаршала Китченера, о поѣздкѣ котораго она якобы сообщила нѣмцамъ, и т. д. Теперь всѣ эти темные слухи какъ бы находили авторитетное подтвержденіе въ парламентскомъ словѣ.

---

*) Рѣчь Милюкова воспроизведена въ брошюрѣ А. С. Резанова.

Роковое слово «измѣна» произвело, по словамъ непосредственнаго свидѣтеля, А. И. Деникина, «потрясающее» впечатлѣніе въ арміи; слухи объ «измѣнѣ» сыграли огромную роль въ настроеніи арміи, въ отношеніи и къ династіи, и къ революціи. Полковникъ Резановъ утверждаетъ, что въ письмахъ, задержанныхъ военною цензурой и направленныхъ въ армію, весьма нерѣдко попадались сообщенія о томъ, что «членъ Государственной Думы Милюковъ, имѣя документы въ рукахъ, всенародно доказалъ о продажѣ молодой царицы и всѣхъ министровъ Вильгельму»

Всѣ понимали, что въ Думѣ Милюковъ долженъ былъ говорить иносказательно и вкладывали въ его рѣчь больше, чѣмъ въ дѣйствительности было сказано. Для отвѣтственнаго заявленія «испытаннаго вождя оппозиціи» должны были, очевидно, имѣться солидныя данныя. И никто не могъ предполагать, что у Милюкова, въ сущности, никакихъ матеріаловъ не было, что рѣчь его переполнена была «сплетнями», что канвой для его рѣчи (по утвержденію Милюкова) послужили показанія авантюриста — арестованнаго Мануйлова-Манасевича—дошедшія до парламентской трибуны черезъ третьи руки*) и безотвѣтственныя цитаты изъ вѣнской газеты «Neue Freie Presse». Надо признать, что въ историческомъ уже аспектѣ «знаменитая» рѣчь поражаетъ своей необоснованностью во *всѣхъ* частяхъ. Достаточно указать на одну по истинѣ поразительную реплику оратора, тогда вызвавшую въ Думѣ апплодисменты: «когда мы обвиняли Сухомлинова, мы вѣдь тоже не имѣли тѣхъ данныхъ, которыя слѣдствіе открыло. Мы имѣли то, что имѣемъ теперь: инстинктивный голосъ всей страны и ея субъективную увѣренность»**).

---

*) По словамъ В. Л. Бурцева, имѣвшаго такое соприкосновеніе съ информаціей Мануйлова, онъ былъ «глубоко возмущенъ» рѣчью Милюкова и тогда же сказалъ: «историческая рѣчь, но она вся построена на лжи».

**) То, что Милюковъ говорилъ о провокаціи прави-

«Инстинктивный голосъ» часто можетъ звучать фальшиво. Теперь мы знаемъ, какъ далекъ былъ царь отъ сепаратнаго мира и какъ далека была сама Алекс. Өед. отъ подлинныхъ симпатій къ нѣмцамъ во время войны.

Съ большимъ для того времени безпристрастіемъ кн. П. Д. Долгоруковъ говорилъ въ запискѣ, имѣвшей цѣлью, по информаціи Охр. Отдѣленія, «уяснить взглядъ кадетовъ на переживаемый политическій моментъ», что «никто не думаетъ ставить въ вину государынѣ А. Ө. ея симпатіи къ своимъ несчастнымъ гессенцамъ» или германцамъ вообще. Эти симпатіи дѣлаютъ ей только честь, свидѣтельствуя только объ ея приверженности къ родной національности. Симпатіи къ родной національности, пока онѣ не принимаютъ активнаго характера, только естественны. Но бѣда въ томъ, что нашу государыню Александру Өеодоровну винятъ въ активномъ пособничествѣ Германіи, и отъ этого тяжкаго и, весьма вѣроятно, безпочвеннаго обвиненія избавить ее можетъ только отвѣтственное министерство*). Въ дѣйствительности, повидимому, не было и того, что казалось естественнымъ П. Д. Долгорукову. «Удивительно, какъ непопулярна

тельствомъ Румыніи на выступленіе, имѣло гораздо большее отношеніе къ поѣздѣ Тома и Вивіани, имѣвшихъ цѣлью повліять на русскій штабъ, чтобы онъ шелъ на встрѣчу Румыніи, къ тактикѣ ген. Алексѣева, нежели къ безпочвеннымъ вліяніямъ «темныхъ силъ»...

*) Записка относится къ январю 17 г. и изложена соотвѣтствующимъ освѣдомителемъ. Обвиняли А. Ө. въ покровительствѣ нѣмецкимъ сестрамъ милосердія, въ пожертвованіи на германскій Кр. Крестъ (шлиссельбуржецъ Панкратовъ) и т. д. Сама А. Ө. логически объясняла царю необходимость заботиться о плѣнныхъ врагахъ — для того, чтобы русскимъ было лучше въ плѣну. Положеніе нѣмецкихъ плѣнныхъ въ Россіи было поставлено изъ рукъ вонъ плохо. Мудрый Алексѣевъ, учитывая общественную психологію, всегда, однако, высказывался противъ сообщенія свѣдѣній о помощи военно-плѣннымъ.

Аликсъ — записываетъ въ дневникъ 11 сент. 15 г. в. кн. Андрей Вл.: можно безусловно утверждать, что она рѣшительно ничего не сдѣлала, чтобы дать поводъ заподозрить ее въ симпатіяхъ къ нѣмцамъ*), но всѣ стараются именно утверждать, что она имъ симпатизируетъ».

«Это неправда» — подтверждаетъ, съ своей стороны Бьюкененъ. Злой ходячій анекдотъ того времени, порожденный «инстинктивнымъ голосомъ», гласилъ, что на Зимнемъ дворцѣ будто-бы въ дни антинѣмецкихъ погромовъ висѣлъ плакатъ: «Хозяинъ, хозяйка и дѣти русскіе. Дядя на войнѣ». «Сумасшедшая нѣмка», какъ называетъ А. Ѳ. жена Родзянко въ перепискѣ съ Юсуповой, отнюдь не возстанавливала царя «противъ союзниковъ». Нельзя заподозрить искренности Алекс. Ѳеод., когда она въ несчастьи писала: «О, Боже, спаси Россію... Только не этотъ постыдный миръ... Нельзя вырвать изъ своего сердца любовь къ Россіи» (декабрь 17 г.). Когда до Алекс. Ѳеод. доходятъ свѣдѣнія о проектѣ сверженія большевиковъ при участіи нѣмцевъ, она пишетъ: «такой кошмаръ, что нѣмцы должны спасать Россію; что можетъ быть хуже и болѣе унизительнымъ, чѣмъ это...» Между тѣмъ только нѣмцы могли спасти тогда царскую семью...

Думское слово объ измѣнѣ, соотвѣтствовавшее настроенію, было принято на вѣру, безъ критики, и твердо укоренилось въ сознаніи людей. Жена Родзянко, со словъ офицера, пишетъ Юсуповой 12 февраля 17 г.: «на фронтѣ говорятъ, что она (т. е. А. Ѳ.) поддерживаетъ всѣхъ шпіоновъ нѣмцевъ, которыхъ, по ея приказанію, начальники частей оставляютъ на свободѣ». Ген. Селивачевъ 7 марта записываетъ въ дневникъ: «Вчера одна сестра милосердія сообщила, что есть слухъ, будто изъ Царскосельскаго дворца отъ

*) «Есть скоты, упорно называющіе меня такъ (т. е. нѣмкой)» — писала возмущенная А. Ѳ. мужу 5 янв. 16 г.

государыни шелъ кабель для разговора съ Берлиномъ, по которому Вильгельмъ узнавалъ всѣ наши тайны». Ген. Селивачевъ не только записываетъ, но и комментируетъ эту ерунду: «страшно подумать о томъ, что это можетъ быть правда — вѣдь какими жертвами платитъ народъ за подобное предательство!».

Приходится ли удивлятся, что 95 членовъ петроградскаго Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ, требуя 7 марта ареста членовъ царской фамиліи, говорили объ «уличенной въ измѣнѣ Россіи» царицѣ, если даже вел. кн. Кир. Вл. считалъ возможнымъ въ своемъ «революціонномъ» интервью въ «Петрогр. Газетѣ» говоритъ, что онъ съ ужасомъ не разъ думалъ, не находилась ли царица въ заговорѣ съ Вильгельмомъ.

Такъ безотвѣтственное слово разрушало послѣдній національный авторитетъ царскаго имени. Нравственный престижъ уже былъ разрушенъ Распутинымъ. И, конечно, никакое другое революціонное слово не могло конкурировать съ молвой, втаптывающей въ грязь царское имя. Въ сознаніи народныхъ массъ подрывалась идея «священной монархіи». И когда политическіе противники П. Н. Милюкова инкриминируютъ ему рѣчь 1 ноября, то они вовсе не творятъ «легенды», какъ онъ выразился въ отвѣтѣ Гурко. Если не 1 ноября «поползло» слово объ «измѣнѣ», то съ этого времени оно какъ бы получило общественную «санкцію».

2. Чувство мѣры.

Въ устахъ представителя революціонной демократіи рѣчь лидера блока была-бы, по крайней мѣрѣ, логична. Для Милюкова она просто непонятна, хотя въ репликѣ Маркову 2-му онъ и признавалъ ее «заслугой передъ родиной».

Мы уже видѣли, что Милюковъ довольно послѣ-

довательно занималъ позицію отрицанія революціонной борьбы съ правительствомъ во время войны. Съ полнымъ основаніемъ В. I. Гурко могъ утверждать, что Милюковъ «революціи не желалъ, сознательно на нее не работалъ и даже старался по своему ее предотвратить»*). «Мы не хотѣли этой революціи» — писалъ Милюковъ въ статьѣ «Какъ пришла революція» (1921 г.). «Мы особенно не хотѣли, чтобы она пришла во время войны. И мы отчаянно боролись, чтобы этого не случилось». Руководствовался Милюковъ не только «мудрымъ», по выраженію Демидова**), сознаніемъ, что «во время переправы лошадей не перепрягаютъ», но и своимъ органическимъ отталкиваніемъ отъ революціи, отталкиваніемъ, которое б. министръ ин. дѣлъ Сазоновъ въ одномъ изъ засѣданій Совѣта Мин. опредѣлилъ въ такихъ словахъ: «Милюковъ — величайшій буржуй и больше всего боится соціальной революціи». Въ засѣданіи Гос. Думы 3 марта 16 г. П. Н. Милюковъ такъ охарактеризовалъ свою точку зрѣнія: «я не знаю навѣрное, приведетъ ли правительство насъ къ пораженію. Но я знаю, что революція въ Россіи непремѣнно приведетъ насъ къ пораженію и недаромъ этого такъ жаждетъ нашъ врагъ. Если-бы мнѣ сказали, что организовать Россію для побѣды, значитъ организовывать ее для революціи, я сказалъ-бы: лучше оставьте ее на время войны такъ, какъ она была — неорганизованной»***).

Эти настроенія не оставили еще Милюкова въ дни, предшествовавшіе его рѣчи 1 ноября. Обратимся вновь къ информаціи Департ. Полиціи. Московское

---

*) «Веч. Время» 21 окт. 24 г. Докладъ Гурко былъ какъ бы отвѣтомъ на докладъ Демидова «Міровая война и русская революція». На замѣчанія Гурко возражалъ Милюковъ въ фельетонѣ «Посл. Новостей» — «Гурко и новѣйшая исторія Россіи».

**) Рѣчь на юбилеѣ — «Милюковъ, какъ учитель».

***) Молва приписала Милюкову выраженіе: «лучше пораженіе, чѣмъ революція» (Шляпниковъ. 1917).

Охр. Отд. передаетъ подробности доклада П. Д. Долгорукова въ московскомъ партійномъ комитетѣ о происходившей 20-24 октября конференціи к. д. въ Петроградѣ. П. Н. Милюкову удалось «какъ всегда» побѣдить своихъ противниковъ и повести за собой, но «послѣ длительной и страстной борьбы». «Глубокое разногласіе между «милюковцами» и «провинціалами» — сообщалъ Долгоруковъ — происходитъ по основному вопросу: Милюковъ центръ тяжести борьбы видитъ въ парламентской борьбѣ съ правительствомъ, «провинціалы» же считаютъ необходимымъ перенести центръ тяжести въ организаціи массъ, въ сближеніе съ лѣвѣе стоящими политическими группами, въ болѣе рѣшительную борьбу съ правительствомъ не только на парламентской почвѣ, но и при посредствѣ всевозможныхъ общественныхъ организацій».

Аргументація Милюкова въ цитируемомъ докладѣ представлена въ такомъ видѣ: «безспорно — заявлялъ Милюковъ — насъ ожидаетъ послѣ войны грозное народное движеніе. Но именно потому, что оно будетъ грозно стихійнымъ, мы должны прилагать всѣ усилія, чтобы вложить въ него разумъ, плюсъ организующее начало... Нравственный кредитъ правительства равенъ нулю; въ послѣдній моментъ... оно, конечно, ухватится за насъ, и тогда нашей задачей будетъ не добивать правительство, что значило-бы поддерживать анархію, а влить въ него совершенно новое содержаніе, т. е. прочно обосновать правый конституціонный строй. Вотъ почему въ борьбѣ съ правительствомъ, несмотря на все, необходимо чувство мѣры... Поощрять во имя борьбы съ правительствомъ дѣятелей анархической революціи, это значило-бы рисковать всѣми нашими «политическими достиженіями, завоеванными съ 1905 г.».

Конференція происходила за недѣлю до открытія Государственной Думы. Какъ будто бы такой позиціи совершенно не соотвѣтствовала рѣчь 1 ноября?

*
* *

На П. Н. Милюкова и его единомышленниковъ, несомнѣнно, было оказано сильное давленіе въ эти дни. Не прошла безслѣдно упоминавшаяся октябрьская конференція, на которой лидера упрекали за то, что онъ «плохо слѣдитъ за настроеніями русскаго общества и не даетъ себѣ отчета въ томъ, какое впечатлѣніе на массу... производитъ его уклончивая дипломатическая тактика заигрыванія съ правительствомъ». Еще на VI съѣздѣ партіи (февраль 16 г.) Маклаковъ указывалъ, что настроеніе Москвы сверху до-низу таково, что малѣйшее «заигрываніе со Штюрмеромъ можетъ безвозвратно погубить престижъ партіи». Общество стихійно лѣвѣло, какъ это видно по настроеніямъ земско - городскихъ дѣятелей. 29 октября кн. Львовъ, послѣ совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, обратился къ Родзянкѣ съ письмомъ, въ которомъ опредѣленно уже заявлялось, что «стоящее у власти правительство не въ силахъ закончить войну» и что «*въ рѣшительной* борьбѣ Государственной Думы за созданіе правительства, способнаго объединить всѣ живыя силы и вести... родину къ побѣдѣ, земская Россія будетъ стоять заодно съ народнымъ представительствомъ». Тождественное доводилъ до свѣдѣнія Государственной Думы и М. В. Челноковъ отъ имени союза городовъ. Изъ источниковъ достовѣрныхъ я знаю о попыткѣ настойчиваго непосредственнаго воздѣйствія на Милюкова со стороны кн. Львова. И два основныхъ тезиса Милюкова о невозможности имѣть дѣло съ властью и объ измѣнѣ заимствованы изъ письма Львова. Тамъ, между прочимъ, говорилось: «мучительныя, страшныя подозрѣнія, зловѣщія слухи о предательствѣ и измѣнѣ, о тайныхъ силахъ, работающихъ въ пользу Германіи... перешли въ ясное сознаніе, что вражеская рука тайно вліяетъ на направленіе хода нашихъ государственныхъ дѣлъ». Выступленіе 1 ноября съ упоминаніемъ императрицы,

какъ мы увидимъ, могло соотвѣтствовать плану, осуществляемому Львовымъ.

Въ октябрѣ во всѣхъ кругахъ царитъ «сгустившаяся атмосфера общественнаго недовольства», «оппозиціонность настроеній достигла такихъ исключительныхъ размѣровъ, какихъ она, во всякомъ случаѣ, не имѣла въ широкихъ массахъ даже въ періодъ 1905-6 г.г.».

На совѣщаніяхъ А. И. Коновалова (мы о нихъ скажемъ позже; на нихъ присутствовали представители не только либеральныхъ и радикальныхъ круговъ, но и соціалисты разныхъ оттѣнковъ) объ этомъ полѣвѣніи общества говорится очень много. Участники совѣщанія склонны признать, что на ближайшихъ выборахъ въ Государственную Думу к. д. «окажутся для Москвы слишкомъ правыми». Самъ Милюковъ въ бюджетной комиссіи Государственной Думы передавалъ свои московскія впечатлѣнія во время октябрьской поѣздки въ Москву будто бы въ такихъ словахъ: «Я бы никогда не повѣрилъ, что Москва стала говорить такимъ языкомъ». Тамъ говорятъ «языкомъ непримиримыхъ революціонеровъ». «Можно думать — оговаривался Милюковъ — что настроеніе Москвы въ этомъ отношеніи опережаетъ настроенія Россіи въ цѣломъ».

Наряду съ указанной информаціей директоръ департамента полиціи на основаніи донесеній съ мѣстъ въ своей сводкѣ отмѣчаетъ «ослабленіе вѣры въ народное представительство». Дума разочаровываетъ массы своей дѣятельностью и это «особенно озабочиваетъ кадетъ, которые собираются въ предстоящей сессіи продемонстрировать передъ народомъ, что они являются столь же дѣятельными, какъ и лѣвыя партіи». Заключеніе департамента полиціи, повидимому, было основательно. 22 октября Милюковъ встрѣчается съ Палеологомъ и говоритъ ему о готовящейся противъ Штюрмера и Протопопова демонстраціи. На тревожный вопросъ Палеолога, не грозитъ ли возобнов-

леніе засѣданій Думы осложненіями, Милюковъ, по словамъ автора дневника, отвѣтилъ: «нѣтъ, ничего серьезнаго. Придется, однако, нѣкоторыя вещи сказать съ трибуны. Иначе мы потеряемъ всякое вліяніе на нашихъ избирателей и они уйдутъ къ крайнимъ партіямъ». Послѣдующая рѣчь Милюкова не была импровизаціей,слово объ «измѣнѣ»не было обмолвкой «въ пылу краснорѣчія», ибо въ заранѣе составленномъ проектѣ резолюціи блока говорилось уже объ «измѣнѣ», что такъ смутило сочувствовавшаго блоку гр. Игнатьева: по его словамъ «бываютъ выраженія умѣстныя въ рѣчахъ, но въ резолюціяхъ негодныя» — здѣсь нужны «доказательства».

1 ноября П. Н. Милюковъ сознательно устроилъ отдушину для выхода накопившихся газовъ. И позволилъ онъ себѣ это только потому, что былъ въ дѣйствительности очень далекъ отъ мысли о возможности близкой революціи. Угроза «революціей»» для него была только средствомъ воздѣйствія на власть и отчасти на своихъ единомышленниковъ, которые, по выраженію информаторовъ Деп. Полиціи, испытываютъ непомѣрный страхъ передъ революціей. Въ своихъ пореволюціонныхъ выступленіяхъ П. Н. Милюковъ неоднократно подчеркивалъ, что революція сдѣлалась «окончательно неизбѣжной» въ августѣ - сентябрѣ 1915 г. Это выводъ историка, а не мемуариста. С. П. Мансыревъ (членъ к. д. фракціи) вспоминалъ въ «Ист. и Совр.», какъ Милюковъ въ концѣ 16 г. доказывалъ, что «ни о какой революціи еще десятилѣтія не можетъ быть рѣчи». Такое же воспріятіе милюковской точки зрѣнія въ свое время получилъ и В. А. Маклаковъ.

3. Шахматная комбинація.

Когда просматриваешь сводки агентовъ Деп. Полиціи, выносишь опредѣленное впечатлѣніе, что вся

тактика лидера прогрессивнаго блока дѣйствительно разсчитана на неизбѣжный приходъ къ власти. Повидимому, многіе думали, что такъ и будетъ. «Только немедленное принятіе программы кадетъ... могло бы нѣсколько успокоить страну» — передаетъ октябрьская сводка мнѣніе виднаго еврейскаго дѣятеля, высказанное на собраніи банковскихъ дѣятелей. Реалистическая оцѣнка момента въ данномъ случаѣ была далека отъ дѣйствительности. Рецептъ спасенія отъ революціи видѣли въ кадетскомъ министерствѣ. Оппозиціи казалось, что власть, попавъ въ ея руки, будетъ тверда и популярна. Это замѣчаніе «предсмертной записки» Протопопова, опубликованной П. Я. Рыссомъ въ «Голосѣ Минувшаго», глубоко вѣрно. Только позже, въ 1921 г., въ статьѣ «Какъ прошла революція» Милюковъ призналъ ошибочность взгляда, что роковой ходъ исторіи можно было измѣнить. Не такъ думалось ему наканунѣ революціи, когда, по словамъ одной изъ охранныхъ записокъ, либеральная буржуазія вѣрила, что съ наступленіемъ неизбѣжныхъ событій «правительственная власть должна будетъ пойти на уступки и передать всю полноту своихъ функцій въ руки кадетъ, въ лицѣ лидеруемаго ими прогрессивнаго блока, и что тогда на Руси... все образуется».

Въ первые дни революціи, въ разговорѣ съ Сухановымъ, Милюковъ сказалъ: «...мы, какъ отвѣтственная оппозиція, несомнѣнно, стремились къ власти и шли по пути къ ней, но мы шли къ власти не путемъ революціи. Этотъ путь мы отвергали, этотъ путь былъ не нашъ». Возможно, что мемуаристомъ слова переданы не совсѣмъ точно. Но смыслъ ихъ вполнѣ отвѣчаетъ надеждамъ, которыя питали руководители блока. «Правительство завело себя въ тупикъ и мы бьемъ теперь навѣрняка»...*) Эта реплика

*) Любопытно, что, по отзывамъ цитируемыхъ информаторовъ, к.-д. были убѣждены, что имъ обезпечено боль-

на одномъ изъ фракціонныхъ совѣщаній дополняетъ психологію, въ атмосферѣ которой складывалось рѣшеніе о произнесеніи вызывающей рѣчи 1 ноября. Это былъ ударъ по Штюрмеру. Отступая отъ тактики, противящейся слишкомъ «энергичнымъ натискамъ» на правительство и его изоляціи, П. Н. Милюковъ какъ бы склонялся къ мнѣнію, что рѣзкое выступленіе Думы въ данномъ случаѣ заставитъ правительство пойти навстрѣчу желаніямъ прогрессивнаго блока — зрѣлый плодъ упадетъ съ дерева. Не слѣдовало, однако, принимать такъ категорично, какъ это сдѣлала въ дневникѣ З. Н. Гиппіусъ, слова П. Н. Милюкова 1 ноября: «Теперь мы видимъ и знаемъ, что съ этимъ правительствомъ мы также не можемъ законодательствовать, какъ мы не можемъ вести Россію къ побѣдѣ... Теперь... кажется, всѣ убѣдились, что обращаться къ нимъ съ доказательствами безполезно, когда страхъ передъ народомъ, передъ всей страной слѣпитъ глаза и когда основной задачей является поскорѣй кончить войну, хотя бы въ ничью, чтобы только отдѣлаться поскорѣе отъ необходимости искать народной поддержки». Эти слова Гиппіусъ считала «центромъ рѣчи» и записывала: «Милюкову можно бы сказать съ горечью: теперь видите? и прибавить: не поздно-ли?.. А вотъ почему эти отвѣтственныя слова фактически — безотвѣтственны? Увидѣли, что «ничего не можемъ съ ними»... и продолжаемъ съ ними? Какъ же такъ?»

Плодъ оказался еще недозрѣлымъ. И уже 16 ноября въ совѣщаніи бюро блока съ представителями общественныхъ организацій (Львовъ, Челноковъ, Коноваловъ) Милюковъ выступилъ съ докладомъ и доказывалъ необходимость вновь идти «зигзагообразно», проявлять «осторожность», чтобы не нарушить

шинство въ 5-ой Гос. Думѣ. У министерства Штюрмера былъ проектъ роспуска Думы и назначенія новыхъ выборовъ.

«единство общественнаго фронта». Поддерживавшіе Милюкова Шингаревъ и Шидловскій высказались даже противъ созыва земско - городскихъ съѣздовъ, которые могутъ предъявить требованія Думѣ, между тѣмъ какъ агрессивная политика дальше невозможна и можетъ привести къ роспуску Думы, съ которымъ связана возможность революціи. Такъ характеризовалъ итогъ этого засѣданія Шляпниковъ въ письмѣ 2 декабря къ заграничнымъ «друзьямъ». Послѣдующія событія подтверждаютъ вполнѣ правильность такой характеристики. 19 ноября въ Думѣ разыгрались сцены, которыя едва-ли можно было ожидать послѣ рѣчей 1 ноября, — характерно, что эти сцены совершенно замолчены историкомъ русской революціи (въ обѣихъ работахъ).

Кабинетъ Штюрмера былъ сброшенъ. Замѣну Штюрмера Треповымъ блокисты считали «побѣдой». Конечно, верховная власть пошла на уступки. Поливановъ, популярный въ общественныхъ кругахъ, считалъ себя самымъ вѣроятнымъ кандидатомъ. Морской министръ Григоровичъ, какъ бы «демонстративно» заявившій 4 ноября о единеніи арміи и флота съ Думой*) въ своихъ неизданныхъ еще воспоминаніяхъ разсказываетъ, что онъ былъ вызванъ въ Ставку, и тамъ господствовала полная увѣренность, что именно Григоровичъ будетъ наначенъ премьеромъ — онъ получилъ уже офиціальныя поздравленія**). Этотъ вызовъ очень характеренъ, если мы вспомнимъ, что о кандидатурѣ Григоровича на-

---

*) Это заявленіе было сдѣлано вмѣстѣ съ военнымъ министромъ Шуваевымъ. Интересно, что къ этой «демонстраціи» Алекс. Өеод. отнеслась отнюдь не враждебно. Она считала рѣчи «правильно задуманными», но произнесенными въ несоотвѣтственныхъ тонахъ. Молва приписала А. Ө. «истерику», когда она узнала о происшедшемъ рукопожатіи съ Милюковымъ представителей власти. (Запись Каррика).

**) Сообщилъ мнѣ кап. Лукинъ.

ряду съ Протопоповымъ упоминалъ царю Родзянко. Тогда царь счелъ такую кандидатуру на постъ предсѣдателя министровъ во время войны самой большой «глупостью» изъ сказанныхъ Родзянкой. (И Николай II и Александра Өеодоровна считали Григоровича хорошимъ морскимъ министромъ). Но общественность требовала смѣщенія Штюрмера: «каждый день я слышу объ этомъ все больше и больше. Надо съ этимъ считаться», — писалъ царь 9 ноября. Онъ вспомнилъ, что Григоровичъ — одна изъ кандидатуръ, пріемлемыхъ обществу. Назначенъ былъ, однако, Треповъ, въ значительной степени вопреки мнѣнію Александры Өеодоровны.

Новый предсѣдатель Совѣта Министровъ долженъ былъ 19-го оглашать свою декларацію. Онъ «встрѣтилъ въ Думѣ такой же пріемъ», какъ Штюрмеръ, т. е. былъ освистанъ. Эта строчка взята нами изъ изслѣдованій П. Н. Милюкова «Россія на переломѣ». Въ болѣе ранней своей «Исторіи» авторъ болѣе точно говорилъ, что Треповъ «наткнулся со стороны соціалистическихъ депутатовъ на пріемъ, который вся Дума готовила Протопопову въ случаѣ его появленія». О настроеніи блока и его лѣвой части въ эти дни авторъ умалчиваетъ. Онъ говоритъ только, что выборъ Трепова подтверждалъ, что власть не хочетъ искать своихъ представителей внѣ тѣсной среды старыхъ сановниковъ... неспособныхъ вызвать къ себѣ никакого общественнаго довѣрія. Откроемъ показанія Милюкова въ Слѣдственной Комиссіи Врем. Прав. Здѣсь по неизбѣжности приходилось быть точнымъ въ изложеніи: «Такъ какъ Треповъ считался кандидатомъ либеральнымъ и давно шло къ тому, чтобы выдвинуть его въ такой моментъ, когда можно сговориться съ Думой, чтобы предстать въ качествѣ пріемлемаго для Думы человѣка, то первое впечатлѣніе отъ увольненія Штюрмера — это было впечатлѣніе *полной* побѣды Думы послѣ удара по Штюрмеру. Казалось, что формально это какъ разъ есть первый

шагъ къ отвѣтственности... вскорѣ выяснилось, что Треповъ ни въ какіе разговоры о соглашеніи, ни въ какія обязательства по отношенію Думы и блоку не пойдетъ... Отсюда.... и рѣшеніе блока оставить прежнимъ свое поведеніе и сдѣлать соотвѣтственное заявленіе сейчасъ же, какъ только Треповъ выступитъ со своимъ заявленіемъ. Засѣданіе вышло, надо сказать, болѣе бурнымъ, чѣмъ мы ожидали, потому что лѣвыя партіи рѣшили совсѣмъ не принимать Трепова, не допускать его заявленій и устроить ему обструкцію. Мы же для этой обструкціи не видѣли основаній».

Дневникъ Палеолога намъ вновь пріоткрываетъ уголокъ закулисной обстановки. Онъ записываетъ 13 ноября о готовящейся кадетами шумной демонстраціи, чтобы запугать царя и заставить его отказаться отъ автократизма. Очевидно, демонстрація 19-го должна была быть общей — отступилъ блокъ. Что же произошло 19-го? Родзянко предложилъ исключить демонстрирующихъ лѣвыхъ на восемь засѣданій. Чхеидзе, Керенскій, Соболевъ и Хаустовъ были исключены и, согласно регламенту, имъ было предоставлено слово для объясненія. Чхеидзе началъ съ цитаты рѣчи Гучкова въ 1912 г. и былъ лишенъ слова. Затѣмъ выступаетъ Керенскій съ заявленіемъ, что новый кабинетъ «еще хуже стараго», что оппозиціи «затыкаютъ глотку» и не позволяютъ сказать, что «единственное спасеніе страны» въ созывѣ новой власти, которая «опиралась бы на народъ и спасла бы страну отъ гибели». «И вы — обращался Керенскій къ прогрессивному блоку — которые вмѣстѣ съ нами здѣсь говорили: «или мы, или они» теперь насъ исключаете. Скажите же странѣ, что между народомъ и вами нѣтъ ничего общаго. Мы останемся на посту... и говоримъ: «страна гибнетъ и въ Думѣ нѣтъ спасенія. Они выгоняютъ насъ, но поддерживаютъ тѣхъ»... Этотъ мотивъ повторяется и въ остальныхъ рѣчахъ. Вновь поднимается на трибуну Треповъ. Шумъ и крикъ на крайне - лѣвыхъ скамьяхъ возобновляется.

Чхенкели, Кайниса, Дзюбинскаго, Суханова (трудовикъ) постигаетъ та же кара. Только тогда Трепову удалось дочитать свою декларацію.

Напрасно искать послѣдовательности и логики въ политической борьбѣ. Рѣчь П. Н. Милюкова 1 ноября произвела впечатлѣніе разорвавшейся бомбы — одна изъ цѣлей была достигнута. Информаторы Деп. Полиціи сообщали: «Дума въ своемъ нынѣшнемъ составѣ еще недавно считалась лѣвой прессой и демократическими кругами «черносотенной», «буржуйной»... засѣданіе 1 ноября заставило широкія массы болѣе довѣрчиво отнестись къ Думѣ. Эта перемѣна отношенія, во многомъ объясняемая широкимъ распространеніемъ запретныхъ рѣчей...*) привела къ разговорамъ о возможности роспуска Думы до окончанія войны, къ толкамъ о необходимости беречь Думу и пр. Такимъ образомъ, ноябрьскія событія, давъ толчекъ къ политическимъ разговорамъ обывателей, тѣмъ самымъ способствовали тому, что всѣ политическія чаянія населенія оказались связанными съ именемъ Думы».

Много лѣтъ спустя Е. Д .Кускова въ «Послѣднихъ Новостяхъ» (1924) отмѣчала революціонный характеръ милюковской рѣчи и находила, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ она «гораздо болѣе подняла революціонное настроеніе русскаго общества, чѣмъ всѣ подпольныя манипуляціи большевиковъ». Самъ думскій трибунъ, какъ будто бы ничего не измѣнилось,только что проголосовавъ за исключеніе лѣвыхъ, въ томъ же засѣданіи 19 ноября говорилъ: «Страна встрепенулась; отъ вашихъ рѣчей пролетѣла электри-

*) Не было учрежденія — вспоминаетъ Шляпниковъ, — которое не занималось бы въ ноябрѣ копировкой думскихъ рѣчей.

ческая искра по странѣ. Зарѣзанныя цензурой рѣчи расходятся, на подобіе бѣлыхъ прокламацій, тайно по всей странѣ. Самая тема прокламацій измѣнилась послѣ вашихъ рѣчей и вмѣсто борьбы съ лозунгомъ: «долой войну», раздался лозунгъ «за войну», и вмѣсто созваній разныхъ Учредительныхъ Собраній раздалось требованіе Министерства Спасенія». Здѣсь былъ намекъ на прокламацію, которая была издана соціалистами - оборонцами, связанными своей дѣятельностью съ военно - промышленнымъ комитетомъ. Они поддерживали Думу, но требовали отъ нея, «несмотря ни на какія угрозы, самой рѣшительной борьбы противъ правительственной власти», т. е. рекомендовали тактику противоположную тактикѣ думскаго большинства.

Черезъ мѣсяцъ Милюковъ, не обинуясь, говорилъ, что «русское политическое движеніе снова пріобрѣло то единство фронта, которое оно имѣло до 17-го октября». Это было самообольщеніе. Единый общественный фронтъ былъ разорванъ 19 ноября: «большинство Государственной Думы — гласило заявленіе трудовиковъ — послѣ замѣны Штюрмера Треповымъ явно шло на сдѣлку съ правительствомъ, считая дальнѣйшую оппозицію излишней».

«Лѣвыхъ» Милюковъ могъ замѣнить только представителями всѣхъ московскихъ «биржъ» (хлѣбная, мясная и т. д.), которыя коллективно, безоговорочно привѣтствовали Государственную Думу въ лицѣ Родзянко за ту правду, которая была высказана 1-го ноября и которой «болѣетъ сердце каждаго русскаго гражданина».

Думскіе революціонеры опрометчиво отозвались на «штурмовой сигналъ», поданный руководителемъ прогрессивнаго блока. Для него ноябрьское выступленіе было своего рода шахматной комбинаціей — отчасти вынужденной. Тактическій ходъ не былъ, однако, достаточно обдуманъ и разрушалъ всю сложную игру, которую велъ политическій шахматистъ.

Декабрьская рѣшительность Милюкова вновь должна быть объяснена давленіемъ, которое на него было оказано земско - городской средой. Рѣчь кн. Львова при открытіи 9 октября земскаго съѣзда, вѣрнѣе, совѣщанія, такъ какъ формально съѣздъ не былъ разрѣшенъ полицейской властью, выдѣлялась своей рѣзкостью и опредѣленностью. Онъ прямо говорилъ: «Оставьте дальнѣйшія попытки наладить совмѣстную работу съ настоящей властью. Она обречена на неуспѣхъ. Она только удаляетъ насъ отъ цѣли. Не предавайтесь иллюзіямъ». И резолюція съѣзда заканчивалась призывомъ къ Государственной Думѣ оправдать «въ начатой ею рѣшительной борьбѣ, памятуя о своей великой отвѣтственности, тѣ ожиданія, съ которыми къ ней обращается вся страна». «Дума — дополняла резолюція съѣзда союза городовъ — должна съ неослабѣвающей энергіей и силой довести до конца свою борьбу съ постыднымъ режимомъ. Въ этой борьбѣ вся Россія съ нею. Союзъ городовъ призываетъ Государственную Думу «выполнить свой долгъ и *не расходиться* до тѣхъ поръ, пока основная задача созданія отвѣтственнаго правительства не будетъ достигнута». Наконецъ, резолюція уже объединеннаго совѣщанія общественныхъ органзиацій 11 декабря также гласила: «Ни компромиссовъ, ни уступокъ».

Но блокъ — эта «иллюзія единства думскаго большинства», по мѣткому выраженію охранниковъ — не могъ найти выхода изъ положенія. Самъ Милюковъ однажды въ Думѣ обмолвился: «я знаю, гдѣ выходъ, но какъ до него дойти, я не знаю». И лидеру прогрессивнаго блока приходилось плыть по теченію, не имѣя шансовъ найти выхода, ибо, очевидно, тактикой 1 ноября «ровно ничего» нельзя было выиграть въ глазахъ правительства. Молодой Юсуповъ писалъ матери 20 ноября по поводу очередного доклада предсѣдателя Думы царю: «Медвѣдевъ (т. е. Родзянко) вернулся отъ дяди очень мрачнымъ — онъ все ска-

залъ въ самой рѣзкой формѣ... открыто говорилъ про тетю, что ее надо убрать, пока не поздно». И ему отвѣтили: «Вы думаете, что я тоже измѣнникъ?» «Какъ тебѣ это нравится»? — негодуетъ авторъ письма. А какой другой отвѣтъ могъ быть въ эти дни? Послѣ ноябрьскихъ рѣчей Александра Ѳеодоровна стала особо неистовствовать — она требовала отъ царя, чтобы онъ ,сдѣлавшись Петромъ Великимъ, Іоанномъ Грознымъ, императоромъ Павломъ, «сокрушилъ всѣхъ»; она писала о ссылкѣ въ Сибирь Львова, Гучкова, Милюкова и др.

Власть и общество разошлись еще больше. Если революція стала неизбѣжной, то тактикой 19 ноября можно было только « дискредитировать» себя въ глазахъ «глубоко возмущеннаго народа». Такая тактика — неудачное впечатлѣніе не могли загладить декабрьскія рѣчи — была въ дѣйствительности чужда «трезваго, реальнаго разсчета». Такимъ путемъ нельзя было, какъ выразился Милюковъ въ отвѣтѣ Гурко, «свести лѣвыя настроенія съ неба на землю».

Посмотримъ, на что разсчитывали другіе.

Гл. IV. ПЛАНЫ КН. ЛЬВОВА.

1. «Безумный шоферъ».

Въ рѣчи на декабрьскомъ «совѣщаніи» (1916) уполномоченныхъ вс. земскаго союза кн. Львовъ говорилъ: «Пятнадцать мѣсяцевъ назадъ насъ не допускали сказать монарху истиннаго слова предостереженія о надвигавшейся тогда грозной опасности гибельнаго разрушенія того внутренняго единства, которое было провозглашено въ самомъ началѣ войны съ высоты престола, какъ единственный вѣрный залогъ свободы. *Имъ* было страшно слово правды, которое мы бережно, осторожно несли изъ глубины народнаго сердца къ престолу. *Имъ* было страшно соприкосновеніе царя съ народомъ. Они испугались насъ, поглощенныхъ высокопатріотической работой на спасеніе родины... Путемъ разрушенія народнаго единства и сѣянія розни *они* неустанно готовятъ почву для позорнаго мира; и вотъ уже въ предчувствіи грозной опасности и въ состоявшемся полномъ разрывѣ идеала русскаго народа съ дѣйствительной жизнью, мы должны сказать теперь *имъ:* «Вы — злѣйшіе враги Россіи и престола; вы привели насъ къ пропасти, которая развернулась передъ русскимъ царствомъ... То, что мы хотѣли 15 мѣсяцевъ тому назадъ съ глаза на глазъ сказать вождю русскаго народа, теперь говоритъ въ одинъ голосъ вся Россія».

Насколько искренна была въ устахъ кн. Львова такая нѣсколько запоздалая славянофильская концеп-

ція? Какъ ни важенъ для обрисовки «заговорщическаго» облика Г. Е. Львова отвѣтъ на этотъ вопросъ — точно сможетъ это сдѣлать только его біографъ. *Они* помѣшали довести «слово правды» до престола. Но фактически носитель верховной власти отказался въ сентябрѣ 1915 г. принять депутацію союзовъ — съ этого момента, по мнѣнію Родзянко, началось охлажденіе общества къ царю. Министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Щербатовъ довелъ въ свое время до свѣдѣнія Львова и Челнокова, что государь, «высоко цѣня труды и заслуги союзовъ, проявленные ими въ настоящую войну», считаетъ «ненормальнымъ вторженіе въ политику съ обходомъ правительства». Слабая личность монарха не могла противостоять бюрократическому средостѣнію, которому нѣтъ дѣла до того, что «потокъ несчастія затопитъ родину», что «великая Россія станетъ данницею нѣмцевъ» — «лишь бы имъ сохранить свое личное старое благополучіе». «Въ такіе моменты — говорилъ Львовъ въ своей декабрьской рѣчи — нечего искать, на кого возложить отвѣтственность, а надо принимать ее на самихъ себя».

Такъ родилась идея о необходимости отстраненія царя отъ престола. Мысль объ этомъ въ головѣ Львова промелькнула, повидимому, съ первыхъ дней войны. По крайней мѣрѣ Н. И. Астровъ разсказываетъ, что при встрѣчѣ Николая II въ Москвѣ еще въ 1914 г. Львовъ вынесъ впечатлѣніе, что съ такимъ царемъ побѣдить нѣмцевъ нельзя. Что же въ такомъ случаѣ «президентъ республики»? — формулировалъ свое впечатлѣніе Львовъ, садясь съ Астровымъ въ автомобиль. Оба собесѣдника промолчали.

Впервые болѣе конкретно эта мысль высказана была въ іюнѣ 1915 года на совѣщаніи у А. И. Коновалова М. М. Федоровымъ. Такъ утверждаютъ присутствовавшіе на этомъ совѣщаніи. Они поняли сомнѣнія, возникшія у Федорова, какъ постановку въ общественномъ сознаніи вопроса о негодности монарха и даже о смѣнѣ династіи. Робко и случайно брошен-

ная мысль не сопровождалась какими нибудь конкретными предложеніями. Но съ этого момента въ разныхъ совѣщаніяхъ мысль бродитъ вокругъ и около. Она нашла себѣ открытое выраженіе въ иносказательной статьѣ Маклакова «Трагическое положеніе», напечатанной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ сентябрѣ.

«...Вы несетесь на автомобилѣ по крутой и узкой дорогѣ» — писалъ Маклаковъ. — «Одинъ невѣрный шагъ и вы безвозвратно погибли. Въ автомобилѣ — близкіе люди, родная мать ваша. И вдругъ вы видите, что вашъ шоферъ править не можетъ; потому ли, что онъ вообще не владѣетъ машиной на спускахъ, или онъ усталъ и уже не понимаетъ, что дѣлаетъ, и ведетъ къ гибели и васъ и себя... Къ счастью, въ автомобилѣ есть люди, которые умѣютъ править машиной, имъ надо поскорѣе взяться за руль. Но задача пересѣсть на полномъ ходу не легка и опасна; одна секунда безъ управленія — и автомобиль будетъ въ пропасти. Однако, выбора нѣтъ — вы идете на это. Но самъ шоферъ не идетъ. Оттого ли, что онъ ослѣпъ и не видитъ, что онъ слабъ, и не соображаетъ, изъ профессіональнаго самолюбія или упрямства, но онъ цѣпко ухватился за руль и никого не пускаетъ. Что дѣлать въ такія минуты? Заставить его насильно уступить его мѣсто? Какъ бы ни были вы ловки и сильны, въ его рукахъ фактически руль, и одинъ невѣрный поворотъ или неловкое движеніе этой руки — и машина погибла. Вы знаете это, но и онъ тоже знаетъ. И онъ *смѣется* (курсивъ мой) надъ вашей тревогой и вашимъ безсиліемъ: «Не посмѣете тронуть!» Онъ правъ: вы не посмѣете тронуть; если бы даже страхъ или негодованіе васъ такъ охватили, что, забывъ объ опасности, забывъ о себѣ, вы рѣшились силой захватить руль — пусть оба погибнемъ — вы остановитесь: рѣчь идетъ не только о васъ: вы везете съ собой свою мать... вѣдь вы ее погубите вмѣстѣ съ собой, — сами погубите. И вы себя сдержите, вы отложите счеты съ шоферомъ до того вожделѣннаго времени, когда ми-

нуетъ опасность... вы оставите руль у шофера. Болѣе того, вы постараетесь ему не помѣшать, будете даже совѣтомъ, указаніемъ, содѣйствовать. Вы будете правы — такъ и нужно сдѣлать. Но что будете вы испытывать при мысли, что ваша сдержанность можетъ все-таки не привести ни къ чему, что даже и съ вашей помощью шоферъ не управится? Что будете вы переживать, если ваша мать, при видѣ опасности, будетъ просить васъ о помощи и, не понимая вашего поведенія, обвинитъ васъ за бездѣйствіе и равнодушіе?»

Статья эта по свидѣтельству информаторовъ охр. отд. «встрѣтила живѣйшій откликъ» въ самыхъ широкихъ кругахъ общества, что говорило о ростѣ «антидинастическаго настроенія». Къ чему клонилъ самъ Маклаковъ? Какъ будто бы ясно: противъ «шофера» во время войны выступать нельзя. Но конецъ статьи, можетъ быть, противъ воли автора, ослаблялъ такое впечатлѣніе и скорѣе ставилъ вопросъ, чѣмъ разрѣшалъ его. Отвѣты должны были получаться различные въ соотвѣтствіи съ той двойственностью, которая отмѣчала общественную тактику. Нуженъ былъ еще большой напоръ обстоятельствъ и времени для того, чтобы людей, чуждыхъ по природѣ революціонному дѣйствію, превратить въ конкретныхъ заговорщиковъ.

У Львова какъ будто бы не было страха передъ народомъ. Въ его «славянофильскомъ» представленіи народъ всегда дѣйствуетъ по разумному инстинкту, не нарушаетъ «величавой образъ душевной цѣлости и согласія жизни государственной». Въ своихъ высокихъ и чистыхъ стремленіяхъ, въ своей могучей и великой любви къ родинѣ, въ своемъ національномъ подвигѣ, народъ лишь глубоко потрясенъ «язвой», грозящей «дѣлу побѣды». Въ нѣсколько, пожалуй, примитивной психологіи Львова это народное чувство выливается въ формулу: не хотимъ быть подъ властью «нѣмки». Надо прежде всего устранить эту «нѣмку», изолировать царя отъ вреднаго вліянія и

предъявить ему ультимативныя требованія. Безвольный властитель верховной власти уступитъ, и опасность отъ «безумнаго шофера» будетъ устранена. Надо думать, такова была первоначальная концепція, которая привела кн. Львова къ интимнымъ переговорамъ съ ген. Алексѣевымъ.

2. Ген. Алексѣевъ.

Царь цѣнилъ и вѣрилъ ген. Алексѣеву. Въ перепискѣ съ женой о немъ встрѣчаются только хорошіе отзывы: царь называлъ его «моимъ косоглазымъ другомъ» и говорилъ о работѣ съ нимъ «захватывающаго интереса.»

Но Алексѣевъ чрезвычайно скептически относился къ тому, что происходило въ правительственныхъ сферахъ. По словамъ И. П. Демидова, пріѣзжавшаго къ Алексѣеву по дѣламъ земскаго союза, начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго будто бы далъ тогдашней власти такую характеристику: «Это не люди — это сумасшедшія куклы, которыя рѣшительно ничего не понимаютъ... Никогда не думалъ, что такая страна, какъ Россія, могла бы имѣть такое правительство, какъ министерство Горемыкина. А придворныя сферы? — Генералъ безнадежно махнулъ рукой».

Не видѣлъ спасительной панацеи Алексѣевъ и въ общественныхъ организаціяхъ. По крайней мѣрѣ, на докладѣ директора Деп. Пол., Климовича, о мартовскихъ (16 г.) засѣданіяхъ съѣздовъ общеземскаго и общегородского союзовъ, присланномъ начальнику штаба, Алексѣевъ наложилъ слѣдующую резолюцію: «они должны быть освѣдомлены, что въ различныхъ организаціяхъ мы имѣемъ не только сотрудниковъ въ веденіи войны, но получающія нашими трудами и казенными деньгами внутреннюю спайку силы, пре-

слѣдующія весьма вредныя для жизни государства цѣли. Съ этимъ нужно сообразовать и наши отношенія». Позже, когда въ первые дни революціи Алексѣевъ намѣчался верховнымъ главнокомандующимъ, Родзянко писалъ кн. Львову: «Вспомните, что ген. Алексѣевъ являлся постояннымъ противникомъ мѣропріятій, которыя ему неоднократно предлагались изъ тыла, какъ неотложныя; дайте себѣ отчетъ въ томъ, что ген. Алексѣевъ всегда считалъ, что армія должна командовать надъ тыломъ, что армія должна командовать надъ волею народа и что армія должна какъ бы возглавить собой и правительство и всѣ его мѣропріятія; вспомните обвиненіе ген. Алексѣева, направленное противъ народнаго представительства, въ которомъ онъ опредѣленно указывалъ, что однимъ изъ главныхъ виновниковъ надвигающейся катастрофы является самъ русскій народъ въ лицѣ своихъ народныхъ представителей. Не забудьте, что ген. Алексѣевъ настаивалъ опредѣленно на немедленномъ введеніи диктатуры».

Алексѣевъ, однако, понималъ, что надо пытаться примирить царя съ обществомъ и въ частности, со Львовымъ. Въ дневникѣ моемъ записано со словъ авторитетныхъ свидѣтелей, что при личномъ свиданіи Алексѣевъ благопріятно оцѣнивалъ способности Львова и жаловался на то, что онъ одинъ ничего не можетъ сдѣлать.

Для насъ ускользаютъ предварительные этапы взаимоотношеній Львова и Алексѣева. Можно думать, что откровенныя бесѣды велись въ январѣ 16 г., когда Львовъ и Челноковъ были приглашены въ Ставку на совѣщаніе по продовольствію арміи. О пріѣздѣ Челнокова упоминается и въ перепискѣ Николая II. Царь отмѣчаетъ 14 января: пріѣхалъ «къ моему большому удивленію» московскій городской голова Челноковъ... За нѣсколько минутъ до обѣда я принялъ Челнокова наединѣ — онъ поднесъ мнѣ теплый адресъ отъ Москвы, въ которомъ благодаритъ войска за

хорошій пріемъ, оказанный делегаціи, посланной для распредѣленія подарковъ солдатамъ. Онъ тяжело дышалъ и вскакивалъ каждую секунду со стула, пока разговаривалъ. Я спросилъ его, хорошо ли онъ себя чувствуетъ, на что онъ отвѣтилъ утвердительно, но прибавилъ, что онъ привыкъ представляться Николашѣ и никакъ не ожидалъ увидѣть здѣсь меня... Этотъ отвѣтъ и все его поведеніе понравились мнѣ этотъ разъ». По непонятнымъ причинамъ о Львовѣ нѣтъ даже упоминанія. Объяснить это молчаніе я не могу, такъ какъ «Извѣстія» Главнаго Комитета Вс. З. С. опредѣленно говорятъ объ офиціальномъ присутствіи Львова на указанномъ совѣщаніи. Въ моемъ дневникѣ отмѣчено: «...Львовъ сидѣлъ все время въ вагонѣ. У него былъ Алексѣевъ. Имѣли съ глазу на глазъ бесѣду въ теченіе одного часа». Очевидно, Львовъ постепенно сумѣлъ передать Алексѣеву свою психологію и возбудить въ немъ тѣ опасенія, которыя возникали въ общественной средѣ относительно германофильскаго окруженія «молодой императрицы». Алексѣева «тоже возстановили противъ меня» — писала впослѣдствіи Александра Θеодоровна.

У Алексѣева, очевидно, прочно укоренилось недовѣріе къ Ал. Θеод. — къ ея, быть можетъ, «безсознательной» (выраженіе Родзянко) дѣятельности въ пользу Германіи и къ ея вредному вліянію на царя. У А. И. Деникина имѣется, напр., такая запись: Ген. Алексѣевъ, которому я задалъ этотъ мучительный вопросъ (объ измѣнѣ императрицы) весной 1917 г. отвѣтилъ мнѣ какъ-то неопредѣленно и нехотя: «при разборѣ бумагъ императрицы нашли у нея карту съ подробнымъ обозначеніемъ войскъ всего фронта, которая изготовлялась только въ двухъ экземплярахъ — для меня и государя. Это произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Мало ли кто могъ воспользоваться ею»... Больше ни слова. Перемѣнилъ разговоръ». Враждебное отношеніе было у Алексѣева и къ Распутину, и онъ рѣшительно противился посѣщенію «свя-

тымъ человѣкомъ» Ставки. Деникинъ разсказываетъ, что однажды послѣ офиціальнаго обѣда въ Могилевѣ императрица завела съ Алексѣевымъ разговоръ о Распутинѣ и пыталась его убѣдить, что посѣщеніе «старцемъ» Ставки «принесетъ счастіе». Алексѣевъ сухо отвѣтилъ, что для него это вопросъ давно рѣшенный. И что, если Распутинъ появится въ Ставкѣ, онъ немедленно оставитъ постъ начальника штаба... Императрица рѣзко оборвала разговоръ и ушла, не простившись съ Алексѣевымъ.

Осенью 16 г. начинаютъ въ обществѣ ходить упорные слухи о готовящемся дворцовомъ переворотѣ, причемъ регентство должно перейти къ Ал. Ѳ. Объ этомъ записалъ Сухомлиновъ въ свой дневникъ 15/28 сентября. Отмѣчены эти «замыслы» царицы «въ стилѣ Екатерины» также въ записяхъ В. В. Каррика. Передаетъ эти слухи въ дневникѣ и близкая двору Е. А. Нарышкина. Была ли хоть капля истины въ этихъ слухахъ? Мнѣ они представляются по всей сложившейся конъюнктурѣ и по взаимнымъ отношеніямъ царя совсѣмъ мало вѣроятными. Было, очевидно, другое. Въ Слѣд. Комиссіи Вр. Пр. Мануйловъ-Манасевичъ, разсказывая о вліяніи «Царскаго» на Ставку, передавалъ такой случай... «въ 2 часа ночи раздался его (Распутина) звонокъ по телефону: «Экстренно пріѣзжай, я тебѣ новость сообщу». Я тогда пріѣхалъ къ нему и онъ говоритъ: «Рѣшено папашу больше одного не оставлять, папаша надѣлалъ глупостей, и поэтому мамаша ѣдетъ туда». Было рѣшено, что она будетъ жить въ Ставкѣ... Этого и боялся Алексѣвъ. Пріѣздъ царицы могъ бы усилить интриги «нѣмецкой партіи» въ Петербургѣ, о которыхъ говорилъ Алексѣевъ ген. Иванову (не употребляя, впрочемъ, термина: «нѣмецкая партія»). Отсюда, возможно, и податливость Алексѣева на уговоры со стороны кн. Львова. Я считаю, что настойчивая инициатива исходила отъ послѣдняго... Такимъ образомъ, къ осени, повидимому, между новыми «союзниками» была уста-

новлена договоренность уже о дѣйствіяхъ. А. Ф. Керенскій, который впослѣдствіи о намѣчавшихся планахъ могъ знать непосредственно отъ самого Львова, во французскомъ изданіи своихъ воспоминаній говоритъ, что планъ заключался въ арестѣ царицы, ссылкѣ ея въ Крымъ и въ принужденіи царя пойти на нѣкоторыя реформы, т. е., очевидно, согласиться на министерство «довѣрія» во главѣ со Львовымъ. Керенскій ошибочно относитъ осуществленіе такого плана на октябрь — онъ былъ намѣченъ, но на конецъ ноября. Въ ноябрѣ одинъ изъ довѣренныхъ Львова, по порученію послѣдняго, посѣтилъ Алексѣева. Произошла такая приблизительно сцена. Во время пріема Алексѣевъ молча подошелъ къ стѣнному календарю и сталъ отрывать листокъ за листкомъ до 30 ноября. Потомъ сказалъ: передайте кн. Львову, что все, о чемъ онъ просилъ, будетъ выполнено. Вѣроятно, на 30 ноября и назначалось условленное выступленіе.

Черезъ кого Алексѣевъ предполагалъ дѣйствовать? Лемке, бывшій въ то время въ Ставкѣ, записалъ въ свой дневникъ еще 9 ноября 15 г.: «Очевидно, что-то зрѣетъ... Недаромъ есть такіе пріѣзжающіе, о цѣли появленія которыхъ ничего не удается узнать, а часто даже и фамилію не установишь. Имѣю основаніе думать, что Алексѣевъ долго не выдержитъ своей роли, что-то у него есть, связывающее его съ ген. Крымовымъ именно на почвѣ политической, хотя и очень скрываемой дѣятельности». Позже, въ 16 г., Лемке пишетъ: « Меня ужасно занимаетъ вопросъ о зрѣющемъ заговорѣ. Но узнать что-либо опредѣленное не удается. По нѣкоторымъ обмолвкамъ Пустовойтенко*) видно, что между Гучковымъ, Коноваловымъ, Крымовымъ и Алексѣевымъ зрѣетъ какая-то конспирація, какой-то заговоръ, которому не чуждъ еще кое - кто».

---

*) Ген.-Квартирмейстеръ Ставки.

Съ указанными лицами мы встрѣтимся. Скорѣе всего, что слухи объединяли два разныхъ начинанія, къ одному изъ которыхъ Алексѣевъ не имѣлъ отношенія. Характерно, что слухи, доходившіе до Алекс. Θеод., никогда не соединяютъ Алексѣева съ именемъ Львова. «Пожалуйста, душка —пишетъ Ал. Θеод. мужу 20 ноября 16 г. — не позволяй славному Алексѣеву вступать въ союзъ съ Гучковымъ... Родзянко и Гучковъ дѣйствуютъ сейчасъ заодно, и они хотятъ обойти Ал... Его дѣло заниматься исключительно войной». Царь отвѣчалъ: «Ал. никогда не упоминалъ мнѣ о Гучк. Я только знаю, что онъ ненавидитъ Родзянко и насмѣхается надъ его увѣренностью въ томъ, что онъ все знаетъ лучше другихъ»...

Почти можно не сомнѣваться, что изъ перечисленныхъ Лемке лицъ только Крымовъ могъ имѣть то или иное отношеніе къ алексѣевскому проекту. Для предъявленія «требованій» надо было имѣть вѣрную, распропагандированную военную часть или кружокъ сговорившихся авторитетныхъ военныхъ. Косвенныя свѣдѣнія указываютъ на то, что какое-то совѣщаніе въ Ставкѣ происходило еще лѣтомъ 16 г., и тамъ говорили о возможномъ низложеніи Николая II.

Могъ опираться Алексѣевъ и на другую военную группу, очертанія которой также неясны, и которая имѣла непосредственную связь со Ставкой. Я имѣю въ виду тотъ «морской» планъ, о которомъ слышалъ въ свое время Шульгинъ. «Планъ этотъ состоялъ въ томъ — разсказываетъ онъ въ своей книгѣ «Дни» — чтобы пригласить государыню на броненосецъ подъ какимъ либо предлогомъ и увезти ее въ Англію, какъ будто по ея собственному желанію. По другой версіи — ѣхать долженъ былъ и государь, а наслѣдникъ долженъ былъ быть объявленъ императоромъ». Это не было «болтовней» въ точномъ смыслѣ слова, потому что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какіе то планы зрѣли въ морскомъ генеральномъ штабѣ, и что этотъ планъ былъ въ той или другой степени связанъ

съ тогдашней общественностью. На «морскомъ планѣ» въ другомъ мѣстѣ мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Установить его непосредственную связь съ Алексѣевымъ пока не представляется возможнымъ. Но въ Ставкѣ находился «любимый» императрицей «гвардейскій экипажъ», посланный для несенія императорской охраны. При господствовавшемъ тамъ настроеніи, онъ легко могъ быть использованъ при дворцовомъ переворотѣ.

Сама по себѣ схема «дворцоваго переворота», затѣянная Алексѣевымъ и Львовымъ — такъ, какъ она изложена Керенскимъ и Милюковымъ, — представляется совершенно нереальной. Что должно было послѣдовать, если бы царь не согласился на «ссылку» Алекс. Өеод.? Люди, наблюдавшіе его непосредственно, утверждаютъ, что въ критическіе моменты царь былъ твердъ и рѣшителенъ. Становился ли тогда передъ заговорщиками вопросъ о насильственномъ принужденіи и объ отреченіи монарха? Для отвѣта нѣтъ конкретнаго матеріала. Возможны только предположенія. Кн. Львовъ такую возможность, повидимому, не исключалъ.

Слухи объ участіи Алексѣева въ «заговорѣ» распространились далеко за предѣлы тѣхъ «семейныхъ» разговоровъ въ Ставкѣ, которые Лемке занесъ въ свой дневникъ. Уже въ ноябрѣ съ фронта въ Москву шли сообщенія о возможности «крупныхъ событій». Брусиловъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что до него доходили «свѣдѣнія», что задумывается дворцовый переворотъ... «Я не вѣрилъ этимъ слухамъ потому, что главная роль была предназначена Алексѣеву, который якобы склонялся арестовать Николая II и Ал. Өеод.; зная свойства характера Алексѣева, я былъ убѣжденъ, что онъ этого не выполнитъ».

Планъ рушился, однако, самъ собой. У Алексѣева сдѣлался острый приступъ застарѣлой болѣзни. 11

ноября его замѣнилъ Гурко, и начальникъ штаба вынужденъ былъ отправиться на долгое леченіе въ Крымъ.

«Не забудь запретить Гурко болтать и вмѣшиваться въ политику — говорила Алекс. Ѳеод. въ письмѣ 4 декабря — это погубило Николашу и Алексѣева. Послѣднему Богъ послалъ болѣзнь — очевидно, съ цѣлью спасти тебя отъ человѣка, который сбился съ пути и приносилъ вредъ тѣмъ, что слушался дурныхъ писемъ и людей...» Для тогдашнихъ настроеній характерно, что тотчасъ же распространились слухи, что Алексѣевъ сознательно отравленъ. «Я все болѣе прихожу къ убѣжденію, что ген. Алексѣевъ сюда не возвратится, и притомъ не по причинѣ нездоровья. Свои впечатлѣнія по этому поводу разскажу вамъ при личномъ свиданіи» — писалъ преставитель министерства иностранныхъ дѣлъ въ Ставкѣ Базили 27 ноября.

Алексѣевъ въ Крыму оставался до 20-хъ чиселъ февраля 1917 года.

Событія шли своимъ чередомъ. Мы видѣли, какъ росла агрессивность кн. Львова по отношенію къ власти, поскольку эта политика сказывалась въ открытыхъ выступленіяхъ земскаго союза. Намъ извѣстно, что кн. Львовъ поѣхалъ въ Крымъ на свиданіе съ Алексѣевымъ. Послѣдній отказался отъ всякихъ политическихъ разговоровъ и его не принялъ. О посѣщеніи Алексѣева въ Севастополѣ представителями «нѣкоторыхъ думскихъ и общественныхъ круговъ» говоритъ въ своемъ изслѣдованіи и А. И. Деникинъ. Только информація, полученная Деникинымъ отъ самого Алексѣева, была неполна и не совсѣмъ точна. Алексѣевъ «въ самой категорической формѣ указалъ на недопустимость какихъ бы то ни было государственныхъ потрясеній во время войны». Представители уѣхали, обѣщавъ принять мѣры къ предотвращенію готовящагося переворота. «Не знаю — продолжаетъ Деникинъ — какія данныя имѣлъ Михаилъ Васильевичъ, но онъ увѣрялъ впослѣдствіи, что тѣ же

представители вслѣдъ за нимъ посѣтили Брусилова и Рузскаго и, получивъ отъ нихъ отвѣтъ противоположнаго свойства, измѣнили свое первоначальное рѣшеніе: подготовка переворота продолжалась».

Почему Алексѣевъ не принялъ Львова? Мнѣ кажется, это подтверждаетъ предположеніе, что Алексѣевъ шелъ только на изолированіе царя отъ жены. Передъ нимъ не становился вопросъ о добровольномъ или вынужденномъ отреченіи самого царя; между тѣмъ, въ декабрѣ и январѣ именно такъ ставился уже вопросъ. «Разговоры пошли о принудительномъ отреченіи царя и даже болѣе сильныхъ мѣрахъ» — говоритъ Милюковъ въ «Россіи на переломѣ». Въ историческихъ трудахъ нѣтъ надобности вуалировать прошлое. Рѣчь шла уже о заговорѣ въ стилѣ дворцовыхъ переворотовъ XVIII столѣтія, при которыхъ не исключалась возможность и цареубійства.

3. *Старый знакомецъ.*

Съ именемъ Львова связанъ еще одинъ странный и таинственный эпизодъ. На сценѣ неожиданно появился небезызвѣстный въ свое время Клоповъ. Маленькій чиновникъ, «обуреваемый мыслью спасти родину», въ одинъ изъ голодныхъ годовъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе молодого царя и внушить мысль о необходимости уничтоженія бюрократическаго средостѣнія между монархомъ и народомъ. Клоповъ получилъ почти неограниченныя полномочія обслѣдовать голодающія губерніи и непосредственно доносить царю. Вмѣшалось, однако, министерство вн. дѣлъ, и, естественно, «клопіада» не имѣла никакихъ реальныхъ послѣдствій. Клоповъ ушелъ съ горизонта государственной жизни.

Онъ вновь выплылъ въ декабрѣ 16 г. Въ показаніяхъ Протопопова Слѣд. Комиссіи Врем. Прав. раз-

сказывается, что Клоповъ написалъ письмо в. кн. Михаилу Александровичу въ связи съ полученной имъ аvдіенціей у царя. Письмо было перлюстрировано и пошло къ Протопопову, направившему его къ царю. «Оппозиціонное направленіе письма заставляло меня опасаться — пояснялъ Протопоповъ — не произведетъ ли онъ покушенія на царя». Письмо говорило объ отвѣтственномъ министерствѣ. «Я сообщилъ объ аудіенціи В. П. Воейкову и написалъ свои сомнѣнія царю... Царь отвѣтилъ мнѣ надписью на моемъ же письмѣ: «Клоповъ—старичекъ,давно мнѣ извѣстный». Письмо Клопова передано было затѣмъ Протопопову для «отвѣта». Отвѣтъ составленъ былъ Гурляндомъ, и смыслъ его заключался въ томъ, что народное неудовольствіе основано на экономическомъ положеніи и что нельзя касаться политическихъ принциповъ: «если мы ихъ измѣнимъ, мы пойдемъ къ началу республиканскаго строя».

Былъ ли Клоповъ у царя и чѣмъ закончился ихъ разговоръ, намъ неизвѣстно. Скорѣе надо предполагать что аудіенція не состоялась. Но вотъ обстоятельства, или предшествовавшія исходатайствованію аудіенціи или, можетъ быть, явившіяся результатомъ несостоявшагося пріема. Оказывается, Клоповъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ и по наущенію кн. Львова. Послѣдній зналъ Клопова давно. Что ихъ связывало? Н. Н. Львовъ, видѣвшій не разъ Клопова, говорилъ мнѣ, что Клоповъ выступалъ съ идеей «мужицкаго» царя и проповѣдывалъ раздѣлъ земли. «Мужицкій царь» не такъ чуждъ былъ и уху Г. Е. Львова. Естественно было бы предположеніе, что у кн. Львова могла явиться мысль использовать доступъ Клопова къ царю для того, чтобы на него воздѣйствовать въ желательномъ смыслѣ. Еще въ сентябрѣ информаторы Охран. Отд. передавали, что кн. Львовъ проводилъ мысль о «непосредственномъ обращеніи съ протестомъ... къ верховной власти». Надо думать, однако, что позднѣйшая радикальная тактика Львова совер-

шенно упраздняла мысль о непосредственномъ коллективномъ обращенiи къ монарху. Въ ноябрѣ ее поддерживалъ только Родзянко, личныя обращенія котораго оказывались недостаточно авторитетными. Передъ ноябрьской сессіей Государственной Думы онъ выступилъ съ предложеніемъ «испросить коллективный докладъ у верховной власти». Въ своихъ воспоминаніяхъ Родзянко разсказываетъ, что его предложенію воспротивился Милюковъ, полагавшій, что «такое дѣйствіе было бы актомъ неконституціоннымъ».

Таинственность, съ которой обставленъ былъ планъ дѣйствія, гдѣ долженъ былъ фигурировать Клоповъ, скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что свиданіе съ царемъ преслѣдовало какія то другія цѣли — во всякомъ случаѣ, не простое освѣдомленіе о настроеніяхъ въ странѣ. Клоповъ долженъ былъ быть введенъ во дворецъ неожиданно и какъ бы нелегальнымъ путемъ. Съ этой цѣлью Львовъ познакомилъ Клопова съ человѣкомъ, который имѣлъ возможность при своихъ связяхъ доставить Клопова во дворецъ. Этотъ посредникъ былъ вызванъ спеціально изъ Москвы и представленъ Клопову для того, чтобы тотъ хорошо его запомнилъ. По условленной телеграммѣ упоминаемый посредникъ обязывался выполнить данное порученіе. А дальше что? Имѣли ли хоть какое нибудь основаніе опасенія, высказанныя Протопоповымъ? Посредникъ не былъ посвященъ въ эту тайну, но у него сложилось впечатлѣніе, что послѣ... долженъ былъ выступить кто-то другой. Очевидно у Протопопова говорило не только одно разстроенное болѣзненное воображеніе.

Телеграммы не послѣдовало. Оттого ли, что Клоповъ получилъ легальный доступъ во дворецъ, оттого ли, что инициаторы сознали несуразность плана, оттого ли, что планъ съ Клоповымъ былъ замѣненъ другимъ. Не будемъ углубляться въ эту фантастическую исторію. Отвѣта все равно сейчасъ не найти.

4. Миссія Хатисова.

Н. И. Астровъ вспоминаетъ объ одномъ секретномъ совѣщаніи на квартирѣ Челнокова въ декабрѣ 16 года по дѣламъ союзовъ, на которомъ Львовъ, въ присутствіи Кишкина, Маклакова и другихъ, подъ честнымъ словомъ разсказалъ, что въ ближайшемъ времени можно ожидать дворцоваго переворота. Въ заговорѣ-де участвуютъ военные круги, великіе князья и политическіе дѣятели. Львовъ указывалъ, что надо быть готовыми. Рѣчь Львова, по словамъ Астрова, была туманна. Присутствовавшіе не приглашались участвовать въ дѣйствіяхъ, а лишь информировались о существующей конспираціи. Всѣ испытывали нѣкоторое чувство «неловкости» и высказались въ томъ смыслѣ, что князю Львову неизбѣжно придется встать во главѣ правительства.

Эта страничка, возстановленная памятью Астрова, чрезвычайно важна, ибо, какъ мы уже указывали, подвергался сомнѣнію разсказъ, зафиксированный С. А. Смирновымъ на столбцахъ «Послѣднихъ Новостей» объ участіи Львова въ заговорѣ, къ которому пытались привлечь вел. кн. Николая Николаевича. По поводу «заговора» вообще М. В. Челноковъ въ частномъ письмѣ, которое я, однако, имѣю право цитировать, писалъ: «вообще объ этомъ никто серьезно не думалъ, а шла болтовня въ томъ направленіи, что хорошо-бы, если бы кто это устроилъ». «Заговоръ», быть можетъ, дѣйствительно былъ несерьезенъ — къ этой оцѣнкѣ я готовъ присоединиться, но то, что уже разсказано, достаточно показываетъ, что дѣло не ограничивалось салонной болтовней или интимными бесѣдами въ кабинетахъ. Отвѣтственный общественный дѣятель не могъ сообщить въ дискретномъ порядкѣ только слухи и не могъ бы этого дѣлать, если бы не имѣлъ въ той или другой степени какого-то непосредственнаго отношенія къ предполагаемому «двор-

цовому перевороту» — вѣдь это значило бы выдавать чужія тайны.

Напомню, однако, прежде всего то, что писалъ Смирновъ, передавая въ сущности разсказъ А. И. Хатисова, мною теперь провѣренный у самого Хатисова и по записи М. С. Маргуліеса. Я буду передавать этотъ разсказъ съ нѣкоторыми дополненіями.

Вечеромъ 9-го декабря, послѣ закрытія полиціей 5-го съѣзда представителей всероссійскаго союза городовъ, въ квартирѣ кн. Львова собрались на секретное совѣщаніе Н. М. Кишкинъ, М. М. Федоровъ и А. И. Хатисовъ*). Львовъ развилъ передъ собравшимися планъ дворцоваго переворота съ цѣлью сверженія съ престола Николая II и замѣны неспособнаго монарха великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ. «Воцареніе» Ник. Ник. должно было сопровождаться образованіемъ отвѣтственнаго министерства. Г. Е. Львовъ доложилъ совѣщанію, что въ его распоряженіи имѣется письменное заключеніе за подписью 29 представителей губернскихъ земскихъ управъ и городскихъ головъ, намѣчавшее его, кн. Львова, въ качествѣ премьера. Совѣщаніе пяти, обсудивъ проектъ Львова, отнеслось къ нему съ сочувствіемъ. Хатисовъ былъ уполномоченъ вступить въ переговоры съ Ник. Ник., ознакомить его съ проектомъ дворцоваго переворота и выяснить, какъ великій князь отнесется къ этому проекту, и возможно ли будетъ разсчитывать на его содѣйствіе. Въ случаѣ согласія, Хатисовъ долженъ былъ прислать условную телеграмму: «Госпиталь открытъ, пріѣзжайте», а Львовъ «имѣлъ въ виду» снестись съ Гучковымъ, находившимся въ то время на фронтѣ, чтобы и его привлечь къ участію въ осуществленіи заговора.

На мой вопросъ, какъ реально предполагалось

---

*) Въ повѣствованіи Смирнова, Кишкинъ фигурировалъ подъ иниціалами Н. П. Былъ названъ еще Челноковъ. Хатисовъ допускаетъ здѣсь со своей стороны ошибку.

произвести переворотъ, Хатисовъ пояснилъ, что Ник. Ник. долженъ былъ утвердиться на Кавказѣ и объявить себя правителемъ и царемъ. По словамъ Хатисова, Львовъ говорилъ, что у него есть заявленіе со стороны ген. Маниковскаго, что армія поддержитъ переворотъ*). Предполагалось царя арестовать и увезти въ ссылку, а царицу заключить въ монастырь, говорили объ изгнаніи, не отвергалась и возможность убійства. Совершить переворотъ должны были гвардейскія части, руководимыя великими князьями. Какова могла быть при такихъ условіяхъ судьба наслѣдника? На это какъ будто бы не давался опредѣленный отвѣтъ. Скорѣе «воцареніе» Ник. Ник. знаменовало собой смѣну «династіи», а не регенство. Съ такими опредѣленными намеками мы встрѣтимся ниже.

Съ подобнымъ «порученіемъ» Хатисовъ направился въ Тифлисъ, предварительно побывавъ въ Петроградѣ. Почему выбранъ былъ Хатисовъ для выполненія столь щекотливаго конспиративнаго порученія? Не только потому, что великій князь находился на Кавказѣ, а Хатисовъ былъ тифлисскимъ городскимъ головой и предсѣдателемъ кавказскаго отдѣла всеросс. союза городовъ. Въ положеніи Хатисова были специфическія условія. Онъ былъ «своимъ человѣкомъ» еще у предшественника Ник. Ник. по намѣстничеству на Кавказѣ, Воронцова-Дашкова. Отношенія были столь довѣрительны, что Хатисовъ проводилъ во дворецъ для информаціи намѣстника людей съ революціоннымъ именемъ, бывшихъ на нелегальномъ

---

*) Роль «славнаго», по выраженію Ал. Ѳеод., Маниковскаго представляется довольно двусмысленной. Она ясно выступаетъ изъ переписки А. Ѳ. съ мужемъ. Царица, напр., отмѣчаетъ, что М. привѣтствовалъ отставку Поливанова — кандидатуру либеральной общественности. Участникъ (хотя бы и косвенный) заговора внушаетъ носителю верховной власти мысль о подкупленности полиціи, которая ничего не дѣлаетъ для прекращенія осеннихъ забастовокъ и т. д.

положенiи*). По словамъ Хатисова, Воронцовъ-Дашковъ и рекомендовалъ его при встрѣчѣ съ великимъ княземъ, и Ник. Ник. просилъ Хатисова быть съ нимъ столь же откровеннымъ, какъ и съ Воронцовымъ-Дашковымъ. Для насъ важно отмѣтить еще одну черту: въ силу семейнаго положенiя Хатисовъ былъ вхожъ и въ домъ великаго князя Ник. Мих., у отца котораго служилъ отецъ Хатисова. Такимъ образомъ, Хатисовъ былъ знакомъ съ Ник. Мих. съ дѣтства.

Итакъ въ Тифлисѣ, во время новогодняго прiема, Хатисовъ изложилъ великому князю «проектъ Львова». Предложенiе не вызвало протеста со стороны Н.Н. Въ разсказѣ Смирнова сказано,что Н.Н. сдѣлалъ лишь два возраженiя: ему представлялось «неяснымъ, не будетъ-ли народъ оскорбленъ въ своихъ монархи-

---

*) Любопытный штрихъ въ этомъ отношенiи отмѣчаетъ запись о засѣданiи Совѣта министровъ 4 августа 15 г. По поводу непрекращающагося продвиженiя нашихъ войскъ на Кавказѣ, во время докладовъ Поливанова о положенiи на театрѣ военныхъ дѣйствiй, государственный контролеръ Харитоновъ подалъ такую реплику: «Чхеидзе впадаетъ чуть-ли не въ истерику и грозитъ непоправимыми несчастьями. При мнѣ онъ кричалъ въ Думѣ во время перерыва, что кавказской армiей командуетъ не Верховный главнокомандующiй, и не намѣстникъ, а графиня Воронцова - Дашкова, опутанная армянскими сѣтями. Въ самомъ дѣлѣ, куда мы, съ позволенiя сказать, премъ?» ПОЛИВАНОВЪ: «Извѣстно куда — къ созданiю великой Арменiи. Я вчера имѣлъ случай говорить съ Его Величествомъ о возможныхъ печальныхъ послѣдствiяхъ, при чемъ отмѣтилъ, что собиранiе земли армянской составляетъ, повидимому, основное стремленiе гр. Воронцова-Дашкова. На этихъ словахъ Государь Императоръ, ласково улыбнувшись, соизволилъ поправить меня — «не графа, а графини». КРИВОШЕИНЪ: «Господа, обратите вниманiе, какое знаменательное историческое совпаденiе: на значенiе графини Воронцовой въ кавказской стратегiи указываетъ Его Императорское Величество и... лидеръ соцiалъ-демократической фракцiи Государственной Думы г. Чхеидзе». Эта сцена намъ кое-что разъяснитъ впослѣдствiи въ дѣлѣ миссiи А. И. Хатисова.

ческихъ чувствахъ насильственнымъ низверженіемъ монарха съ престола», затѣмъ онъ «хотѣлъ бы болѣе опредѣленно уяснить себѣ вопросъ о томъ, какъ въ случаѣ низверженія Николая II отнеслась бы къ этому событію армія». Ник. Ник. попросилъ два дня «на размышленія». Хатисовъ указываетъ, что немаловажное значеніе имѣлъ одновременный пріѣздъ въ Тифлисъ (30 дек.) инкогнито вел. кн. Ник. Мих.*) со спеціальной цѣлью посвятить Николая Николаевича въ тѣ сужденія, которыя передъ тѣмъ имѣли между собой 16 великихъ князей по поводу критическаго положенія и роли императора. Черезъ два дня Хатисовъ вновь встрѣтился съ Ник. Ник. и узналъ отъ него, что вел. кн. рѣшилъ уклониться отъ участія въ заговорѣ, мотивируя свой отказъ мнѣніемъ ген. Янушкевича, что армія настроена монархически и не пойдетъ противъ царя.

Передавая всю эту эпопею, надо подчеркнуть, что, по словамъ Хатисова, до свѣдѣнія Ник. Ник. въ эмиграціи было доведено, что предполагается опубликовать разсказъ Хатисова. Вел. кн. не протестовалъ. Въ послѣдующей личной бесѣдѣ съ нимъ въ Шуаньи Хатисовъ услышалъ подтвержденіе правильности разсказаннаго и сочувственное отношеніе къ тому довѣрію, которое было вел. кн. въ свое время оказано лѣвыми общественными дѣятелями. Ник. Ник. готовъ былъ признать теперь, что его отказъ въ то время скорѣе былъ ошибоченъ. Добавимъ, что новѣйшій біографъ Н. Н., ген. Даниловъ, отмѣчаетъ въ своей работѣ, что разсказъ Хатисова имъ былъ «тщательно» провѣренъ у лицъ «заслуживающихъ довѣрія».

Между тѣмъ разсказъ Хатисова, какъ указывалось, вызываетъ возраженія. Печатно съ опроверже-

*) Имя Ник. Мих. было названо въ статьѣ «Посл. Новостей», поэтому непонятно, почему ген. Даниловъ въ новѣйшей біографіи вел. кн. Н. Н. говоритъ глухо и «высокопоставленномъ лицѣ», пріѣхавшемъ въ Тифлисъ одновременно съ Хатисовымъ.

ніемъ выступили лишь близкія покойному Ник. Мих. лица — ген. Брюммеръ, Молодовскій и кн. Н. Трубецкой, отмѣтившіе весьма основательно, что Ник. Мих. въ указанное въ статьѣ Смирнова время не могъ быть на Кавказѣ. Отвѣтъ г. Смирнова былъ неубѣдителенъ, такъ какъ внѣ всякаго сомнѣнія, что въ «самомъ концѣ 1916 г.» Ник. Мих. былъ въ Петербургѣ, какъ это устанавливаютъ совершенно точно записи въ дневникѣ вел. кн. Андрея Влад. (о нихъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ). Всякая неточность хронологическая подвергаетъ сомнѣнію разсказанное, хотя самъ по себѣ споръ о пребываніи Ник. Мих. въ Тифлисѣ имѣетъ второстепенное значеніе. Посѣтить Кавказъ Ник. Мих. могъ сейчасъ же непосредственно послѣ убійства Распутина. Это вполнѣ вѣроятно по той роли, которую приходилось въ тѣ дни играть Ник. Мих.

Демонстрирующимъ великимъ князьямъ важно было знать мнѣніе своего авторитетнаго въ глазахъ общества сородича.

Лица, близкія Львову, съ своей стороны, указываютъ, что имъ представляется маловѣроятнымъ согласіе Львова на переговоры съ вел. кн. Ник. Ник. въ силу искони рѣзко отрицательнаго къ нему отношенія: Львовъ считалъ его реакціонеромъ. Такое возраженіе мнѣ не представляется убѣдительнымъ въ обстановкѣ конца 16 г. Львовъ могъ уступить голосамъ, которые выдвигали кандидатуру Ник. Ник. Личная непріязнь должна была стушеваться передъ популярностью бывшаго верховнаго главнокомандующаго*).

*) Либеральной репутаціи вел. кн. значительно содѣйствовало изданное формально отъ его имени извѣстное воззваніе къ полякамъ. Милюковъ писалъ, что онъ долго не могъ придти въ себя отъ силы впечатлѣнія, которое произвелъ на него манифестъ. Въ кругахъ радикальныхъ воззваніе произвело совсѣмъ иное впечатлѣніе — «удручающее», какъ отмѣчено у меня въ дневникѣ. Страннымъ образомъ въ народной психикѣ, по словамъ записей Каррика, этотъ манифестъ былъ воспринятъ, какъ своего рода обѣщаніе крестьянамъ земли!

Земско - городскіе дѣятели зашли далеко въ своемъ протестѣ. Москва становилась центромъ антиправительственнаго движенія. Одинъ нелегальный листокъ того времени, изданный отъ имени «группы объединившихся гражданъ Петрограда» такъ и говорилъ: «въ смертный часъ, когда рѣшается судьба родины,пойдемъ за Москвой и будемъ готовы исполнить нашъ крайній долгъ!» Объединенная резолюція московскихъ общественныхъ организацій 11 декабря (къ нимъ присоединились съ оговоркой относительно войны 23 представителя отъ рабочихъ группъ, военно - промышленныхъ комитетовъ, больничныхъ кассъ, кооперативовъ и профессіональныхъ союзовъ) обращала черезъ голову правительства свое «послѣднее слово» непосредственно уже къ арміи: «Пусть знаетъ армія, офицеры и солдаты, что правительство... наноситъ непоправимый ударъ общему дѣлу. Пусть знаетъ армія, что вся страна готова сплотиться для того, чтобы вывести Россію изъ переживаемаго ею гибельнаго кризиса». При обращеніи къ арміи выплыло оппозиціонное имя вел. князя.

Намъ приходится каждый изъ заговорщицкихъ плановъ разсматривать изолированно. Полная картина можетъ получиться только при обозрѣніи всѣхъ перепитій этого смутнаго и тревожнаго времени.

Весьма возможно, что въ рѣшеніи начать переговоры съ Ник. Ник. не было иниціативы кн. Львова, какъ это представляется изъ разсказовъ Хатисова. Наоборотъ, московскимъ «совѣщаніемъ» кн. Львовъ втягивался въ новую полосу заговора, и Хатисовъ въ данномъ случаѣ являлся однимъ изъ посредниковъ.

Я слышалъ еще одно указаніе на маловѣроятность версіи Хатисова со стороны А. Ф. Керенскаго. Къ концу декабря въ тѣхъ кружкахъ (ихъ было нѣсколько), которые ставили въ очередь дня дворцовый переворотъ, по его словамъ, уже опредѣленно выдвигалась комбинація съ регенствомъ вел. кн. Михаила Александровича. Но... договоренности въ дѣйстви-

тельности было мало, «кружки» дѣйствовали въ значительной степени на свой страхъ и рискъ. И въ лихорадкѣ «разговоровъ» о переворотѣ они могли хвататься за ту комбинацію, которая имъ представлялась наилегче осуществимой въ данный моментъ. Къ тому же Керенскій ошибается: кандидатура в. кн. Николая Николаевича была «возможна» даже въ февральскіе дни.

Только познакомившись съ переживаніями Николая Николаевича и настроеніями другихъ великихъ князей наканунѣ крушенія монархіи, мы сможемъ понять психологическую обстановку, которая дѣлала возможными тифлисскія бесѣды.

Гл. V. ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ.

1. Верховный Главнокомандующій.

Ген. Даниловъ говоритъ: «Близко изо дня въ день и при разной обстановкѣ наблюдая Великаго Князя (Н. Н.), я вынесъ глубокое убѣжденіе, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ Императору Николаю людей». Приходится въ этомъ нѣсколько усумниться, хотя Андрей Влад. и записалъ въ свой дневникъ такія слова Ник. Ник. послѣ 1-го марта: «Вѣдь странно, что всѣ, даже соціалисты, его лично любятъ. Они мнѣ сами говорили, что у него чудное сердце, прекрасная душа, онъ умный, симпатичный, но! ея терпѣть больше не могли. Она его погубила окончательно. Боюсь, чтобъ съ ней плохо не обошлись»*). Личныя симпатіи, если и были, могли совершенно стушеваться передъ отрицательнымъ отношеніемъ къ царю, какъ къ правителю, и

*) Соціалистами, на которыхъ ссылается Н. Н. и которые посѣтили его передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса, могли быть только единомышленники А. И. Хатисова. Въ устахъ Н. Н. характеристика соціалистовъ «изъ самыхъ крайнихъ лѣвыхъ» получилась своеобразная. Они откровенно говорили, что всю жизнь мечтали о соціальномъ переворотѣ, но ихъ «мечты были — конституціонная монархія, но не теперешняя анархія», что они не допустятъ до республиканскаго строя правленія, до котораго Россія не доросла. По словамъ Смирнова, на пріемѣ были представители соц. дем. (Жорданія) и дашнакцакановъ.

передъ враждебностью къ царицѣ — вдохновительницѣ безвольнаго мужа. Здѣсь замѣшаны были и женскія интриги. Въ «черныхъ сестрахъ», съ которыми нѣкогда были исключительно близкія отношенія и которыя, по выраженію дневника Половцева, заправляли «спиритическими тенденціями» царской семьи (ими былъ рекомендованъ небезызвѣстный французъ Филиппъ; черезъ нихъ прошелъ во дворецъ Распутинъ), Алекс. Ѳеод. видѣла главныхъ своихъ враговъ*).

Популярность верховнаго главнокомандующаго раздражала властную женщину. Письма ея за 1914-15 г. г. переполнены опасеніями, что эта популярность можетъ повредить царскому авторитету. Александра Ѳеод. обвиняетъ Н. Н. за то, что онъ вмѣшивается въ дѣла, выходящія за предѣлы его компетенціи, беретъ на себя функціи царя, даже приказы свои издаетъ подъ его «стиль»; у нея сквозитъ опасеніе, что онъ добивается трона въ Польшѣ или въ Галиціи, а, можетъ быть, даже всероссійскаго — недаромъ его называютъ Николаемъ Ш**). И за спиной его всегда мерещится «лукавство» другихъ — «черногорокъ».

Какъ царь относился къ этимъ настойчивымъ напоминаніямъ? Одно изъ писемъ (26 янв. 15 г.) даетъ отвѣтъ: «Всѣ замѣчаютъ, что съ нимъ произошла большая перемѣна съ начала войны. Жизнь въ этомъ уединенномъ мѣстѣ (Ставка), которое онъ называетъ «своимъ скитомъ», и сознаніе лежащей на

---

*) Біографъ в. кн. Н. Н. дѣлаетъ весьма странное поясненіе: «въ силу моей неосвѣдомленности, не могу читателя разувѣрить въ томъ, что слухи о проникновеніи Распутина въ царскій дворецъ черезъ посредство жены в. кн. невѣрны»(?!). Фактъ какъ будто не подлежащій оспариванію.

**) Этотъ терминъ попадается, между прочимъ, въ записяхъ Каррика.

его плечахъ сокрушительной отвѣтственности — должны были произвести глубокое впечатлѣніе на его душу; если хочешь, это тоже подвигъ».

Популярность вел. князя осталась и во время военныхъ неудачъ. Она скорѣе выросла. Виновникомъ всего сдѣлался Сухомлиновъ, который намѣчался до Ник. Ник. въ верховные главнокомандующіе, и противъ котораго вел. кн. велъ «упорную борьбу» (показанія Родзянко). Виновникомъ было и бездарное правительство. Популярность росла и потому, что Н. Н. оказался въ кликѣ «злодѣя» Гучкова и «мерзавца» Родзянко, что сдѣлался врагомъ «божьяго человѣка», который одинъ блюлъ интересы династіи.

Принятіе на себя званія верховнаго главнокомандующаго царемъ явилось большимъ ударомъ для вел. князя: царь разсказывалъ въ письмѣ, что «бѣдный Николаша» плакалъ въ его кабинетѣ (май 15 г.), боясь, что онъ будетъ замѣненъ болѣе способнымъ человѣкомъ. Вдовствующая императрица — записываетъ Андрей Влад. — считаетъ, что удаленіе Ник. Ник. «поведетъ къ неминуемой гибели Ники, такъ какъ этого ему не простятъ... Когда Ники былъ передъ отъѣздомъ у нея, она долго его молила подумать обо всемъ хорошенько и не вести Россію на гибель. На это онъ ей отвѣтилъ, что его всѣ обманываютъ и что ему нужно спасти Россію — это его долгъ, призваніе... Тетя Minny мнѣ еще говорила, что у нея былъ дядя Алексъ (Ольденбургскій), который молилъ ее уговорить Ники не ѣхать въ армію. Онъ предвидитъ ужасныя послѣдствія до народныхъ волненій включительно».

Записки Яхонтова чрезвычайно ярко передаютъ впечатлѣніе, которое произвело въ Совѣтѣ Министровъ сообщеніе Поливанова о рѣшеніи царя устранить Ник. Ник. и лично вступить въ верховное ко-

мандованіе арміей. Совѣтъ былъ ошеломленъ. Поливановъ передавалъ, что онъ тщетно пытался отговорить царя, указывая на опасность вступленія главы государства въ командованіе въ моментъ деморализаціи и упадка духа арміи: «я не счелъ себя въ правѣ умолчать о возможныхъ послѣдствіяхъ во внутренней жизни страны». У Сазонова при извѣстіи о рѣшеніи царя «какой то хаосъ въ головѣ дѣлается» — «въ какую бездну толкается Россія». Кривошеинъ считаетъ, что «надо протестовать, умолять, настаивать, просить, словомъ — использовать всѣ доступные намъ способы, чтобы удержать Е. В. отъ безповоротнаго шага. Мы должны объяснить, что ставится вопросъ о судьбѣ династіи, о самомъ тронѣ, наносится ударъ монархической идеѣ, въ которой и сила и вся будущность Россіи. Народъ давно... считаетъ государя царемъ несчастливымъ, незадачливымъ*). Напротивъ, популярность вел. кн. еще крѣпка, и онъ является лозунгомъ, вокругъ котораго объединяются всѣ надежды. Армія тоже, возмущаясь командирами и штабомъ, считаетъ Ник. Ник. своимъ истиннымъ вождемъ». Щербатовъ полагаетъ, что антиправительственная агитація не пропуститъ удобнаго случая — рѣшеніе царя будетъ истолковано, какъ результатъ вліянія пресловутаго Распутина: «не надо забывать, что вел. князь пользуется благорасположеніемъ среди думцевъ за свое отношеніе къ общественнымъ организаціямъ и представителямъ».

Горемыкинъ съ извѣстнымъ пессимизмомъ говоритъ, что «разъ дѣло сдѣлано, его не воротишь»: «Долженъ сказать Совѣту Министровъ, что всѣ попытки отговорить государя будутъ все равно безъ результатовъ. По его словамъ, долгъ царскаго слу-

*) Каррикъ записываетъ разсказъ кухарки, слышавшей на рынкѣ: «царь поѣхалъ на фронтъ, быть бѣдѣ».

женія повелѣваетъ Монарху быть въ моментъ опасности вмѣстѣ съ войсками... Многіе изъ васъ... вѣроятно, не забыли... какъ трудно было тогда (въ началѣ войны царь хотѣлъ принять верховное командованіе) переубѣдить государя*). Сейчасъ же, когда на фронтѣ почти катастрофа, Е. В. считаетъ священной обязанностью русскаго царя быть среди войскъ... При такихъ чисто мистическихъ настроеніяхъ, вы никакими доводами не уговорите государя отказаться отъ задуманнаго имъ шага. Повторяю, въ данномъ рѣшеніи не играютъ никакой роли ни интрига, ни чьи либо вліянія».

Слова Горемыкина передаютъ отчетливо психологію царя. Послѣдній самъ писалъ, что съ «трепетомъ» принималъ командованіе и не безъ душевнаго колебанія шелъ на смѣну Ник. Ник.**). И какъ будто бы только мистическое представленіе о «долгѣ» заставляло его въ эти трудные дни быть съ царицей и Распутинымъ противъ всѣхъ, которые предсказывали революцію послѣ смѣны. Но оставимъ мистику въ сторонѣ. Субъективно положеніе было таково, что принятіе на себя функцій верховнаго командованія для царя было единственнымъ выходомъ, къ которому его толкали подчасъ сами общественные дѣятели. Прочтите, напр., докладъ членовъ военно-морской комиссіи Госуд. Думы, представленный Николаю II 15 августа въ связи съ Особымъ Совѣщаніемъ по оборонѣ. Онъ весь проникнутъ тенденціей: «только царь можетъ повелѣть», «царь можетъ расширить»... «царь можетъ побудить» и т. д. Предсѣдателемъ Комиссіи, какъ извѣстно, былъ Шингаревъ.

*) На петергофскомъ совѣщаніи всѣ министры, включая и Горемыкина, воспротивились такому намѣренію. Поддерживалъ его только Сухомлиновъ.

**) Тихомировъ, со словъ, очевидно, Грингмута, въ дневникѣ за 1906 г. писалъ, что царь считаетъ Ник. Ник. «военнымъ геніемъ».

Протоколы засѣданій Сов. Министровъ довольно образно рисуютъ намъ картину того, что въ дѣйствительности происходило. Если искать виновниковъ, то, пожалуй, по справедливости, ихъ надо прежде всего искать въ Ставкѣ.

Яхонтовъ начинаетъ свою запись, 16 іюля, заявленіемъ военнаго министра, т. е. Поливанова: «считаю своимъ гражданскимъ и военнымъ долгомъ заявить Сов. Мин., что отечество въ опасности». Оставляя въ сторонѣ характеристику катастрофическаго положенія на фронтѣ, возьмемъ то, что онъ говоритъ о Ставкѣ:... «Ставка не сообщаетъ главѣ военнаго вѣдомства никакихъ данныхъ о положеніи боевой линіи. Военному министру приходится судить объ этомъ положеніи на основаніи... донесеній нашей контръ-развѣдки о передвиженіяхъ въ непріятельскомъ лагерѣ... На темномъ фонѣ матеріальнаго, численнаго и нравственнаго разстройства арміи, есть еще одно явленіе, которое особенно чревато послѣдствіями и о которомъ больше нельзя умалчивать. Въ Ставкѣ... наблюдается растущая растерянность. Она тоже охватывается убійственной психологіей отступленія... Въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ не видно никакой системы, никакого плана... И вмѣстѣ съ тѣмъ Ставка продолжаетъ ревниво охранять свою власть и прерогативы. Надъ всѣмъ и всѣми царитъ ген. Янушкевичъ. Всѣ прочіе должны быть безсловесными исполнителями объявляемыхъ имъ отъ имени великаго князя повелѣній. Никакой *почти* критики не допускается...*) Молчать и не разсуждать — вотъ любимый окрикъ изъ Ставки. Но притомъ въ происходящихъ несчастьяхъ виновата не Ставка, а всѣ — и люди и стихіи... Словомъ, отвѣтственны всѣ, кромѣ того органа, на которомъ непо-

*) Характерно, что царь въ письмѣ къ женѣ отмѣтилъ, что Н. Н. «явно не понравилась» откровенная критика Кривошеина дѣятельности Янушкевича и Данилова.

средственно лежитъ отвѣтственность. И эта чреватая послѣдствіями мысль внѣдряется изъ Ставки въ общественное сознаніе...» Отмѣтивъ затѣмъ угрожающее настроеніе раздраженія въ странѣ и признаки революціонныхъ вѣяній не только въ тылу, но и на фронтѣ, Н. Н. Поливановъ воскликнулъ: «Печальнѣе всего, что правда не доходитъ до Его Величества!»*).

Заявленіе военнаго министра показалось «чуть ли не взрывомъ бомбы». Яхонтовъ говоритъ, что онъ былъ не въ состояніи записывать послѣдовательно пренія: «руки дрожали отъ нервнаго напряженія... всѣхъ охватило какое то возбужденіе. Шли не пренія въ Совѣтѣ Мин., а безпорядочный перекрестный разговоръ взволнованныхъ, захваченныхъ за живое русскихъ людей». Совѣтъ Мин. постановляетъ представить Государю «единодушное ходатайство Правительства о неотлагательномъ созывѣ военнаго совѣта» и указать, что населеніе «недоумѣваетъ по поводу внѣшне безучастнаго отношенія Царя и его Правительства къ переживаемой на фронтѣ катастрофѣ».

Въ дальнѣйшемъ ходѣ засѣданія затрагивается «болѣзненный вопросъ о взаимоотношеніяхъ гражданскихъ и военныхъ властей» — о вредѣ того «двоевластія», о которомъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Родзянко и которое отмѣтила указанная записка военно-морской Комиссіи Гос. Думы. Рѣчи членовъ правительства не менѣе характерны. «Иной разъ — говоритъ Кривошеинъ, — слушая разсказы

*) Показательно, что такую характеристику Ставкѣ даетъ никто иной, какъ ген. Поливановъ — тотъ военный министръ, который смѣнилъ Сухомлинова и при которомъ, по заключенію общественнаго обвинителя на процессѣ, сразу наступило благополучіе въ арміи. Сухомлиновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, давая въ сущности аналогичный матеріалъ, характеризуетъ взаимоотношенія верховнаго командованія и военнаго министерства значительно мягче.

съ мѣстъ, думаешь, что находишься въ домѣ сумасшедшихъ... Ставка отдаетъ распоряженія... по гражданской части, безъ какихъ-либо сношеній съ заинтересованными вѣдомствами. Создается разность политики, путаница въ управленіи и хаосъ... Такъ или иначе, но бедламу долженъ быть положенъ предѣлъ. Никакая страна, даже многотерпѣливая Русь, не можетъ существовать при наличіи двухъ правительствъ. Или пусть Ставка возьметъ на себя все и сниметъ съ Совѣта Министровъ отвѣтственность... или же пусть она и ея подчиненные считаются съ интересами государственнаго управленія».

Пытается внести болѣе спокойную ноту престарѣлый Горемыкинъ: «обращаю ваше вниманіе на необходимость съ особой осторожностью касаться вопроса о Ставкѣ. Въ Царскомъ Селѣ накипаетъ раздраженіе... противъ Великаго Князя... Огонь разгорается. Опасно подливать въ него масло»...

24 іюля въ засѣданіи обсуждается заявленіе Кривошеина, что «къ нему Ставкою предъявлено рѣшительное требованіе объ изданіи теперь же Монаршаго акта, возвѣщающаго о надѣленіи землею... пострадавшихъ и наиболѣе отличившихся воиновъ». «Героевъ надо купить — полагаетъ ближайшій сотрудникъ Великаго Князя» — восклицаетъ Кривошеинъ: «необычайная наивность, или вѣрнѣе сказать, непростительная глупость письма начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго приводитъ меня въ содроганіе... творится что то дикое. За что бѣдной Россіи суждено переживать такую трагедію. Я не могу больше молчать, къ какимъ бы это ни привело послѣдствіямъ»*). «Это чортъ знаетъ что такое» — кричалъ Сазоновъ. И вновь выступаетъ убѣленный сѣдинами Горемыкинъ: «Я не возражаю,

---

*) Какъ могъ ген. Даниловъ въ работѣ, выпущенной въ 1930 г., сказать, что мысль о надѣленіи землей принадлежала Кривошеину и была поддержана Вел. Кн. Ник. Ник.?

но... раздраженіе противъ него (т. е. вел. кн.) принимаетъ въ Царскомъ Селѣ характеръ, грозящій опасными послѣдствіями».

30 іюня Поливановъ еще разъ докладываетъ, что распоряженія Ставки принимаютъ какой то истерическій характеръ... Вопли оттуда о виновности тыла... усиливаются и являются водою на мельницу противоправительственной агитаціи... Поливановъ говоритъ объ евреяхъ, которыхъ, вопреки неоднократнымъ указаніямъ совѣта министровъ, поголовно гонятъ нагайками изъ фронтовой полосы, обвиняя ихъ всѣхъ, безъ разбора, въ шпіонажѣ*). 4-го августа совѣтъ министровъ опять возвращается къ этому больному вопросу. Его поднимаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ Щербатовъ. Тыловыя власти выселяютъ изъ Галиціи тысячи и десятки тысячъ австрійскихъ евреевъ во внутреннія русскія губерніи... Совѣтъ министровъ «неоднократно... обращалъ вниманіе верх. гл. и ген. Янушкевича на необходимость отказаться отъ преслѣдованія еврейской массы. Однако, Ставка оставалась глухою на всякія доказательства... напротивъ, когда наше отступленіе повлекло за собой очистку уже русскихъ губерній... принудительное еврейское переселеніе выполнялось въ массовыхъ размѣрахъ... что творилось во время этихъ экзекуцій—неописуемо**). Такая политика приноситъ свои плоды, и въ арміи растутъ погромныя настроенія».

Я взялъ лишь маленькую частичку изъ того обвинительнаго матеріала, который заключаютъ въ себѣ записки Яхонтова. Ихъ можно было бы пополнить и другими однородными фактами***).

---

*) Любопытно, что въ защиту евреевъ выступилъ министръ съ либеральной репутаціей, обвинявшій прежде Сухомлинова въ покровительствѣ евреямъ.

**) А «народъ не понимаетъ, почему несчастные бѣженцы насильно выселяются» — констатируетъ докладъ думской комиссіи.

***) Напр., проектъ Янушкевича массоваго призыва рат-

Выходъ изъ положенія Николай II видѣлъ въ принятіи на себя отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что самъ «верховный» написалъ ему письмо, по выраженію Андрея Влад., «паническаго оттѣнка». Царь «даже плакалъ». Объективно здѣсь не было выхода: вступленіе императора въ командованіе не могло прекратить господствующую «ерунду», какъ думалъ вел. кн. Андрей Влад.; но субъективно, по моему, другого выхода, дѣйствительно, для царя не было. Поэтому, естественно, Николай II-ой не внялъ думскимъ кругамъ, которые въ лицѣ Родзянко «колѣнопреклоненно» горячо молили Царя не принимать на себя непосредственнаго водительства «нашею славною арміей». «Неужели, Государь, неясно, — писалъ предсѣдатель Думы 11 августа — что Вы добровольно отдадите Вашу неприкосновенную Особу на судъ народа, — а это есть гибель Россіи». Такъ говорилъ предсѣдатель Думы, но удивительнымъ образомъ члены Думы въ докладѣ 15 авг. не обмолвились ни единымъ словомъ о предполагаемой смѣнѣ верховнаго командованія! Не внялъ царь и письму Воронцова-Дашкова съ Кавказа, въ которомъ престарѣлый намѣстникъ говорилъ, что «неуспѣхъ отразился бы пагубно на дальнѣйшемъ царствованіи Вашемъ», какъ не внялъ и коллективному письму министровъ, въ которомъ тоже говорилось о тяжелыхъ послѣдствіяхъ для династіи*). У Яхонтова, со словъ Горемыкина, записано: «Всѣ полу-

---

никовъ 2-го разряда, который Кудашевъ въ письмѣ къ Сазонову называетъ «жестокимъ»: обрекать сотни тысячъ необученныхъ людей на гибель для того, чтобы остальнымъ дать время подучиться. Примѣромъ «самовластія» могутъ служить тѣ переговоры, которые велъ вел. кн. съ промышленнымъ міромъ въ лицѣ Литвинова-Фалонскаго, игнорируя министра кн. Шаховскаго. Примѣромъ двоевластія является запрещеніе принцемъ Ольденбургскимъ съѣзда военно-промышленныхъ Комитетовъ.

*) По словамъ Андр. Влад. Сазоновъ позднѣе при-

чили нахлобучки отъ Государя Императора за августовское письмо и за поведеніе во время августовскаго кризиса».

*
**

Въ Совѣтѣ Министровъ при обсужденіи рѣшенія царя у нѣкоторыхъ членовъ правительства возникло опасеніе, что Ник. Ник. можетъ не подчиниться. «Человѣкъ онъ нервный — говорилъ Харитоновъ — впечатлительный, болѣзненно самолюбивый. Какъ ни позолоти пилюлю, а фактъ его увольненія въ моментъ... сплошныхъ неудачъ на фронтѣ будетъ равносиленъ признанію Верховнаго Главнокомандующаго не отвѣчающимъ своему назначенію». Поливановъ молча разводилъ руками и пожималъ плечами. «Я увѣренъ, — возразилъ Кривошеинъ, — что со стороны Вел. Кн. не можетъ быть никакой опасности неповиновенія. Онъ глубокій патріотъ и никогда не рѣшится осложнять и безъ того критическое положеніе». Сазоновъ: «онъ не только патріотъ, но и джентельменъ».

Освѣдомить Вел. Кн. объ увольненіи, по желанію царя, долженъ былъ Поливановъ — человѣкъ достаточно эластичный. Какъ безпокоился Горемыкинъ по поводу предстоящаго свиданія Поливанова съ Вел. Княземъ, показываетъ совершенно необычайный инцидентъ, почти трогательный, о которомъ разсказываетъ Поливановъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «старикъ повторялъ свое любимое: «что же дѣлать» и при прощаніи благословилъ меня и неожиданно, растрогавшись, чмокнулъ меня въ руку». «Не могу скрыть — добавилъ Поливановъ, — что меня волновала задача передать этому благородному и

зналъ, что рѣшеніе Николая II принять на себя верховное командованіе было правильно.

впечатлительному человѣку извѣстіе о предстоящемъ его смѣщеніи... Волненіе мое усугублялось еще и тѣмъ, что предстоящая перемѣна, по моему твердому убѣжденію, не могла повести къ благимъ результатамъ». Впрочемъ, Поливановъ себя утѣшалъ тѣмъ, что всѣмъ руководитъ промыселъ Божій*).

Николай Николаевичъ принялъ вѣсть спокойно, а когда узналъ, что «Государь проситъ его занять должность главнокомандующаго и намѣстника Кавказа, то удовольствіе его отъ этого извѣстія сдѣлалось ясно видимымъ». Было ли въ дѣйствительности хотя какое-либо основаніе для тѣхъ опасеній, которыя выходили изъ узкаго круга болѣзненно подозрительной царицы? Алекс. Ѳеод. съ исключительнымъ упорствомъ утверждаетъ, что Ник. Ник. замышлялъ низложить царя, а ее заточить въ монастырь и что это не «сплетня». По словамъ Андрея Влад., она говорила женѣ в. кн. Кирилла, что у нея въ рукахъ были соотвѣтствующіе «документы».

Только «больной мозгъ» царицы могъ заподозрить Н. Н. въ заговорѣ — утверждаетъ біографъ вел. князя. Я бы не рискнулъ утверждать это съ такой категоричностью. Атмосфера была такого рода, что царицѣ-матери все время мерещится время имп. Павла. Съ разныхъ сторонъ шли объ этомъ слухи. И распространялись они въ цѣляхъ дискредитировать Алекс. Ѳеод. и какъ бы подготовить общественное мнѣніе. Постоянно регистрируются они въ моемъ московскомъ дневникѣ, какъ разъ въ то время, когда А. Ѳ. жалуется, что «черногорки» распространяютъ слухи объ ея заточеніи въ монастырь. Записаны они и у Каррика. И всюду Н. Н. выставляется, какъ возможный будущій «диктаторъ» — съ

*) «Не понимаю, чего добивается Поливановъ» — записываетъ въ свое время Яхонтовъ. «Онъ всѣхъ науськиваетъ и противъ Вел. Кн., и противъ принятія командованія государемъ и противъ Ивана Логг. (Горемыкина)».

демократической тенденціей — защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ. Андрей Влад. говоритъ, что сплетничала «тетя Мавра» (Елизавета Маврикіевна). «Можно пока — дополняетъ авторъ дневника — лишь строить догадки о томъ, что Ники стали извѣстны какія то свѣдѣнія относительно Н. Н.... въ чемъ дѣло — мы не знаемъ»...

Смѣна верховнаго командованія не вызвала осложненій — «народныхъ волненій» не произошло. Ал. Ѳ. впослѣдствіи подчеркивала это, цитируя слова «божьяго человѣка»: «нашъ другъ говоритъ, что пришла смута, которая должна была быть въ Россіи во время или послѣ войны и если... ты не взялъ бы мѣста Ник. Ник., то летѣлъ бы съ престола теперь». Принявъ рѣшеніе, самъ царь успокоился. Онъ писалъ женѣ 9 сентября: «Поведеніе нѣкоторыхъ министровъ продолжаетъ изумлять меня! Послѣ всего, что я говорилъ имъ на знаменитомъ вечернемъ засѣданіи, я полагалъ, что они поняли и меня... Что же, тѣмъ хуже для нихъ!... Люди приняли этотъ шагъ (т. е. смѣну Н. Н.), какъ нѣчто естественное. Доказательства — куча телеграммъ, которыя я получаю со всѣхъ сторонъ — въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Все это ясно мнѣ показываетъ одно, что министры, постоянно живя въ городѣ, ужасно мало знаютъ о томъ, что происходитъ во всей странѣ. Здѣсь я могу судить правильнѣе объ истинномъ настроеніи среди разныхъ классовъ народа: все должно быть сдѣлано, чтобы довести войну до побѣднаго конца и никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ не высказывается. Это мнѣ офиціально говорили всѣ депутаціи... и такъ это повсюду въ Россіи. Единственное исключеніе составляютъ Петроградъ и Москва — двѣ крошечныя точки на картѣ нашего отечества».

Приведенныя выдержки показываютъ, до какого трагическаго непониманія могутъ доходить люди

— одни, ослѣпленные политической борьбой, другіе —самовнушеніемъ.

*
**

Царицу продолжалъ безпокоить Ник. Ник. — особенно то, что онъ задержался въ своемъ имѣніи «Першино» (Тульской губ.): «Милый мой — пишетъ царица 3 сентября — прикажи ему скорѣе ѣхать на югъ. Всякаго рода дурные элементы собираются вокругъ него и хотятъ использовать его, какъ знамя. Господь этого не допуститъ, но было бы безопаснѣе, если бы онъ скорѣе уѣхалъ на Кавказъ. Ты далъ ему 10 дней, а завтра уже будетъ три недѣли...»

Опасеніе не такъ уже было неосновательно. Возможно, что задержка вел. кн. была естественна — безъ всякаго злого умысла. Но онъ, дѣйствительно, становился нѣкоторымъ «знаменемъ». Какъ утверждалъ совершенно основательно Горемыкинъ, «имя Великаго Князя принято преднамѣренно въ качествѣ объединяющаго лозунга оппозиціи». Недаромъ московская городская Дума нѣсколько демонстративно принимала резолюціи о «непоколебимомъ довѣріи Вел. Кн. Верх. Главнокомандующему». «Среди молодежи — докладываетъ гр. Игнатьевъ въ Сов. Министровъ — идетъ броженіе на почвѣ симпатіи къ Вел. Князю и признанія нежелательности его увольненія, какъ вождя, единственно способнаго противостоять нѣмцамъ».

Информаторы Охр. Отд. освѣдомляли, что въ частныхъ совѣщаніяхъ представителей земскаго и городского союзовъ объ удаленіи вел. кн. высказывалось опредѣленное мнѣніе, что это является цѣлью блока (чернаго), такъ какъ государя при извѣстной обстановкѣ легче будетъ уговорить измѣнить союзникамъ и заключить сепаратный миръ. Близокъ къ подобному толкованію былъ и Милюковъ. Агитація проникала и низы. У меня въ дневникѣ занесенъ фактъ усиленнаго распространенія письма якобы Ник. Ник.

о томъ, что его отставка вызвана побѣдой нѣмецкой партіи во главѣ съ Распутинымъ. Директоръ дипломатической канцеляріи при Ставкѣ, Кудашевъ, пишетъ 4 сентября о распространенномъ среди офицеровъ убѣжденіи, что свергла Ник. Ник. нѣмецкая партія, желающая мира, который будетъ заключенъ въ октябрѣ. Неумная русская прокламація того времени, а, можетъ быть, вѣрнѣе, нѣмецкаго происхожденія, обращаясь къ арміи отъ имени императора, говорила о мирѣ и о томъ, что война затѣяна только по интригамъ Ник. Ник.. Не только обыватели, не только страстные политики, но, казалось бы, и болѣе объективные историки склонны видѣть въ смѣнѣ Н. Н. нравственную побѣду Германіи (ген. Зайончковскій) и во всякомъ случаѣ поворотный пунктъ царской политики: съ этого момента открытъ былъ доступъ реакціоннымъ силамъ....

4 января 16 г. царь писалъ женѣ: «насколько я могъ вывести заключеніе изъ того, что читалъ мнѣ сегодня утромъ Алексѣевъ, Николаша доволенъ и спокоенъ». Но не спокойна Алекс. Ѳеод. Она боится намѣтившагося пріѣзда вел. князя въ Ставку въ октябрѣ: «какъ бы онъ не натворилъ бѣдъ со своими приверженцами! Не позволяй ему заѣзжать куда бы то ни было, пусть онъ прямо возвращается на Кавказъ, иначе революціонная партія опять станетъ его чествовать».

6 ноября Н. Н. имѣлъ интимную бесѣду съ царемъ. Его разговоръ «въ очень рѣзкой формѣ», по записи Андрея Вл. со словъ вел. князя — былъ приблизительно таковъ: «Я хотѣлъ вызвать его на дерзость. Но онъ все молчалъ и пожималъ плечами. Я ему прямо сказалъ: «мнѣ было бы пріятнѣе, чтобы ты меня обругалъ, ударилъ, выгналъ вонъ, нежели твое молчаніе. Неужели ты не видишь, что ты теряешь корону? Опомнись, пока не поздно. Дай отвѣтственное министерство. Еще въ іюнѣ я тебѣ говорилъ объ этомъ. Ты все медлишь. Смотри, чтобы

не поздно было потомъ... Какъ тебѣ не стыдно было повѣрить, что я хотѣлъ свергнуть тебя съ престола!... Стыдно, Ники, мнѣ за тебя». Въ такомъ духѣ я говорилъ — онъ все молчалъ. Еще наканунѣ, 5 ноября, Шавельскій съ нимъ долго говорилъ на эту же тему и тоже ничего. Послѣ этого я понялъ, что все кончено и *потерялъ надежду на его спасеніе*. Ясно было, что мы катимся быстро по наклонной плоскости и рано или поздно онъ корону потеряетъ». Эта бесѣда показательна. Н. Н. съ этого момента какъ бы считаетъ, что его руки развязаны*). Удивительно, что царь своей женѣ не обмолвился объ этомъ тягостномъ по формѣ разговорѣ съ Н. Н. Мало того, А. Ѳ. убѣждена была, что никакого разговора съ Н. Н. въ Ставкѣ не было. Царь, очевидно, не хотѣлъ подливать масла въ огонь. Старались объ этомъ другіе.

«Надѣюсь, что неправда, будто Никол. пріѣдетъ къ 17-му... Не пускай его злого генія», — упорствуетъ А. Ѳ. 14 декабря. Ея подозрительность возбуждается сплетнями не одной только «тети Мавры». Еще 31 августа 15 г. Николай II пишетъ: «Сандро (т. е. Александръ Михайловичъ) очень доволенъ перемѣной, сказалъ мнѣ то же самое, что тебѣ писалъ Николай М., и изумлялся тому, что я такъ долго терпѣлъ это фальшивое положеніе». Мы не знаемъ, что писалъ Н. М. царю, но намъ извѣстно, что писалъ онъ царю въ апрѣлѣ 16 г.: «Относительно популярности Николаши скажу слѣдующее: эта популярность была мастерски подготовлена изъ Кіева Милицей, совсѣмъ исподволь и всѣми способами — распространеніемъ въ народѣ брошюръ, всякихъ книжонокъ, лубковъ, портретовъ, календарей и т. п. Бла-

---

*) Политическій фольклоръ отметилъ уже тогда бесѣду Ник. Ник. съ царемъ, приписавъ первому такую формулировку: «Смотри, не доведи до того, что вмѣсто Николая II будетъ Николай III».

годаря такой продуманной подготовкѣ, популярность не упала послѣ потери Галиціи и Польши и снова возросла послѣ кавказскихъ побѣдъ. Съ самаго начала кампаніи я неоднократно писалъ твоей Матушкѣ и предупреждалъ о кіевскихъ интригахъ... Теперь я свободно говорю... и повторяю, что на Кавказѣ Милица не дремлетъ. Смѣю тебя увѣрить, по моему глубокому убѣжденію, что въ *династическомъ* отношеніи меня эта популярность *тревожитъ*, особенно при томъ возбужденномъ состояніи нашего общественнаго мнѣнія, которое все яснѣе обрисовывается въ провинціи. Популярность эта вовсе не идетъ на пользу престола или престижа императорской фамиліи, а только муссированія мужа великой княгини славянки, а не нѣмки, равно какъ и его брата и племянника Романа. При возможности великихъ смутъ послѣ войны, надо быть на-чеку и наблюдать зорко за всѣми ходами для поддержанія сей популярности». «Другихъ варіантовъ въ династическомъ отношеніи — заканчиваетъ Николай Михайловичъ свое письмо — я не признаю и признавать не буду».

Въ сентябрѣ у Ник. Мих. нѣтъ чувства надвигающейся катастрофы. Онъ разсуждаетъ о подготовкѣ мирной конференціи, не допуская «дурного исхода войны». Онъ очень недоволенъ, что Сазоновъ не хочетъ взять его себѣ въ помощники и обиженно говоритъ о «все возрастающей популярности Николаши». «Нахожу страннымъ, что Н. Н. можетъ нести и уже несъ громадную отвѣтственность, а я не могу нести никакой». И становится какъ то малопонятной та рѣзкая перемѣна, которая въ ноябрѣ совершается въ психологіи великаго князя-историка Очевидно, люди слишкомъ склонны дѣйствовать подъ вліяніемъ перемѣнчивыхъ настроеній, зависящихъ отъ внѣшнихъ флюидовъ. Въ своемъ извѣстномъ письмѣ 1 ноября Николай Михайловичъ писалъ: «Неоднократно ты мнѣ высказывалъ, что тебѣ некому вѣрить, что тебя обманываютъ... Я долго колебал-

ся открыть всю истину, но послѣ того, какъ твоя матушка и твои сестры меня убѣдили это сдѣлать, я рѣшился. Ты находишься наканунѣ эры новыхъ волненій, скажу больше — наканунѣ эры покушеній. Повѣрь мнѣ: если я такъ напираю на твое собственное освобожденіе отъ создавшихся оковъ, то я это дѣлаю... только ради надежды и упованія спасти тебя, твой престолъ и нашу дорогую родину отъ самыхъ тяжкихъ и непоправимыхъ послѣдствій».

2. *Послѣ убійства Распутина.*

14 января 1917 г. капитанъ 1 ранга въ балтійскомъ флотѣ Ренгартенъ записалъ въ свой интереснѣйшій дневникъ: «Черкасскій разсказалъ мнѣ, что въ ноябрѣ нѣсколько великихъ князей собрались въ Ставкѣ и приступили къ царю съ предложеніемъ — дать странѣ конституцію, а императрицу объявить больной, поселить въ санаторіи или увезти за границу. Будто государь обѣщалъ подумать, но потомъ снесся съ Царскимъ Селомъ и на другой день опредѣленно отказалъ». Такого факта никогда, конечно, не было, но разсказъ, занесенный въ дневникъ, характеренъ для момента. Въ ноябрѣ, помимо разговора съ вел. княземъ Н. Н., приведеннаго выше съ его собственныхъ словъ,и указаннаго письма Николая Михайловича*), писалъ царю изъ арміи 11 ноября еще Георгій Мих.: «положительно у всѣхъ замѣтно безпокойство за тылъ, т. е. за внутреннее состояніе Россіи. Прямо говорятъ, что если внутри Россіи дѣла будутъ идти такъ, какъ теперь, то намъ никогда не удастся окончить войну побѣдоносно, а если это не удастся, то тогда конецъ всему»».

---

*) Оно было воспроизведено въ первые дни въ «Русскомъ Словѣ» по тексту, полученному редакціей отъ автора.

Въ «тылу» атмосфера накалялась. Бурно настроены придворные круги; Юсупова мать пишетъ своему сыну 25 ноября: «Теперь поздно, безъ скандала не обойтись, а тогда можно было все спасти, требуя удаленія управляющаго на все время войны и невмѣшательства Валиде въ государственные вопросы. И теперь, я повторяю, пока эти два вопроса не будутъ ликвидированы, ничего не выйдетъ мирнымъ путемъ, скажи это дядѣ Мишѣ (т. е. Родзянко) отъ меня». Валиде — это царица, управляющій — тотъ «Гришенька», который, по преувеличенному представленію Гиппіусъ, «въ свободные отъ блуда и пьянства часы управляетъ Россіей»*). Мать Феликса Юсупова въ каждомъ письмѣ говоритъ о необходимости обезвредить и укротить «Валиде». Жена Родзянко, съ своей стороны, сообщаетъ Юсуповой, что Николай II «панически» боится жены и что «безъ помощи ему не избавить насъ отъ ея пагубнаго вліянія. Недавно къ Мишѣ таинственно пріѣзжалъ в. кн. Мих. Ал., какъ мнѣ кажется, подосланный негласно братомъ»...

Едва ли можно сказать, что Распутинъ палъ жертвой только «жалкой паники и интригъ» великихъ князей (слова Милюкова). Этотъ актъ былъ выполненъ, конечно, не только по мотивамъ придворно-династическимъ. Убійцами руководили и соображенія патріотическія въ прямомъ смыслѣ слова. Боялись не только «грандіознаго скандала», который можетъ закончится «страшной революціей», о чемъ пророчествовалъ Илліодоръ. Вѣрили и въ нѣмецкую интригу, оплетшую распутинское окруженіе.

По словамъ Бѣлецкаго, Треповъ, въ бытность предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, пытался Распу-

---

*) По показаніямъ Мануилова-Манасевича, именно у Распутина въ «тайникахъ души» зрѣла мысль о регентствѣ Ал. Ѳ., такъ какъ «папаша ничего не понимаетъ» и «негожъ».

тина подкупить. Наконецъ, прибѣгли къ болѣе рѣшительному способу устраненія вреднаго человѣка въ увѣренности въ общемъ сочувствіи къ такому убійству.

Молодой Юсуповъ писалъ 17 декабря императрицѣ по поводу «ужаснаго обвиненія», на него возведеннаго: «Я не нахожу словъ, Ваше Величество, чтобы сказать Вамъ, какъ я потрясенъ всѣмъ случившимся и до какой степени мнѣ кажутся дикими тѣ обвиненія, которыя на меня возводятся»*). Но въ дѣйствительности великосвѣтское общество съ перваго дня его уже фетировало, и петербургская газета «День» въ своеобразной формѣ довела до свѣдѣнія своихъ читателей объ исключительномъ успѣхѣ, который имѣлъ на одномъ изъ раутовъ извѣстный исполнитель цыганскихъ романсовъ Сумароковъ-Эльстонъ — его качали и засыпали цвѣтами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ большое негодованіе въ великокняжеской средѣ вызвало отношеніе царской семьи къ убійству — особенно то, что Распутинъ былъ похороненъ въ Царскомъ Селѣ. Къ еще большему возмущенію привела кара, постигшая в. кн. Дмитрія Павл. 19 декабря Андрей Вл. записалъ: «Кириллъ, Гавріилъ и я — мы заѣхали къ Дмитрію заявить ему, что, не вникая вовсе въ вопросъ, виновенъ ли онъ или нѣтъ въ убійствѣ Распутина, мы всѣ стоимъ за него, и онъ можетъ вполнѣ на насъ расчитывать. Что бы ни случилось, мы будемъ за него». Возбужденіе, вызванное немилостью къ Дм. П., усиливалось увѣренностью, что Д. П. не принималъ участія въ убійствѣ. «Дмитрій, — разсказываетъ Андрей Вл. — торжественно поклялся, что въ эту знаме-

---

*) Въ отрывкахъ воспоминаній в. кн. Маріи Павл. (молодой), приведенныхъ въ «Иллюстр. Россіи», подчеркивалось, что только Дм. П. остался вѣренъ слову и не раскрылъ «тайны». Большого гражданскаго мужества въ эти дни Дм. П., однако, не проявилъ.

нитую ночь онъ Распутина не видѣлъ и рукъ своихъ въ его крови не маралъ». То же само с Дм. П. заявилъ отцу, «поклявшись на образѣ и портретѣ матери».

Николай II отказался, несмотря на просьбы дяди своего Павла Алекс., отмѣнить домашній арестъ Д. П. до окончанія слѣдствія: «Молю Бога — писалъ онъ въ отвѣтъ — чтобы Дмитрій вышелъ изъ этой исторіи, куда его завлекла его горячность, чистымъ».

Поденную запись о семейныхъ совѣщаніяхъ мы имѣемъ въ дневникѣ Андрея Вл., 21 декабря: «Въ 5 ч. у меня собрались: мама, дядя Павелъ, Кириллъ и Борисъ, а позже Сандро... Мы обсуждали, что же будемъ дѣлать дальше, ежели Ники все же не освободитъ Дмитрія и поведетъ слѣдствіе до конца. Тогда рѣшили, что дядя Павелъ снова поѣдетъ къ Никѣ и покажетъ всю опасность создавшагося положенія». 22 декабря: «Сандро былъ въ Царскомъ Селѣ, но ровно ничего не добился». 23 декабря семья узнала о высылкѣ Дмитрія въ Персію. «Я немедленно позвонилъ Кириллу... Я просилъ и Гавріила пріѣхать. Скоро всѣ пріѣхали, и надо было рѣшить, что предпринять. Попытаться ли спасти Дмитрія и помѣшать его отъѣзду или предоставить событіямъ итти своей чередой. Рѣшили послѣднее, но все же мы хотѣли имѣть мнѣніе предсѣдателя Гос. Думы М. В. Родзянко, но онъ отказался пріѣхать изъ-за поздняго часа — было уже 12 ч., боясь вызвать излишніе толки». 24 декабря: «Въ 2 ½ ч. у мама былъ Родзянко. Кириллъ и я, мы пріѣхали къ этому времени. Родзянко стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что непосредственно онъ намъ въ этомъ дѣлѣ помочь не можетъ, не имѣя власти, но морально онъ безусловно на нашей сторонѣ... Въ Думѣ будутъ реагировать очень серьезно на все это».

Разсказъ объ этомъ свиданіи можно почерпнуть и въ воспоминаніяхъ самого Родзянко — онъ только ошибочно его отнесъ къ январю. Свиданіе Родзянко назвалъ «страннымъ». Ему показалось подозрительной «настойчивость» в. кн. Маріи Павл., звавшей его пріѣхать въ такой поздній часъ: «это было похоже на заговоръ». Родзянко отложилъ отвѣтъ на четверть часа. За это время онъ, какъ разсказывалъ мнѣ А. И. Гучковъ, совѣщался съ нимъ и съ Савичемъ. Ровно черезъ 15 минутъ опять звонокъ и голосъ М. П.: «Ну, что же, вы пріѣдете?». Родзянко отказался поѣхать ночью и обѣщался поѣхать на другой день къ завтраку. Завтракъ проходилъ «въ шутливомъ тонѣ» и о «важномъ дѣлѣ не было произнесено ни слова». Наконецъ, Кириллъ Вл. обратился къ матери и сказалъ: «что вы не говорите?». Тогда М. П. стала говорить о внутреннемъ положеніи, о вредномъ вліяніи императрицы, «благодаря которому создается угроза царю и всей царской фамиліи». Такое положеніе «дольше терпѣть невозможно» и «надо измѣнить, устранить, уничтожить». «Кого?» — спросилъ Родзянко. «Императрицу». — «Ваше высочество — сказалъ я — позвольте мнѣ считать этотъ нашъ разговоръ какъ бы не бывшимъ, потому что, если вы обращаетесь ко мнѣ, какъ къ предсѣдателю Думы, то я по долгу присяги долженъ сейчасъ же явиться къ Государю Императору и доложить ему, что вел. княгиня Марія Павл. заявила мнѣ, что надо уничтожить императрицу»...*).

Совѣщанія въ «салонѣ» М. Павл. продолжались. Изъ другихъ источниковъ я знаю о какомъ то таинственномъ совѣщаніи на загородной дачѣ, гдѣ опредѣленно шелъ вопросъ о цареубійствѣ: только ли императрицы? Но я не нашелъ подтвержденія

*) Слухи о разговорѣ М. П. съ Родзянкой проникли широко въ общество — они тогда же были зарегистрированы Каррикомъ.

словамъ И. П. Демидова въ докладѣ «Міровая война и русская революція» (съ ссылкой на Родзянко), что предложеніе въ эти дни захватить Царское Село при содѣйствіи гвардейскихъ частей не осуществилось въ силу отказа Дмитрія Павловича. Такая версія имѣется только въ дневникѣ Палеолога. Вхожій въ салонъ в. кн. Маріи Павл., освѣдомленный о многихъ интимныхъ тамъ разговорахъ, Палеологъ говоритъ, что великіе князья, среди которыхъ ему называютъ сыновей Маріи Павловны, предполагали при помощи четырехъ гвардейскихъ полковъ (Павловскаго, Преображенскаго, Измайловскаго и личнаго конвоя) ночью захватить Царское Село и принудить императора отречься. Императрицу предполагалось заточить въ монастырь и провозгласить наслѣдника царемъ при регентствѣ Ник. Ник.. Надѣялись, что в. кн. Дм. П., послѣ убійства Распутина, сможетъ стать во главѣ войскъ. Великіе князья Кириллъ и Андрей всемѣрно старались убѣдить Дм. П. довести до конца дѣло національнаго спасенія. Но Дм. П., послѣ долгой борьбы со своей совѣстью, отказался поднять руку на царя. Надо сказать, что настроеніе Дм. П., человѣка «безхарактернаго», какъ миого разъ подчеркиваетъ доброжелательная къ нему Александра Θеод. въ своихъ письмахъ, было весьма пониженное передъ высылкой: послѣ отъѣзда, по свидѣтельству Андрея Вл., съ нимъ произошелъ даже «нервный припадокъ».

Люди дѣйствовали подъ вліяніемъ своего рода психоза. Какъ иначе объяснить то, что въ болѣе спокойномъ состояніи Андрей Вл. заносилъ въ дневникъ со словъ матери (6 сентября): «На дняхъ Аликсъ заѣхала къ мама... чай пить. Слѣдуетъ отмѣтить, что за двадцать лѣтъ это въ первый разъ, что Аликсъ безъ Ники пріѣзжаетъ къ мама. Но самое интересное, это разговоръ, который производилъ впечатлѣніе искренняго горя по поводу текущихъ событій... Аликсъ смотрѣла на вещи именно такъ, какъ мы

смотрѣли, и все, что она говорила, было ясно, положительно, вѣрно... Этотъ эпизодъ въ нашей семейной жизни важенъ въ томъ смыслѣ, что далъ намъ возможность *понять* Аликсъ. Никто ее въ сущности не зналъ, не понималъ, а потому и создавали догадки, предположенія, перешедшія впослѣдствіи въ цѣлый рядъ легендъ самаго разнообразнаго характера»... А черезъ три мѣсяца говорятъ уже объ ея «уничтоженіи»!

Не наша задача разрѣшать психологическія загадки. «Цареубійство» означаетъ переворотъ. Онъ становится неизбѣжнымъ въ сознаніи этой среды.

«Общее негодованіе растетъ каждый день — продолжаетъ записывать Андрей Вл., — все семейство крайне возбуждено, въ особенности молодежь, ихъ надо сдерживать, чтобы не сорвались... Нехорошія назрѣваютъ событія, но сами идутъ въ пасть — страшно, но судьба да руководитъ нашей св. Русью!».

Возбуждено все великосвѣтское общество. Съ какимъ то воплемъ жена Родзянко пишетъ своей корреспонденткѣ: «Никогда Россія не видѣла такихъ черныхъ дней и такихъ недостойныхъ представителей монархизма». Они «губятъ всѣхъ насъ». Юсуповъ говоритъ матери: «всѣ живемъ, какъ на вулканѣ»... «сплошной ужасъ, и долго длиться такъ не можетъ». «Теперь, кромѣ отвѣтственнаго министерства ничего не остается» — отвѣчаетъ мать. «Потерявшее голову великосвѣтское общество, — свидѣтельствуетъ полицейскій ген. Курловъ — громко говорило о необходимости дворцоваго переворота. Эта мысль встрѣчала сочувствіе среди нѣкоторыхъ членовъ царствовавшаго дома». Жена Родзянко отмѣчаетъ ростъ ненависти уже къ «обоимъ». «Мысль о принудительномъ отреченіи царя—разсказываетъ въ воспоминаніяхъ самъ Родзянко — упорно проводилась въ Петроградѣ въ концѣ 16 и началѣ 17 г.. Ко

мнѣ неоднократно и съ разныхъ сторонъ обращались представители высшаго общества и заявляли, что Дума и ея представитель обязаны взять на себя эту отвѣтственность передъ страной и спасти армію и Россію... Многіе при этомъ были искренно убѣждены, что я подготовляю переворотъ и что мнѣ въ этомъ помогаютъ многіе изъ гвардейскихъ офицеровъ и англійскій посолъ Бьюкененъ. Меня это приводило въ негодованіе и, когда люди проговаривались, начинали на что-то намекать или откровенно говорить о переворотѣ, я отвѣчалъ имъ всегда одно и то же: «Я ни въ какую авантюру не пойду... Дворцовые перевороты не дѣло законодательныхъ палатъ, а поднимать народъ противъ царя — у меня нѣтъ ни охоты, ни возможности».

Объ одномъ совѣщаніи информируетъ насъ Палеологъ, повидимому, на немъ присутствовавшій. Собрались 5 января у представителя промышленнаго міра Богданова. Среди другихъ присутствовали в. кн. Гавріилъ, проф. Озеровъ, Путиловъ, морякъ гр. Капнистъ. «Шампанское помогало тому, что языки развязывались. Озеровъ и Путиловъ, обращаясь къ в. кн. Гавріилу, указывали, что для спасенія династіи и монархическаго режима единственнымъ выходомъ является низложеніе царя и провозглашеніе императоромъ цесаревича подъ регентствомъ в. кн. Ник. Ник.. Гавріилъ Конст. не протестовалъ и ограничился только нѣкоторыми практическими указаніями, обѣщавъ вмѣстѣ съ тѣмъ довести до свѣдѣнія своихъ родственниковъ о томъ, что говорилось на обѣдѣ».

Черезъ нѣсколько дней другой обѣдъ у Гавр. Конст.. О немъ вновь разсказываетъ Палеологъ, удивляясь несерьезной обстановкѣ, при которой поднимались самые отвѣтственные разговоры. Обѣдъ происходилъ у возлюбленной в. князя. Присутствовали Борисъ Вл., Игорь Конст., Путиловъ и нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ. Въ теченіе всего вече-

ра говорятъ о заговорѣ, о гвардейскихъ полкахъ, на которые можно разсчитывать, когда дѣло приблизится къ выполненію. Все это говорится подъ винными парами шампанскаго въ присутствіи цыганокъ и va et vien домашней прислуги.

Естественно, что разговоры просачивались въ болѣе широкіе круги. Ренгартенъ записываетъ: «А слухи!!! Говорятъ о проскрипціонномъ спискѣ «15», приговоренныхъ къ смерти: 1-ый палъ Распутинъ, 2-ая, она — императрица, будто на нее уже было покушеніе, говорятъ, что гвардія замышляетъ государственный переворотъ... Говорятъ много и, конечно, большая часть ложь»... Слухи ползли. У Каррика 10 января отмѣченъ слухъ, что убиты царь и Вырубова, а государыня ранена. Черезъ нѣсколько дней онъ регистрируетъ молву о покушеніи на царицу, въ которую яко-бы стрѣляли какіе-то князья Гагаринъ и Голицинъ*).

О дворцовомъ переворотѣ начинаютъ говорить все больше и больше — намѣчается даже день: 12 января. Бывшій въ эти дни въ Петербургѣ начальникъ британской развѣдки при ген. штабѣ, Хоръ, доносилъ въ Лондонъ: Дума и армія могутъ провозгласить Временное Правительство. Я не думаю, чтобы это случилось, хотя эта возможность гораздо ближе, чѣмъ это кажется. Второе — императоръ можетъ уступить, какъ онъ уступилъ въ 1906 г., когда была учреждена Дума. Въ-третьихъ, — дѣла могутъ и дальше кое-какъ плестись. Вторая и третья альтер-

---

*) Записано у Каррика и другое преломленіе въ народномъ «фольклорѣ» тогдашнихъ политическихъ событій: убитъ де Распутинъ для того, чтобы посадить в. кн. Н. Н. на престолъ и заключить миръ.

нативы мнѣ кажутся наиболѣе вѣроятными. Особенно послѣдняя*).

Родзянко возмущается: «всѣ негодовали, всѣ жаловались, всѣ возмущались..., но дальше разговоръ никто не шелъ. Между тѣмъ, если бы всѣ объединились и если бы духовенство, ученые, промышленники, представители высшаго общества объединились и заявили бы царю просьбу или даже обратились бы съ требованіемъ прислушаться къ желаніямъ народа — можетъ быть, и удалось бы чего нибудь достигнуть». Предпочитали грозить «за спиной переворотомъ».

Въ сложившейся обстановкѣ индивидуальныя обращенія не могли уже достигнуть цѣли — слишкомъ раздражена была царская семья и слишкомъ силенъ былъ въ ней фатализмъ. Къ числу такихъ индивидуальныхъ обращеній можно было бы отнести написанное въ четыре пріема письмо, наиболѣе близкаго царю изъ среды великихъ князей, Александра Михайловича, начатое 25 декабря, но фактически отосланное лишь 4 февраля**). Письмо свое Ал. Мих. заканчивалъ такими словами: «какъ это ни странно, но правительство есть сегодня тотъ органъ, который подготавливаетъ революцію — народъ ея не хочетъ... Мы присутствуемъ при небываломъ зрѣлищѣ революціи сверху, а не снизу». Что же давалъ великокняжескій совѣтъ? Ослабить репрессіи, которыя «искусственно толкаютъ нетвердыхъ въ убѣжденіяхъ людей въ лагерь лѣвыхъ». Ал.Мих.—принципіальный противникъ министерства, отвѣтственнаго передъ Думой. Этого допускать нельзя. «Разумѣется, власть должна состоять изъ лицъ... чистыхъ, либеральныхъ и преданныхъ монархиче-

*) Эти донесенія воспроизведены въ вышедшей недавно книгѣ Хора «Четвертая Печать».

**) Пріѣзжала въ декабрѣ «усовѣщевать» изъ Москвы и вел. кн. Елиз. Ѳеод.

скому принципу», пользующихся довѣріемъ страны: «Всякія попытки со стороны лѣвыхъ элементовъ Думы должны быть подавляемы — съ чѣмъ, я не сомнѣваюсь, справится сама Дума, если же нѣтъ, то Дума должна быть распущена, а такой роспускъ Думы будетъ страной привѣтствоваться».

Не будемъ разбирать, насколько практичны были совѣты Александра Мих.. Въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ сейчасъ рѣчь, царь читать эти письма еще не могъ. И онъ и царица знали о другихъ «разговорахъ», какъ клубныхъ, такъ и болѣе интимныхъ. За эти клубные разговоры, за разговоры о «неподобающихъ вещахъ» былъ высланъ 1 января изъ Петрограда в. кн. Николай Мих. Эти разговоры въ яхтъ-клубѣ, куда Н. М. заходилъ «играть въ карты», онъ отрицалъ. Но, быть можетъ, клубные разговоры только внѣшній поводъ — фактически опала могла постигнуть Н. М. какъ разъ за поѣздку инкогнито въ Тифлисъ послѣ убійства Распутина. Мы увидимъ, что царь былъ достаточно освѣдомленъ обо всѣхъ болѣе или менѣе «заговорщицкихъ» разговорахъ*).

Въ петербургской атмосферѣ легко должна была родиться мысль о зондированіи почвы у в. кн. Ник. Ник., самаго популярнаго и авторитетнаго изъ членовъ великокняжеской среды. Насколько была значительна эта популярность передъ революціей, показываетъ тотъ фактъ, что при отъѣздѣ съ Кавказа въ революціонные дни вновь на постъ верховнаго главнокомандующаго, его повсюду сопровождали довольно восторженныя встрѣчи. Мы должны обратить вниманіе, что во всѣхъ комбинаціяхъ, о которыхъ разсказываетъ Палеологъ, всюду в. князь фигурируетъ въ качествѣ регента. Въ другихъ комбинаціяхъ не всегда преемникомъ низложеннаго монар-

*) Въ обществѣ въ связи съ высылкой Ник. Мих. распространялось сенсаціонное сообщеніе о раскрытіи «заговора 47», имѣвшаго цѣлью заточеніе царицы въ монастырь·

ха выступаетъ его прямой наслѣдникъ. Въ нѣкоторыхъ кругахъ, очевидно, намѣчался молодой Лейхтенбергскій — пасынокъ вел. князя*). Ген. Даниловъ въ біографіи Н. Н. объясняетъ комбинацію съ возглавленіемъ великаго князя тѣмъ, что многіе опасались болѣзни наслѣдника и слабоволія Михаила Александровича. Объясненія можно дать различныя.

Связью между «великосвѣтскими» разговорами и дворцовымъ переворотомъ и аналогичными начинаніями, рождавшимися въ общественной средѣ, легко могъ явиться Ник. Мих., до нѣкоторой степени соприкасавшійся съ нѣкоторыми кругами этой общественности. Наиболѣе естественной связью, казалось бы, могъ сдѣлаться предсѣдатель Гос. Думы. Съ нимъ постоянно видится Ник. Мих. — утверждаетъ царица. Въ декабрьскіе дни съ Родзянко бесѣдуютъ не только члены оппозиціоннаго салона Маріи Павловны. «Семья въ тревожномъ состояніи», и Родзянко — сообщаетъ его жена Юсуповой — «приходится видѣть много родственниковъ Ирины, которые прекрасно всѣ понимаютъ, что спасеніе только въ Думѣ». Но Родзянко былъ дѣйствительно чуждъ «заговора».

Великокняжескіе «заговоры» сами по себѣ скоро заглохли. Государь «сознавалъ вредъ активной роли, которую играли въ оппозиціонной средѣ члены его семьи» — говоритъ въ своей «предсмертной» запискѣ Протопоповъ. «Ему казалось лучшимъ средствомъ удаленіе ихъ изъ предѣловъ Россіи. Война мѣшала ему привести въ исполненіе свою мысль. Временно нѣсколько великихъ князей были высланы въ свои деревни». А остальные тревожно и на-

---

*) Впослѣдствіи Лейхтенбергскій оказался связаннымъ съ «организаціей» Пуришкевича. «Національная партія» послѣдняго, по свѣдѣніямъ информаторовъ Деп. Пол., также «путемъ дворцоваго переворота, какъ будто собиралась «спасти Россію отъ революціи и позорнаго мира».

стойчиво спрашивали председателя Гос. Думы: «когда же произойдетъ революція?». Съ необычайной образностью, но какъ будто излишней, в. кн. Кириллъ въ своемъ первомъ «революціонномъ» интервью съ представителями газетъ подвелъ итогъ: «Мой дворникъ и я, мы одинаково видѣли, что со старымъ правительствомъ Россія потеряетъ все».

Гл. VI. ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ.

1. Заговоръ Гучкова.

Мы проникли въ самую гущу заговорщицкихъ разговоровъ. Перевернутая «великокняжеская» страница свидѣтельствовала больше о растерянности, чѣмъ о серьезныхъ планахъ. Но были и такіе планы. И, конечно, среди тѣхъ начинаній, которыя носили черты реальныя и пріобрѣли характеръ нѣкоторой организованности, на первое мѣсто нужно поставить предположенія группы, возглавляемой А. И. Гучковымъ.

По своему прошлому, по нѣкоторымъ чертамъ своего характера, Гучковъ, склонный къ пріемамъ младо-турокъ, можетъ быть, болѣе другихъ подходилъ на роли конспиратора и руководителя въ организаціи дворцоваго переворота. Такимъ онъ рисовался не только въ воображеніи царицы, писавшей 17 сент. (15 г.): ... «всѣ знаютъ, что Гучковъ работаетъ противъ нашей династіи»; «Гучкова не слѣдуетъ пускать на фронтъ» — настойчиво повторяетъ А. Ѳ. 7-го янв. — « и позволять... говорить съ войсками». Въ засѣданіи совѣта министровъ 6 августа 16 г. въ связи съ письмомъ Гучкова отъ имени военно-промышленнаго комитета о необходимости измѣненія политическаго курса, рѣчь поднимается о немъ самомъ, о его «авантюристической натурѣ» и о его «непомѣрномъ честолюбіи», которыя могутъ при ненависти къ Николаю толкнуть его «на любыя сред-

ства для достиженія цѣли»: его считаютъ способнымъ — говоритъ Хвостовъ (А. А.) — въ случаѣ чего встать во главѣ батальона и отправиться въ Царское. Военно-промышленный комитетъ подъ вліяніемъ Гучкова сдѣлался организаціоннымъ центромъ той части общественныхъ силъ, которыя не входили въ земскій и городской союзы, — таково мнѣніе правительства.

А. И. Гучковъ, повидимому, одинъ изъ первыхъ разочаровался въ тѣхъ путяхъ воздѣйствія на власть, которые онъ рекомендовалъ на сентябрьскомъ городскомъ съѣздѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ глубокій реалистъ, умѣренный въ своихъ политическихъ взглядахъ, прекрасно сознавалъ всю опасность борьбы съ властью во время войны и въ смутные дни общественной неустойчивости. Въ извѣстномъ письмѣ къ ген. Алексѣеву, ходившемъ широко по рукамъ, Гучковъ писалъ 15 августа 16 г.: «Наши способы борьбы обоюдо-остры и при повышенномъ настроеніи народныхъ массъ, особенно рабочихъ массъ, могутъ послужить первой искрой пожара, размѣры котораго никто не можетъ ни предвидѣть, ни локализировать. Я уже не говорю, что насъ ждетъ послѣ войны — надвигается потопъ, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встрѣтить этотъ катаклизмъ тѣми мѣрами, которыми ограждаютъ себя отъ хорошаго проливного дождя: надѣваютъ галоши и раскрываютъ зонтики. Можете-ли вы что нибудь сдѣлать? Не знаю. Но будьте увѣрены, что наша отвратительная политика... грозитъ пресѣчь линіи вашей хорошей стратегіи въ настоящемъ и окончательно исказить ея плоды въ будущемъ».

Но, въ противоположность Львову, Гучковъ въ дѣйствительности на первый планъ выдвигаетъ не войну, а возможности внутренняго «катаклизма». Еще на сентябрьскомъ съѣздѣ, какъ въ свое время мы видѣли, онъ говорилъ о грядущей революціи и призывалъ власть пойти «на соглашеніе съ требо-

ваніями общества», чтобы избѣжать «ужасныхъ послѣдствій». Съ этой точки зрѣнія онъ и разрѣшалъ поставленную Маклаковымъ проблему о шоферѣ — его во что бы то ни стало надо упразднить. «Исторической виной... руководящихъ круговъ — говорилъ впослѣдствіи Гучковъ на московскомъ государственномъ совѣщаніи — я признаю, что когда выяснилась возможность дальнѣйшаго сотрудничества съ властью, что когда удаленіе этой власти стало условіемъ спасенія родины, эти руководящіе круги не взяли на себя самостоятельнаго руководства, а только присоединились къ участію въ немъ наравнѣ съ другими, когда произошелъ стихійный сдвигъ». Само общество, такимъ образомъ, отвѣтственно за то, что мартовскій государственный переворотъ произошелъ не въ безболѣзненныхъ формахъ дворцовыхъ перемѣнъ. «Я пульсъ арміи нащупалъ» — утверждалъ Гучковъ въ показаніяхъ Слѣдственной Комиссіи Врем. Прав. Переворотъ, совершенный «верхами арміи» при участіи политическихъ и общественныхъ дѣятелей, былъ бы встрѣченъ сочувственно всѣми, сверху до низу». По словамъ Гучкова, «дѣло оказалось бы чрезвычайно легкимъ», если бы шелъ вопросъ о томъ, чтобы «поднять военное возстаніе, будь то на сѣверномъ или румынскомъ фронтѣ», не представляло трудности поднять и петроградскій гарнизонъ, но «мы не желали — пояснялъ Гучковъ — касаться солдатскихъ массъ». «Я былъ убѣжденъ, что солдаты пойдутъ на это дѣло, что было бы достаточно одного приказанія, чтобы ихъ повели, куда нужно и когда нужно». Заговорщики хотѣли имѣть дѣло «не со всей арміей, а съ очень небольшой ея частью». Надо было найти части, которыя были бы расположены для цѣлей охраны по желѣзнодорожному пути и при посредствѣ которыхъ можно было бы захватить императорскій поѣздъ и «вынудить» отречеиіе у царя.

*
**

А. И. Гучкову давно бы слѣдовало подробно разсказать въ печати то, что онъ сообщилъ въ своихъ показаніяхъ — только тогда можно была бы избѣжать гипотезъ. О возникновеніи своего «заговора» Гучковъ въ частной бесѣдѣ разсказывалъ такъ: «Въ серединѣ ноября 1916 года въ Петроградѣ, въ конторѣ М. М. Федорова,состоялось политическое совѣщаніе преимущественно думскихъ дѣятелей изъ лѣваго круга прогрессивнаго блока». Очевидно, это было одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ совѣщаній, о которыхъ упоминаетъ Милюковъ. Изъ болѣе правыхъ были позваны Гучковъ и Савичъ. Послѣдній не пошелъ. Среди присутствовавшихъ находились Милюковъ, Шингаревъ, Коноваловъ, повидимому, Маклаковъ. Гучковъ былъ нѣсколько удивленъ, встрѣтивъ среди «думцевъ» молодого Терещенко. Обсуждали общее положеніе, искали выхода, говорили о томъ дворцовомъ переворотѣ, который былъ на устахъ у столькихъ людей. Предусмотрительные государствовѣды изъ партіи Народной Свободы принесли съ собой сводъ законовъ и разсуждали о регентскомъ совѣтѣ. Гучковъ высказывался наиболѣе опредѣленно — кто совершитъ переворотъ, тотъ и будетъ имѣть силу, тотъ и будетъ разрѣшать всѣ сомнѣнія и вопросы. Это было собраніе безъ рѣшеній.

Послѣ къ Гучкову пріѣхали Некрасовъ и Терещенко, подчеркнувшіе полную свою солидарность съ тѣмъ, что говорилъ Гучковъ. Такъ будто бы создался конкретный планъ заговора и комитетъ «трехъ», который долженъ былъ подыскать подходящую воинскую часть. Гучковъ все время подчеркиваетъ, что дѣйствія ихъ были изолированы и ни съ какими иными «заговорщиками» они не были связаны. Лишь послѣ — въ дни уже революціи— Гучковъ узналъ о проэктахъ кн. Львова и о существованіи военной

морской группы въ Ставкѣ. Заговорщики изъ среды «комитета трехъ» считали опаснымъ дѣйствовать въ Ставкѣ или въ Царскомъ Селѣ. Желая избѣжать кровопролитія, они намѣчали, какъ арену дѣйствій, одну изъ желѣзнодорожныхъ станцій на царскомъ пути въ Новгородской губ., гдѣ въ одномъ изъ бывшихъ аракчеевскихъ поселеній была расположена запасная гвардейская часть, съ которой былъ связанъ привлеченный къ дѣлу, или самъ даже пришедшій къ нему, кн. Д. Вяземскій, — сынъ извѣстнаго члена Госуд. Совѣта, б. управл. Удѣлами, въ свое время потерпѣвшаго по службѣ за свой либерализмъ.

Главный творецъ заговора пока не называетъ другихъ именъ. Не будемъ и мы пока стараться проникнуть въ эту тайну, хотя нѣкоторая завѣса уже приподнялась. Терещенко въ своемъ интервью съ сотрудникомъ «Русск. Вѣд.» упоминаетъ, что одинъ изъ участниковъ заговора погибъ 28 февраля отъ случайной пули на улицахъ Петрограда. Это и былъ камеръ-юнкеръ кн. Вяземскій, уполномоченный Кр. Креста, стоявшій во главѣ летучаго санитарнаго отряда «имени В. К. Николая Николаевича», который былъ сооруженъ на средства Бѣгового Общества. Отрядъ входилъ въ составъ того района, которымъ завѣдовалъ Гучковъ въ качествѣ Особоуполномоченнаго Кр. Креста*). Въ сущности важно было бы установить, кто изъ военныхъ, примкнувшихъ къ заговорщицкому кружку, былъ связанъ съ вел. кн. Ник. Ник.

*) Погибъ кн. Вяземскій не 28 февраля, а въ ночь на 2 марта, когда Гучковъ по порученію Думскаго Комитета объѣзжалъ петроградскія казармы. «Когда мы проѣзжали на автомобилѣ мимо казармъ Семеновскаго полка, гдѣ солдаты громили офицерскія квартиры, — разсказываетъ Гучковъ—насъ сильно обстрѣляли». Тогда именно тяжело былъ раненъ въ спину спутникъ Гучкова. Раненный Вяземскій былъ перенесенъ въ одну изъ разгромленныхъ квартиръ. Послѣдними словами его были: «Вѣдь сколько разъ не брали меня нѣмецкія пули — обидно умирать отъ русской».

Изъ намековъ Гучкова въ показаніяхъ Слѣдственной Ком. Вр. Пр. ясно, что у него были непосредственныя связи съ румынскимъ и сѣвернымъ фронтами; имѣлъ свиданія Гучковъ и съ нѣкоторыми великими князьями, или во всякомъ случаѣ съ тѣми изъ нихъ, кто, можно думать, участвовалъ въ «заговорщицкихъ» переговорахъ съ общественниками, т. е съ Ник. Мих.. Имѣли такія же сношенія и другіе члены «Комитета трехъ».

Подготовка шла медленно. Предполагалось къ марту подтянуть въ Петроградъ вѣрныя воинскія части. Это — свидѣтельство самого Гучкова. Ген. Половцевъ въ своихъ воспоминаніяхъ «Дни затменія», въ свою очередь, подтверждаетъ эту версію со словъ того же Гучкова. Онъ разсказываетъ, что въ одну изъ раннихъ бесѣдъ во время революціи планъ дворцоваго переворота Гучковъ изображалъ такъ: «предполагалось уговорить царя поочередно приводить гвардейскіе кавалерійскіе полки въ столицу на отдыхъ и для поддержанія порядка, а затѣмъ выманить царя изъ Ставки и при помощи кавалергардовъ совершить дворцовый переворотъ, добившись отреченія въ пользу цесаревича и регентства. Все это должно было произойти въ серединѣ марта».

Разсказъ Половцева проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на неясную еще исторію съ вызовомъ гвардейскихъ частей съ фронта передъ революціей. ...«А. Д. Протопоповъ поразилъ меня совершенно конфиденціальнымъ сообщеніемъ... — разсказываетъ Курловъ — о своихъ усиліяхъ къ выводу изъ Петрограда запасныхъ полковъ и къ замѣнѣ ихъ гвардейскою кавалеріей съ фронта. Правда, легкомысленно добавилъ онъ, что начальники дивизій просили государя, какъ милости, не трогать ихъ частей съ фронта. По его словамъ государь... повелѣлъ вызвать въ столицу любимый имъ гвардейскій экипажъ, антиправительственное настроеніе котораго не было для меня тайной и до войны»... Тутъ Кур-

ловъ будто бы пришелъ къ опредѣленному убѣжденiю, что «все кончено». И въ показанiяхъ передъ Слѣдственной Комиссiей, и въ «предсмертной запискѣ», Протопоповъ увѣряетъ, что ген. Гурко прислалъ не тѣ части, вызвать которыя приказалъ царь: вмѣсто вѣрной де гвардейской кавалерiи были посланы революцiонно настроенные матросы. Ген. Гурко будто бы сознательно не выполнилъ приказа царя. Я боюсь дѣлать какiе нибудь опредѣленные выводы. Отмѣчу только, что по свѣдѣнiямъ Деп. Пол.*), Гучковъ имѣлъ свиданiе съ ген. Гурко, и объ этомъ свиданiи Протопоповъ довелъ до свѣдѣнiя царя. Оказалось, что царь былъ вообще «въ курсѣ дѣла».

Реальную выполнимость своего плана въ письмѣ ко мнѣ А. И. Гучковъ оцѣнилъ такъ: «сдѣлано было много для того, чтобы быть повѣшеннымъ, но мало для реальнаго осуществленiя, ибо никого изъ крупныхъ военныхъ къ заговору привлечь не удалось».

2. Ген. Крымовъ.

Пессимизмъ А. И. Гучкова въ исторической перспективѣ какъ будто не совпадаетъ съ той оцѣнкой подготовленности заговора, которую, по словамъ Половцова, давалъ Гучковъ въ цитированной выше бесѣдѣ. Тогда онъ говорилъ: «Революцiя, къ сожалѣнiю, произошла на двѣ недѣли слишкомъ рано». Собесѣдникъ могъ и неточно воспроизвести разговоръ. Но буквально въ аналогичныхъ же выраженiяхъ высказывались впослѣдствiи и другiе участники тройки.

---

*) По словамъ Протопопова, за Гучковымъ усиленно слѣдилъ Деп. Полицiи, велся списокъ посѣщавшихъ его лицъ. Извѣстны были полицiи и собранiя военныхъ, которыя устраивалъ Гучковъ на Сергiевской.

Послѣ самоубійства участника Корниловскаго движенія ген. Крымова, М. И. Терещенко выступилъ съ интервью. Терещенко говорилъ: «Я не могу не вспомнить послѣднихъ мѣсяцевъ передъ революціей, когда ген. Крымовъ оказался тѣмъ единственнымъ генераломъ, который изъ великой любви къ родинѣ не побоялся вступить въ ряды той небольшой группы лицъ, которая рѣшилась сдѣлать государственный переворотъ... Ген. Крымовъ *неоднократно* пріѣзжалъ въ Петербургъ... и пытался убѣдить сомнѣвающихся, что больше медлить нельзя. Онъ и его друзья сознавали, что если не взять на себя руководства дворцовымъ переворотомъ, его сдѣлаютъ народныя массы, и прекрасно понимали, какими послѣдствіями и какой гибельной анархіей это можетъ грозить. Но болѣе осторожныя лица убѣждали, что часъ еще не насталъ. Прошелъ январь, половина февраля. Наконецъ, мудрыя слова искушенныхъ политиковъ перестали насъ убѣждать, и тѣмъ условнымъ языкомъ, которымъ мы между собой сносились, ген. Крымовъ *въ первыхъ числахъ марта* былъ вызванъ въ Петроградъ изъ Румыніи, но оказалось уже поздно».

Такимъ образомъ, и Терещенко подтверждалъ, что заговорщики уже готовы были приступить къ дѣйствію въ началѣ марта. По его словамъ выходитъ, что не тѣ трудности, о которыхъ говорилъ Гучковъ, а убѣжденія «искушенныхъ политиковъ» задержали осуществленіе переворота. Едва ли это было такъ. Дѣйствительно, ничего серьезнаго не было подготовлено. Переворотъ планировался, но не осуществлялся.

Терещенко такъ опредѣленно свидѣтельствуетъ о непосредственномъ участіи въ заговорѣ ген. Крымова. Онъ не только участвуетъ, но до нѣкоторой степени является его прямымъ вдохновителемъ. Между тѣмъ Гучковъ столь же категорически заявляетъ, что Крымовъ въ этомъ заговорѣ участія не прини-

малъ. Кому бы знать, какъ не Гучкову? Крымовъ сочувствовалъ перевороту, можетъ быть, зналъ о немъ отъ другихъ лицъ, но не былъ посвященъ въ организацію дѣла. Какъ объяснить такое разитель ное противорѣчіе у двухъ участниковъ «тройки»? Казалось бы, что Гучкову, нарисовавшему абрисъ заговора, въ офиціальныхъ показаніяхъ нѣтъ никакого основанія скрывать объ участіи покойнаго Крымова. Не могъ этого А. И. Гучковъ и забыть. Во-первыхъ, такія вещи не «забываются» и на протяженіи многихъ лѣтъ. Во-вторыхъ, память у А. И. Гучкова хорошая. Въ-третьихъ, можно съ увѣренностью сказать, что у него имѣется подробная уже запись о событіяхъ описываемаго времени.

Къ сожалѣнію, руководитель «заговора» въ общемъ довольно скупъ и лапидаренъ въ разсказѣ. Не останавливается на деталяхъ. Слова Терещенко мнѣ онъ объяснилъ политическими соображеніями — желаніемъ реабилитировать «демократичность» Крымова въ корниловскіе дни. Такое объясненіе представляется какъ-то невѣроятнымъ. Неизбѣжно я долженъ перейти къ собственнымъ предположеніямъ.

Возможно, что самъ Гучковъ, болѣе осторожный, чѣмъ его молодые соратники, и не посвящалъ Крымова въ техническій планъ дѣйствія на территоріи бывшихъ аракчеевскихъ помѣстій. Полная дискретность въ техникѣ — гарантія успѣха дѣла. Это и позволяетъ говорить Гучкову, что Крымовъ не участвовалъ въ заговорѣ. Другіе члены «тройки» не были такъ дискретны. По мѣрѣ развитія «заговора», очевидно, дѣло выходило за предѣлы узкаго интимнаго обсужденія. Не было-ли здѣсь какого то комитета «семи», о которомъ намекалъ В. І. Гурко и къ которому съ большой ироніей отнесся Милюковъ? Какія то совѣщанія о «заговорѣ» происходили въ разныхъ мѣстахъ. Одинъ очень извѣстный общественный дѣятель разсказываетъ, что ему надо было видѣть Гучкова и онъ пошелъ въ Военно-Пром.

Комитетъ. Тамъ встрѣтилъ его Терещенко словами, что А. И. видѣть сейчасъ нельзя, такъ какъ онъ занятъ на совѣщаніи о «заговорѣ». Молодые, наивные конспираторы легко разглашали «тайну». Бьюкененъ передаетъ, что въ началѣ января «одинъ мой русскій пріятель, который сталъ потомъ членомъ Временнаго Правительства, сообщилъ мнѣ черезъ полк. Тарнгидля, нашего помощника военнаго атташе, что революція произойдетъ передъ Пасхой, но что мнѣ нечего безпокоиться, такъ какъ она продолжится всего лишь двѣ недѣли». «У меня есть данныя вѣрить — добавляетъ англійскій дипломатъ, — что это извѣстіе было основано на фактахъ».

Возможно и другое объясненіе утвержденію А. И. Гучкова. Некрасовъ и Терещенко участвовали, какъ мы увидимъ, и въ другихъ заговорщицкихъ комбинаціяхъ. Не все открывалось Гучкову. И, можетъ быть, дѣйствительно, онъ работалъ надъ осуществленіемъ своего плана въ узкомъ кругу причастныхъ къ этому плану военныхъ. Въ этой узкой концепціи Крымовъ могъ и не принимать никакого участія. Но Крымовъ пріѣзжалъ въ Петроградъ, Крымовъ убѣждалъ колеблющихся, Крымовъ о переворотѣ дѣлалъ докладъ у Родзянко. Гучковъ ничего не знаетъ о совѣщаніи у Родзянко. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ самъ Родзянко въ напечатанныхъ въ «Архивѣ Русской Революціи» воспоминаніяхъ.

«Въ началѣ января — вспоминаетъ Родзянко — пріѣхалъ съ фронта ген. Крымовъ и просилъ дать ему возможность неофиціальнымъ образомъ освѣтить членамъ Думы катастрофическое положеніе арміи и ея настроенія. У меня собрались *многіе* изъ депутатовъ, членовъ Гос. Думы и членовъ Особаго Совѣщанія. Съ волненіемъ слушали докладъ боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповѣдь. Крымовъ говорилъ, что пока не прояснится и не очистится политическій горизонтъ... пока не будетъ правительства, которому бы тамъ, въ арміи, по-

вѣрили, — не можетъ быть надежды на побѣду... Настроеніе арміи такое, что всѣ съ радостью будутъ привѣтствовать извѣстіе о переворотѣ. Переворотъ неизбѣженъ, и на фронтѣ это чувствуютъ. «Если вы рѣшитесь на эту крайнюю мѣру, то мы васъ поддержимъ. Очевидно, другихъ средствъ нѣтъ... Времени терять нельзя...» Крымовъ замолкъ, и нѣсколько секундъ всѣ сидѣли смущенные и удрученные. Первымъ прервалъ молчаніе Шингаревъ: «Генералъ правъ: переворотъ необходимъ... Но кто на него рѣшится?».

Шидловскій съ озлобленіемъ сказалъ: «Щадить его нечего, когда онъ губитъ Россію». Многіе изъ членовъ Думы соглашались съ Шингаревымъ и Шидловскимъ; поднялись шумные споры. Тутъ же были приведены слова Брусилова: «Если придется выбирать между царемъ и Россіей — я пойду съ Россіей».

Самымъ неумолимымъ и рѣзкимъ былъ Терещенко, глубоко меня взволновавшій. Я его оборвалъ и сказалъ: «вы не учитываете, что будетъ послѣ отреченія царя... Я никогда не пойду на переворотъ. Я присягалъ... Прошу васъ въ моемъ домѣ этого не говорить. Если армія можетъ добиться отреченія — пусть она это дѣлаетъ черезъ своихъ начальниковъ, я до послѣдней минуты буду дѣйствовать убѣжденіемъ, а не насиліемъ. Много и долго еще говорили у меня въ этотъ вечеръ»...

Не подлежитъ сомнѣнію, что Крымовъ былъ непосредственно замѣшанъ въ организаціи переворота. Онъ былъ будирующимъ и организующимъ началомъ на фронтѣ и, очевидно, связь его съ Терещенко установилась еще тогда, когда Терещенко вмѣстѣ съ Маклаковымъ и Родзянко ѣздилъ на фронтъ къ Брусилову (іюль 16 г.). Послѣдующая заговорщицкая дѣятельность Крымова, его рѣшительность въ первые дни революціи, какъ бы указываютъ на то, что этотъ энергичный человѣкъ, сочув-

ствовавшій перевороту, едва-ли могъ ограничиться пассивной ролью — быть освѣдомленнымъ о подготовкѣ заговора. Половцевъ разсказываетъ, что пріѣхавшій въ мартѣ 17 г. Крымовъ набросился на него, со свойственнымъ ему ругательнымъ краснорѣчіемъ: «какъ тебѣ не стыдно, вы всѣ тутъ мямли, нюни распустили».

3. Вокругъ арміи.

Переворотъ нашелъ бы себѣ поддержку въ арміи — въ этомъ увѣрены были и Гучковъ и Крымовъ.

Гвардія въ Петроградѣ опредѣленно ненадежна. Оппозиціонные гвардейскіе офицеры собираются для обсужденія текущаго политическаго момента не только въ салонахъ гр. Шереметьевой, не только въ интимныхъ кружкахъ. Деп. Пол. отмѣчаетъ въ одной изъ гвардейскихъ частей собранія офицеровъ вмѣстѣ съ солдатами. Этой частью, очевидно, были запасныя части Преображенскаго или Павловскаго полковъ. По свидѣтельству И. С. Лукаша, онѣ потому легко откликнулись въ февральскіе дни на революцію, что были уже подготовлены къ возможности «переворота». Съ самаго начала уличныхъ выступленій въ казармахъ этихъ полковъ зрѣло рѣшеніе вооруженнаго давленія на власть. Лукашъ не разсказываетъ тѣхъ подробностей, которыя можно найти въ статьѣ Кричевскаго въ с.-д. «Мысли». Планъ возстанія, разработанный офицерами Преображенскаго полка, былъ, якобы, закрѣпленъ въ штабѣ полка уже въ ночь съ 26 на 27 февраля. Полкъ долженъ былъ выступить на Дворцовую площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ и соединиться съ Литовскимъ и Семеновскимъ полками. Затѣмъ арестовать правительство въ Маріинскомъ дворцѣ. Гвардія отдавала себя въ распоряженіе Государственной Ду-

мы и, опираясь на поддержку комадующихъ фронтами, съ оружіемъ въ рукахъ добивалась осуществленія «главнаго пункта прогрессивнаго блока — министерства общественнаго довѣрія», при чемъ имѣлось въ виду отреченіе Николая II.

Возможно, что мы встрѣчаемся тутъ только съ творимой легендой, создавшейся въ дни революціи. Очень ужъ восторженно написана брошюра Лукаша отъ имени Временнаго Комитета Гос. Думы. Это — агитація, но она опиралась на факты изъ подлинной жизни, посколько рѣчь шла о настроеніяхъ, а не о планомѣрной организаціи. Не надежны становятся и сводный батальонъ и стрѣлки императорской фамиліи въ Царскомъ Селѣ. К.-адм. Смирновъ, попавъ въ началѣ февраля въ Петроградъ и Могилевъ, былъ «пораженъ ростомъ оппозиціоннаго настроенія по отношенію къ правительству, какъ среди петроградскаго общества, такъ и среди гвардейскихъ офицеровъ и даже въ Ставкѣ».

Съ конца декабря въ Ставку проникали уже опредѣленные слухи о дворцовомъ переворотѣ. Говорили объ участіи великихъ князей и видныхъ военныхъ. И «къ возможности переворота» — слышимъ мы авторитетный голосъ В. М. Пронина — «относились спокойно, считая, что государственный порядокъ того времени приведетъ къ проигрышу войны. Государь уже не пользовался въ глазахъ офицерства и солдатъ тѣмъ авторитетомъ «священной особы», какимъ пользовался раньше». «Престижъ царской власти никогда не падалъ такъ низко» — записываетъ Ренгартенъ 14 января. «Сейчасъ у меня былъ одинъ офицеръ съ фронта — пишетъ Родзянко Юсуповой 12 февраля — и разсказываетъ, что настроеніе въ войскахъ теперь возбужденное противъ ихъ *обоихъ*, какъ никогда». Въ штабѣ румынскаго фронта говорили о низложеніи царя и заточеніи царицы «даже за генеральскими столами» — утверждаетъ проф. Ломоносовъ. Протопоповъ преду-

преждалъ царя, что значительное число лицъ изъ высшаго команднаго состава сочувствуетъ перевороту.

Нужны ли еще выписки, свидѣтельства и показанія?

По словамъ Гучкова, Рузскій будто бы ему говорилъ, что если бы къ нему обратились, онъ поддержалъ бы заговоръ. Не есть ли это тоже легенда революціоннаго происхожденія? Но заговорщицкій пылъ не могъ не отразиться на фронтѣ въ попыткахъ создать свой собственный планъ «дворцоваго переворота». Я знаю объ одной такой попыткѣ — повидимому, довольно изолированной, которая разрабатывалась въ періодъ, когда мнѣ, въ качествѣ журналиста, въ декабрѣ-январѣ 1917 г. пришлось быть на западномъ фронтѣ и знакомиться съ фронтовыми учрежденіями Земскаго Союза. Къ ней причастенъ былъ гр. П. М. Толстой. Происходили совѣщанія и обсуждался проэктъ увоза царя на аэропланѣ въ лѣсъ, предъявленіе требованія удалить царицу, а, можетъ быть, отреченія въ пользу сына съ регентствомъ Михаила Алекс.. Керенскій говоритъ о проэктѣ бомбардировать съ аэроплана царскій автомобиль при проѣздѣ его на одномъ изъ участковъ фронта.

Многіе въ дни революціи, какъ отмѣчалъ мой корреспондентъ, котораго я цитировалъ въ предисловіи, склонны были нарядиться въ заговорщицкую тогу въ предреволюціонное время. На этомъ пытались дѣлать политическія карьеры. Люди спасали Россію! Къ такимъ спасителямъ приходится отнести небезызвѣстнаго Завойко, авантюристическая фигура котораго окончательно разоблачилась въ періодъ гражданской войны. Завойко любитъ разсказывать, какъ онъ участвовалъ въ «гучковскомъ заговорѣ». А. И. Гучковъ рѣшительно это опровергаетъ.

Къ показаніямъ Завойко, несмотря на весь его «заговорщицкій» стажъ, не можетъ быть довѣрія. Од-

нако, та или иная причастность его къ заговору возможна, если принять во вниманіе, что Завойко являлся какъ бы представителемъ Путилова въ Военно-Пром. Комитетѣ, а Путиловъ былъ, какъ мы видѣли, непосредственно замѣшанъ въ разговорахъ о «заговорахъ».

Изъ словъ Завойко вытекаетъ, что въ заговорѣ участвовалъ и Куропаткинъ и что онъ, Завойко, былъ посланъ въ Туркестанъ съ письмомъ отъ Гучкова (послѣднимъ это отрицается). Завойко просто былъ высланъ въ Туркестанъ Деп. Полиціи — за «разговоры» о переворотѣ. Имѣлъ ли онъ въ дѣйствительности сношенія съ Куропаткинымъ, мы, конечно, не знаемъ. Въ отдаленномъ Туркестанѣ Куропаткинъ могъ быть только въ средѣ сочувствующихъ. Въ Туркестанъ онъ былъ назначенъ 22 іюня 16 г.. На него могли разсчитывать въ моментъ командованія гренадерскимъ корпусомъ, но тогда всѣ заговоры были еще въ эмбріональномъ состояніи. Куропаткинъ сочувствовалъ измѣненію строя и имѣлъ личную непріязнь къ царю*). Такимъ образомъ, онъ могъ быть подходящимъ кандидатомъ у заговорщиковъ при подысканіи авторитетныхъ военныхъ. При извѣстіи о революціи онъ занесъ въ дневникъ: «чувствую себя помолодѣвшимъ и, ловя себя на радостномъ настроеніи, нѣсколько смущаюсь: точно и неприлично генералъ-адъютанту радоваться революціонному движенію и перевороту. Но такъ плохо жи-

---

*) «Непріязнь» отчасти, повидимому, основывалась на томъ, что Куропаткинъ желалъ «реабилитаціи» и оставался «на покоѣ» въ первый періодъ войны. И вновь какъ будто бы царь здѣсь былъ не причемъ. Сухомлиновъ говоритъ, что онъ докладывалъ царю о желаніи Куропаткина. Послѣдній отвѣтилъ: « я ничего противъ этого не имѣю, но вел. кн. Н. Н. и слышать объ этомъ не желаетъ. Поѣзжайте въ Ставку и попробуйте объ томъ переговорить съ верховнымъ главнокомандующимъ». Куропаткинъ получилъ назначеніе въ дѣйствующую армію только послѣ ухода Н. Н.

лось всему русскому народу: до такой разрухи дошли правительственные слои, такъ сталъ непонятенъ и ненавистенъ государь, что взрывъ сталъ неизбѣженъ. Ликую потому, что безъ переворота являлась большая опасность, что мы были бы разбиты и тогда страшная рѣзня внутри страны стала бы неизбѣжна»*).

Сочувствіе перевороту, конечно, не означаетъ еще непремѣннаго участія въ немъ. Реальныхъ данныхъ, указывающихъ на такое участіе, пока у насъ нѣтъ.

4. Морской планъ.

Я долженъ коснуться еще одной комбинаціи, попутно уже затронутой нами. Контуры ея не вполнѣ ясны. Я говорю про тотъ «морской планъ», о которомъ упоминаетъ Шульгинъ. Наличность организаціи въ морской средѣ въ цѣляхъ совершить «дворцовый переворотъ», или ему содѣйствовать, не подлежитъ сомнѣнію. Молва среди флотскихъ офицеровъ упорно связывала ее съ замыслами А. И. Гучкова. Самъ Гучковъ отрицаетъ свою непосредственную связь съ моряками. Приходится думать, что и «морской планъ» былъ не одинъ. Скорѣе существовало нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ, пожалуй, между собою не связанныхъ, отъ которыхъ шли нити къ разнымъ кругамъ общественности — отъ великокняжеской среды до круговъ думскихъ и земскихъ. «Заговоръ» зрѣлъ въ морскомъ генеральномъ штабѣ. Однимъ изъ его организаторовъ называли капитана I ранга, помощника начальника штаба гр. Капниста (братъ чл. Гос. Думы) — имя Капниста, вспомнимъ, упоминалось среди при-

---

*) Стоустая молва еще во время русско-японской войны приписывала «бездѣйствіе» Куропаткина желанію дождаться паденія монархіи. (Запись Тихомирова).

сутствовавшихъ на обѣдѣ у Богданова, гдѣ вопросъ о переворотѣ былъ поставленъ ребромъ.

Моряки въ Ставкѣ могли опираться на ту часть «гвардейскаго экипажа», которая была направлена туда для несенія императорской охраны и политическое настроеніе которой было повышено. Надо имѣть въ виду, что среди моряковъ въ Ставкѣ вызвала большое неудовольствіе исторія съ несостоявшейся кандидатурой Григоровича на постъ предсѣдателя Совѣта Министровъ. Въ этомъ фактѣ какъ бы проявлялась ярко неустойчивость и безволіе носителя верховной власти. Григоровичъ въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что былъ вызванъ въ Ставку по инициативѣ царя. Послѣдній при свиданіи не только ему ничего не сказалъ о предполагаемомъ назначеніи, но поразилъ неожиданнымъ вопросомъ: у васъ имѣются доклады? Какъ будто бы царь самъ и не вызывалъ морского министра...

Душою «заговора»,съ другой стороны,называютъ бывшаго редактора «Морского Сборника» Житкова. Въ его участіи сомнѣваться не приходится. Редакція «Морского Сборника» становилась центромъ оппозиціи — тамъ еще въ ноябрѣ размножались и раздавались копіи запрещенныхъ думскихъ рѣчей. 27 февр. Ренгартенъ записываетъ: «Мы считаемъ, что Житковъ можетъ вполнѣ справедливо насъ ругать за то, что мы отнеслись вяло, неэнергично къ принципіальной сторонѣ вопроса, поднятого имъ. Если бы мы были не согласны съ его планомъ, то мы должны были не только его отвергнуть, но и предложить свой, который и проводить затѣмъ въ жизнь».

По одной записи Ренгартена, касающейся бесѣды его съ командующимъ балтійскимъ флотомъ Непенинымъ, можно заключить, что и Непенинъ имѣлъ какое то отношеніе къ намѣчавшемуся перевороту. Запись относится къ 30 января 17 г. Разговоръ шелъ по поводу полученныхъ «докумснтовъ», о письмѣ Гучкова къ Алексѣеву, въ которомъ говорилось, что если

кто нибудь что нибудь и можетъ сейчасъ сдѣлать, то это вы (ген. Алексѣевъ), о ноябрьскихъ рѣчахъ, обвинявшихъ Алекс. Ѳеод. въ «шпіонажѣ», о совѣщаніи Протопопова съ членами Думы и т. д. Ренгартенъ указалъ Непенину, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ старшихъ начальниковъ, которые могли бы указать монарху на опасность положенія («случись что, не трудно предсказать, на чьей сторонѣ флотъ»). «Адмиралъ ходилъ по каютѣ взадъ и впередъ, видимо, задѣтый послѣдними моими словами» — записываетъ Ренгартенъ. «Подумавъ, онъ отвѣчалъ, что прямой, открытый путь — невозможенъ (въ силу подозрительности царя)... и понять трудно... вѣдь извѣстно же точно, что не было, чтобы монархъ, проигравшій большую національную войну — оставался на тронѣ... Въ заключеніе адмиралъ сказалъ мнѣ: «думано объ этомъ, много думано, много ночей»... Далѣе онъ сказалъ что-то непонятное и отрывочное, что набираетъ къ себѣ людей, которымъ вѣритъ, что-то о корабляхъ, на которые можно разсчитывать... Я ничего не понялъ: это были отрывки мыслей, произнесенныхъ вслухъ». Такъ какъ Ренгартенъ, связанный дружественными узами съ Житковымъ, былъ до нѣкоторой степени посвященъ въ секретные «планы», можно думать, что онъ какъ бы испытывалъ Непенина. Очевидно, послѣдній свои организаціонные шаги предпринималъ или за свой страхъ, или по связи съ однимъ изъ описанныхъ выше начинаній. «Чудной» Непенинъ отличался большимъ реализмомъ и, по мнѣнію его знавшихъ, едва ли принялъ бы участіе въ несерьезномъ дѣлѣ.

Испытывая Непенина, кружокъ Ренгартена все чаще задумывался о необходимости дѣйствовать, такъ какъ «мы вѣрно, ускореннымъ движеніемъ приближаемся къ великимъ потрясеніямъ». 27 февраля происходитъ совѣщаніе или «бесѣда», какъ называетъ его авторъ дневника, между друзьями (Черкасскій, Довконтъ, Ренгартенъ). «Событія — записываетъ Ренгартенъ — приняли грозный оборотъ: обстоятельства

не допускаютъ промедленія. Моментъ уже пропущенъ. Нужны немедленные поступки и рѣшенія. Дума и всѣ общественные дѣятели вялы и мягкотѣлы. Надо дать имъ импульсъ извнѣ, для этого надо имѣть опредѣленный планъ». Программа дѣйствій такова: «Активную роль должны на себя взять все-таки отвѣтственные политическіе дѣятели, надо только натолкнуть ихъ на это. Рѣшено вызвать Константина Георгіевича (т. е. Житкова). Онъ долженъ посѣтить одного-двухъ общественныхъ дѣятелей и предложить имъ устроить частное совѣщаніе, на которомъ онъ и доложитъ настроеніе нѣкоторыхъ круговъ флота. На совѣщаніи должны быть выбраны пользующіяся авторитетомъ лица, которыя должны посѣтить высшихъ военныхъ начальниковъ на фронтѣ и обезпечить спокойствіе тамъ во время ихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ тылу... Тогда Государственный Совѣтъ и Государственная Дума должны составить законодательный корпусъ и избрать предсѣдателей отвѣтственной передъ ними исполнительной власти... Происшедшее должно быть доведено до свѣдѣнія полковника»...

«Планъ дѣйствій» опоздалъ. Событія пошли неожиданно скоро, «Бесѣда пятая», 28 февраля, заполнена обсужденіемъ другихъ волнующихъ вопросовъ:

Кн. Черкасскій: Что будешь дѣлать, Федя, если начнется на судахъ?

Довконтъ: Буду поддерживать существующій нынѣ режимъ.

Черкасскій: Т. е. пойдешь и примкнешь къ бунтовщикамъ? Это неправильно... Идти въ толпу легко, но погибнуть тамъ отъ шальной пули типа «соблюдающаго присягу» довольно непроизводительно. Надо имѣть болѣе продуманный планъ.

Ренгартенъ: Мы должны быть готовы ко всему: Ставка, царь, могутъ приказать флоту поддерживать старый порядокъ... Нашъ адмиралъ станетъ тогда передъ дилеммой, и мы обязаны сдѣлать все, что въ на-

шихъ силахъ, чтобы рѣшеніе адмирала шло бы къ спасенію Россіи, хотя бы и наперекоръ приказанію сверху...

Постановили такъ: «по очереди идти къ командующему и открыто и рѣшительно высказать свой взглядъ на вещи, указавъ на полную невозможность выполнить такое его приказаніе, которое пошло бы вразрѣзъ съ нашими убѣжденіями.

Рѣшено переговорить со Щастнымъ и постараться привлечь его на нашу сторону. Въ случаѣ неудачи, принять всѣ мѣры къ привлеченію Кедрова».

Однако, мы заглянули уже впередъ и подошли къ февральскимъ днямъ. Вышеизложенное — это, какъ будто все, что можно при теперешнемъ состояніи матеріаловъ сказать о «морскомъ планѣ». Интересная страница въ исторіи флота, которую слѣдовало бы развернуть тѣмъ, кто можетъ. Активно дѣйствовавшія лица, къ сожалѣнію, повидимому, всѣ погибли.

Еще дополнительный штрихъ для того, чтобы зарегистрировать одинъ изъ ходившихъ слуховъ. Въ 1924 году въ «Сегодня» былъ напечатанъ очеркъ С. Р. Минцлова «Интимные разсказы Николая Николаевича» въ періодъ вынужденнаго пребыванія въ 18 г. въ Дюльберѣ. Записи Минцлова почти всегда имѣютъ ту отрицательную черту, что между политическимъ фольклоромъ, дошедшимъ до автора черезъ третьи руки, и дѣйствительностью не проводится грани. И въ этихъ записяхъ не знаешь, что является разсказомъ вел. князя, что является измѣненіями передатчиковъ и, наконецъ, что принадлежитъ автору. Повидимому, послѣднему принадлежитъ заключеніе въ «интимныхъ разсказахъ Николая Николаевича». Онъ говорилъ, что участниками дворцоваго переворота были Колчакъ, Алексѣевъ, Брусиловъ, Рузскій и многіе другіе генералы. Очагомъ заговора былъ де дво-

рецъ графини Брасовой. Переворотъ рѣшено было устроить 15 января и дѣло было отложено только въ силу разногласія между главными участниками. Заговорщики лѣтомъ 16 г. устроили перетасовку въ арміи и перевели въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста тѣхъ лицъ, которыя могли бы не согласиться на производство переворота. Фантазія здѣсь очевидна, и едва ли она можетъ быть приписана вел. князю Ник. Николаевичу.

Принималъ ли, однако, какое либо участіе в.-адм. Колчакъ, командующій Черноморскимъ флотомъ? Прогрессивный человѣкъ, съ хорошимъ общественнымъ прошлымъ, отрицательно относившійся къ правительственному режиму, казалось бы, легко могъ быть привлеченъ къ дѣлу «спасенія Россіи». Если Колчакъ былъ въ курсѣ, почему онъ промолчалъ объ этомъ въ своихъ иркутскихъ показаніяхъ, такъ подробно останавливаясь на предреволюціонномъ времени и на своемъ отношеніи къ Временному Правительству?

Вопросъ о Колчакѣ не совсѣмъ праздный. А. П. Лукинъ сообщилъ мнѣ о такомъ фактѣ. Беру выдержку изъ его письма: ...«Когда въ 1917 г. дошли до Севастополя первыя зарницы революціи, герцогъ С. Г. Лейхтенбергскій (пасынокъ в. кн. Н. Н.) былъ экстренно командированъ въ Батумъ на спеціальномъ миноносцѣ для свиданія съ Ник. Никол. Эта миссія была секретная и настолько срочная, что командиру миноносца дано было предписаніе «сжечь котлы, но полнымъ ходомъ доставить герцога къ отходу батумскаго поѣзда». Тогда ходили слухи, что въ контактѣ съ Балтійскимъ флотомъ и нѣкоторыми войсковыми частями, Черноморскій флотъ долженъ былъ перейти въ Батумъ и тамъ, и по всему побережью, произвести демонстраціи въ пользу Ник. Ник. и доставить его черезъ Одессу на румынскій фронтъ и объявить императоромъ, а герц. Лейхтенбергскаго — наслѣдникомъ. Такіе слухи циркулировали во флотѣ въ эпоху,

когда Петроградъ былъ отрѣзанъ и еще было не извѣстно, чѣмъ все это кончится»*).

Это проектируемое выступленіе очень напоминаетъ запоздавшій планъ Ренгартена и его друзей. Оно представляется вѣроятнымъ, являясь отзвукомъ тѣхъ плановъ «дворцоваго переворота», которые подготавливались въ разныхъ кругахъ и въ разныхъ комбинаціяхъ. Отвѣта на вопросъ объ участіи Колчака мы все же не находимъ. 25 февраля Колчакъ былъ приглашенъ вел. княземъ въ Батумъ для обмѣна мнѣніями по поводу подготовлявшихся совмѣстныхъ дѣйствій арміи и флота на Малоазійскомъ побережьи. Колчака сопровождалъ М. И. Смирновъ, разсказывающій, что здѣсь Колчакъ лично получилъ отъ Капниста шифрованную телеграмму изъ Петрограда: «Въ Петроградѣ произошли крупные безпорядки, городъ въ рукахъ мятежниковъ, гарнизонъ перешелъ на ихъ сторону». У вел. князя никакихъ извѣстій не было. Мы не знаемъ, что происходило глазъ на глазъ между вел. княземъ и А. В. Колчакомъ. Только впослѣдствіи Н. Н. говорилъ Андрею Вл., что о событіяхъ, случившихся въ Петроградѣ, онъ узналъ 1 марта, переговаривался по этому поводу съ Колчакомъ. Про послѣдняго вел. кн. сказалъ: — «онъ прямо невозможенъ».

---

*) Тогда в. кн. Марія Павловна писала секретно своему сыну Борису: ...«Мы, естественно, должны надѣяться, что Н. Н. возьметъ все въ свои руки, такъ какъ послѣ Миши все испорчено, наша вся надежда за возможное будущее остается съ нимъ». Везшій это письмо ген. Чебыкинъ былъ арестованъ въ Кисловодскѣ.

Гл. VII. «ВЫБОРЫ» ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1. Предусмотрительные люди.

Я отмѣтилъ какъ будто бы всѣ предположенія, касавшіяся дворцоваго переворота, — конечно, поскольку они пріобрѣтали видимыя, реальныя очертанія. Около этихъ разговоровъ — и сравнительно въ малой степени дѣйствій — шли уже тѣ безотвѣтственные пересуды, которые могутъ только характеризовать сложившуюся общественную атмосферу.

Откровенно говоря, поражаешься той легкости, съ которой подходили тогда къ надвигающейся грозѣ. Господствовало убѣжденіе, что кто то скоро совершитъ переворотъ, а кто — этимъ какъ то не интересовались. Милюковъ вспоминалъ въ статьѣ «Первый день» («Посл. Нов.» 27 г.), что мѣсяца за два до революціи въ кругу политическихъ друзей, въ Москвѣ, его спросили: «отчего Дума не возьметъ въ свои руки власть». Милюковъ отвѣтилъ: «приведите къ Таврическому дворцу два полка солдатъ, мы тогда потолкуемъ». «Искушенный политикъ» приводитъ этотъ отвѣтъ въ доказательство своей предусмотрительности: и тогда уже онъ предвидѣлъ, что революція приметъ «форму солдатскаго бунта». И автору воспоминаній, повидимому, не кажется страннымъ, что онъ далъ такой упрощенный отвѣтъ своимъ политическимъ единомышленникамъ и что этотъ отвѣтъ шелъ

вразрѣзъ съ тактикой, которую пытался проводить лидеръ прогрессивнаго блока.

Въ другой болѣе ранней статьѣ, «Какъ пришла революція» («П. Н.» 1921 г.), тотъ же Милюковъ, подводя итоги заговорщической предреволюціонной дѣятельности, писалъ: «собственно, нужно говорить не объ одномъ, а о нѣсколькихъ кружкахъ, связанныхъ другъ съ другомъ въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ. Одинъ кружокъ затѣвалъ военный дворцовый переворотъ, о которомъ разсказалъ М. И. Терещенко... Другой лелѣялъ республиканскую идею (кого имѣетъ въ виду Милюковъ?). Третій, менѣе конспиративный и менѣе посвященный, обсуждалъ вопросы о роли Государственной Думы, *въ случаѣ*, если переворотъ совершится; о регенствѣ в. кн. Михаила Александровича и т. п.» Обсуждали на всякій случай, такъ какъ, по признанію Милюкова - историка, «не было серьезности... во всѣхъ разговорахъ о готовящемся переворотѣ сверху» («Россія на переломѣ»).

Въ декабрѣ Милюковъ имѣлъ бесѣду съ Хатисовымъ, «облеченнымъ миссіей переговорить съ Ник. Ник.», такъ какъ изъ Москвы Хатисовъ поѣхалъ не прямо на Кавказъ, а съ заѣздомъ въ Петроградъ. Здѣсь Хатисовъ встрѣтился съ двумя противоположными мнѣніями среди политическихъ дѣятелей лѣваго общественнаго лагеря: Милюковъ якобы «выражалъ увѣренность въ неизбѣжности и близости революціи»; Чхеидзе казалось, что «о революціи въ ближайшемъ будущемъ не можетъ быть и рѣчи». Возможно, что это впечатлѣніе и было правильно: Чхеидзе подъ революціей подразумѣвалъ массовое выступленіе рабочихъ; Милюковъ же, по утвержденію Набокова, революцію, какъ и многіе другіе, представлялъ себѣ скорѣе чѣмъ-то «въ родѣ нашихъ дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка и не отдавалъ себѣ отчета въ глубинѣ будущихъ потрясеній». Въ какихъ предѣлахъ Хатисовъ открылъ Милюкову свою «тайну», мы въ точности не знаемъ. Ясно, однако, что дворцовый

переворотъ, о которомъ говорилъ Хатисовъ, надо было отнести къ попыткамъ устранить опасность «по византiйски, а не европейски» (слова Милюкова по поводу убiйства Распутина). Такому методу надо было или содѣйствовать или противодѣйствовать. Межеумочное состоянiе для отвѣтственнаго политика было невозможно. Милюковъ предпочелъ быть въ томъ «кружкѣ», который обсуждалъ, что дѣлать, если...

Противъ дворцоваго заговора въ кадетской средѣ опредѣленно раздался голосъ только кн. П. Д. Долгорукова. Въ январѣ информаторы Охр. Отд. сообщаютъ о запискѣ кн. Павла Долгорукова, имѣющей цѣлью «уяснить взглядъ кадетовъ на переживаемый политическiй моментъ». Она заключала слѣдующiе тезисы: 1. Россiи необходимо отвѣтственное министерство. 2. Происшедшiя въ составѣ правительства перемѣны показываютъ, что убiйство Распутина имѣло скорѣе отрицательное влiянiе, и замыселъ убiйцъ очистить царскую семью отъ приставшей къ ней грязи — не увѣнчался никакими положительными результатами. 3. Страна вернулась въ исходное положенiе и «наканунѣ новой операцiи» въ борьбѣ за отвѣтственное министерство. 4. Основной вопросъ лишь въ томъ, даруетъ ли государь его добровольно или нѣтъ. 5. Если государь не вступитъ на путь созданiя отвѣтственнаго министерства, то передъ нами, судя по послѣднимъ настроенiямъ семьи Романовыхъ, встаетъ грозная опасность дворцоваго переворота. 6. Между тѣмъ, дворцовый переворотъ не только не желателенъ, а скорѣе *гибеленъ* для Россiи, такъ какъ среди дома Романовыхъ нѣтъ ни одного, кто могъ бы замѣнить Государя... А разъ это такъ, то дворцовый переворотъ не только не внесетъ умиротворенiя, а, наоборотъ, заставитъ насъ, убѣжденныхъ конституцiонныхъ монархистовъ, встать на сторону республиканскаго строя.

Какой рецептъ имѣлъ лидеръ партiи и прогрессивнаго блока? Формально онъ продолжалъ отстаивать легальные методы борьбы, т. е. давленiе на власть

черезъ парламентъ. Въ теченіе праздничной недѣли, съ 24 декабря по 3 января, въ Москвѣ происходятъ частныя совѣщанія на квартирахъ Коновалова и Рябушинскаго. Наши информаторы сообщаютъ, что Н. В. Тесленко въ очень страстной рѣчи опредѣлилъ переживаемый моментъ, какъ моментъ «наканунѣ открытаго конфликта». Ораторъ указывалъ, что «оппозиція, какъ въ Гос. Думѣ и Гос. Совѣтѣ, такъ и въ общественныхъ организаціяхъ исчерпала всѣ средства лойяльнаго воздѣйствія на власть, ведущую страну къ военному разгрому. Въ настоящее время, по мнѣнію Тесленко, наступилъ моментъ активнаго выступленія «противъ Петрограда и Царскаго Села». Резолюція Совѣщанія предусматривала неизбѣжность конфликта правительства съ Гос. Думой и роспускъ послѣдней. Тогда объединенное большинство Думы (т. е. прогрессивный блокъ) должно *объявить* роспускъ недѣйствительнымъ, и засѣданія Гос. Думы — сообщаетъ информація — продолжатся въ Москвѣ въ частномъ помѣщеніи одного изъ крупныхъ московскихъ коммерсантовъ. Собравшаяся въ Москвѣ Гос. Дума обратится къ странѣ съ воззваніемъ, въ которомъ укажетъ, что правительство умышленно ведетъ Россію къ пораженію, дабы заключить союзъ съ Германіей и при ея помощи водворить въ странѣ реакцію и окончательно аннулировать актъ 17 октября. Организацію распространенія воззванія въ дѣйствующей арміи — отмѣчаетъ записка — приметъ на себя Гучковъ при содѣйствіи извѣстныхъ ему офицеровъ запаса.

Вопросы, поднятые въ Москвѣ, обсуждались затѣмъ въ бюро прогрессивнаго блока. И оказалось, что нѣтъ единства взгляда, нѣтъ единой тактики — такъ, толчея въ ступѣ. Ее прекрасно изобразилъ въ «Дняхъ» Шульгинъ. Онъ вспоминаетъ объ одномъ изъ многочисленныхъ совѣщаній того времени — тягучихъ и неопредѣленныхъ. «Тутъ были всѣ члены бюро прогр. блока, видные члены Думы—Милюковъ, Шингаревъ, Ефремовъ, Львовъ, Шидловскій, Некрасовъ. Былъ

Гучковъ. Кажется, кн. Львовъ и дѣятели Земгора. Чувствовалось что-то необычайное, что-то таинственное и важное. Говорили о томъ, что что-то надо сдѣлать... Необходимо сейчасъ же... Необходимо имѣть смѣлость... чтобы принять большія рѣшенія... серьезные шаги. Но гора родила мышь... Такъ никто не рѣшился сказать...» Да, блокъ не былъ «гражданской цитаделью». Опредѣленнѣе былъ даже Родзянко, созвавшій въ январѣ секретное совѣщаніе предводителей дворянства, которые должны были, по его мысли, стать во главѣ движенія въ случаѣ роспуска Думы. По мнѣнію большевицкихъ историковъ, Родзянко готовилъ «дворянскую диктатуру».

2. *Политическая лабораторія.*

Но кто то все-таки могъ неожиданно совершить переворотъ. Предусмотрительные люди на всякій случай считали нужнымъ сговориться, какъ дѣйствовать послѣ переворота. Въ показаніяхъ П. Н. Милюкова передъ Слѣдственной Комиссіей Врем. Пр. этотъ сговоръ между представителями земскаго и городского союзовъ, военно - промышленнаго комитета и блока пріобрѣталъ характеръ строго продуманной системы. Въ этихъ предварительныхъ переговорахъ — утверждалъ Милюковъ — и *«было намѣчено то правительство, которое явилось въ результатѣ переворота 27 февраля»*.

Предусмотрительные люди позаботились о томъ, чтобы въ случаѣ какого нибудь крушенія «страна немедленно получила власть». Утвержденіе это стало почти общимъ мѣстомъ — еще послѣдній предсѣдатель Совѣта Министровъ, кн. Голицынъ, незадолго до революціи высказывалъ увѣренность, что у «союзовъ готовъ составъ временнаго правительства». Оно повторяется и въ послѣреволюціонной литературѣ. Утверждала это не разъ Е. Д. Кускова. Безусловно вѣ-

ритъ этой версіи Алдановъ, дѣлая маленькую оговорку: «списокъ будущихъ министровъ *почти* цѣликомъ совпадалъ съ первымъ составомъ Временаго правительства». Алдановъ (въ статьѣ «Третье Марта») сообщаетъ даже историческое мѣсто, гдѣ былъ составленъ этотъ списокъ. Къ сожалѣнію, онъ только не указываетъ точно даты. Онъ пишетъ: «въ неясномъ предвидѣніи неясныхъ событій оно (правительство) было составлено на засѣданіи у кн. Львова, въ кабинетѣ гостиницы Франція». Вспоминая слова Шульгина, обращенныя къ Милюкову, въ первый день революціи: «Надо правительство и надо, чтобы вы его составили», Алдановъ недоумѣваетъ: «неужели Шульгинъ не зналъ, что правительство, собственно, было составлено еще въ 1916 году».

То, что Шульгинъ зналъ, онъ расказалъ въ «Дняхъ». Оказывается, что съ самаго основанія блока Шульгинъ добивался «ясной практической программы». Ему отвѣчали: «добиться власти, облеченной народнымъ довѣріемъ». «Тогда — разсказываетъ Шульгинъ —я сталъ добиваться, кто эти достойные министры. Мнѣ отвѣчали, что пока объ этомъ неудобно говорить, что выйдутъ всякія интриги... что это надо рѣшить тогда, когда вопросъ станетъ, такъ сказать, вплотную». 26 февраля Шульгину показалось, что вопросъ уже сталъ вплотную: «если съ нами ,наконецъ, согласятся и скажутъ: «давайте вашихъ людей». Развѣ мы готовы? Развѣ мы можемъ назвать, не отдѣлываясь общей формулой, — «людей, довѣріемъ общества облеченныхъ». (Напомню, что въ это именно время Маклаковъ велъ переговоры съ Покровскимъ и Риттихомъ и что вопросъ поднималъ Шульгинъ въ бюро блока). «Послѣдовала пауза... никто меня не поддержалъ и списка не составили»...

Какъ совмѣстить столь противорѣчивыя показанія? Почему скрывали отъ Шульгина «списокъ», когда революція уже наступила? Не слишкомъ ли много эмпрессіонизма у темпераментнаго мемуариста?

На мой запросъ, когда же и при какихъ условіяхъ было выбрано Временное Правительство, Е. Д. Кускова отвѣтила. Буду цитировать ея слова:

«6 апрѣля 1916 года (кажется такъ) долженъ былъ состояться въ Петербургѣ съѣздъ к. д. партіи. А 5-го позвонилъ ко мнѣ рано утромъ X.*). Онъ просилъ позволенія немедленно пріѣхать къ намъ. Это было часовъ въ 8 утра. Пріѣхалъ и заявилъ: «Необходимо немедленно созвать собраніе изъ *всѣхъ* партій (курсивъ мой) и намѣтить Временное Правительство. Я отвезу эти имена на съѣздъ и мы тамъ, въ секретныхъ засѣданіяхъ, подвергнемъ ихъ обсужденію». Сначала мы засмѣялись, думали, что онъ шутитъ и отвѣтили ему: «Дорогой X! Сегодня вѣдь 5-ое, а не первое апрѣля». Онъ на насъ прикрикнулъ и разсердился: «Событія подвигаются съ быстротой необычайной, а Вы...» Ну, что же, почему не собрать лишнее собраніе? Къ 2-мъ часамъ дня я его по телефону собрала.

Изъ эсдековъ были... Изъ кадетовъ Кокошкинъ... Были кооператоры. Въ это время въ Москвѣ, проѣздомъ съ юга, изъ Дебальцева, былъ Л. И. Лутугинъ. Къ моему глубокому изумленію, послѣ краткаго доклада X., публика нисколько не удивилась тому занятію, къ которому онъ ее приглашалъ. И съ самымъ серьезнымъ видомъ занялись намѣчаніемъ именъ: Предсѣдателемъ Сов. Министр. намѣтили кн. Львова, Мин. Ин. дѣлъ Милюкова, Военнымъ — Гучкова. Нѣкоторые настаивали на мин. ин. дѣлъ въ лицѣ кн. Гр. Трубецкого. Юстиціи — Маклакова или Набокова, Земледѣлія — Шингарева, Просвѣщенія — Герасимова или Мануйлова, Торговли и Промышленности — не помню. Что то помнится — не то Коноваловъ, не то Третьяковъ. Однимъ словомъ, кто то изъ лицъ, связанныхъ съ военно - промышленнымъ комитетомъ.

---

*) Пропускаю нѣкоторыя имена по просьбѣ автора письма.

Долго завязли на министрѣ вн. дѣлъ и рѣшили, что это мѣсто займетъ кто нибудь изъ земцевъ, ибо въ его распоряженіи въ первое время поступилъ бы весь наличный земскій аппаратъ. Такъ шло обсужденіе по линіи: кадеты и октябристы. Лѣвые энергично называли имена, какъ будто это дѣло ихъ касалось сбоку: никто изъ присутствующихъ не предполагалъ, что лѣвые могутъ занять министерскіе посты. Затѣмъ спохватился С. Н. (Прокоповичъ): а гдѣ же министръ труда? Въ это время шли вѣдь по всей Россіи стачки рабочихъ. Да и новое министерство труда было въ новой Россіи, конечно, необходимо. Послѣ краткаго обсужденія рѣшили, что этотъ постъ не можетъ занимать ни кадетъ, ни тѣмъ болѣе октябристъ. Его долженъ занять лѣвый. Единогласно «избрали» безпартійнаго Лутугина, и онъ это «избраніе» на квартирѣ г-жи Кусковой принялъ...

Этимъ дѣломъ и кончилось. Пріѣхавшій со съѣзда сообщилъ намъ, что и тамъ были намѣчены тѣ же имена. Варіація была лишь въ томъ, что на каждый постъ намѣчали не одно, а два, иногда три имени: въ зависимости отъ обстоятельствъ. Забыла еще упомянуть, что на постъ Гос. Секр. былъ намѣченъ нами и Петербургомъ — Кокошкинъ. О Керенскомъ тогда никто и не вспомнилъ; повторяю, вращались въ предѣлахъ к. д. и октябристовъ. Это было продолженіе борьбы думской за министерство «общественныхъ дѣятелей». Предполагалось, конечно, что и это *министерство будетъ намѣчено революціоннымъ путемъ.* Но воображеніе не шло все-таки дальше к. д. и октябристовъ».

Разсказъ Е. Д. Кусковой на первый взглядъ врывается большимъ диссонансомъ въ наше изложеніе. Временное правительство, создаваемое *революціоннымъ* путемъ, намѣчалось какъ будто бы еще весной 1916 г.! Совершенно невѣроятно, поскольку рѣчь идетъ объ участіи въ совѣщаніи представителей партіи народной свободы и притомъ на совѣщаніи, со-

званномъ какъ бы по инициативѣ самихъ к. д. Я не буду анализировать изложеніе моей корреспондентки — въ немъ много неточностей, начиная съ того, что партійнаго кадетскаго съѣзда въ апрѣлѣ не было, но это имѣетъ второстепенное значеніе... Совершенно очевидно, что на случайномъ собраніи у Е. Д. Кусковой обсуждался лишь возможный составъ будущаго отвѣтственнаго министерства и, надо думать, что собраніе происходило въ срокъ, значительно болѣе ранній, чѣмъ это представляется Кусковой. Думаю, что и революціонное происхожденіе правительства явилось результатомъ позднѣйшей наслойки въ памяти мемуаристки.

Въ 1916 г. для составленія подобнаго списка будущихъ министровъ не требовалось большого напряженія мысли, такъ какъ онъ ходилъ (съ нѣкоторыми варіаціями) по рукамъ. Московское «Утро Россіи» (газета Рябушинскаго) 13 августа 15 г. даже опубликовало одинъ изъ такихъ списковъ подъ заголовкомъ «Кабинетъ обороны». Это было время, когда, по выраженію гр. Игнатьева, началась «политическая жизнь» страны. Этотъ списокъ совпадалъ въ части и со спискомъ, выработаннымъ на квартирѣ Кусковой и съ составомъ будущаго Правительства. Это былъ кабинетъ «думской опопозиціи», составленный изъ общественной и либеральной бюрократіи. Премьеромъ министромъ намѣчался Родзянко; мин. вн. дѣлъ — Гучковъ; ин. дѣлъ — Милюковъ; финансовъ — Шингаревъ; путей сообщенія — Некрасовъ; торговли и промышленности — Коноваловъ; земледѣлія — Кривошеинъ; военный — Поливановъ; морской — Савичъ; госуд. контролеръ — Ефремовъ; оберъ прокуроръ синода — Львовъ (В. Н.); юстиціи — Маклаковъ; просвѣщенія — Игнатьевъ. Составъ министерства довѣрія обсуждался въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Лѣвые общественные круги — за исключеніемъ, быть можетъ, тѣхъ немногихъ представителей революціонной общественности, которые посѣщали

интимныя совѣщанія на квартирѣ Прокоповичей — были чужды лабораторной работѣ по выработкѣ министерскихъ списковъ. Главной лабораторіей была кадетская среда, болѣе тѣсно связанная съ земскимъ, городскимъ и торгово - промышленнымъ кругами, Н. Н. Астровъ, въ свою очередь, вспоминаетъ, какъ собравшіеся на квартирѣ кн. Долгорукова, съ карандашемъ въ рукахъ, назначали «министерство довѣрія».

И не только въ кв. Долгорукова, не только въ бюро партіи к-д. въ Чернышевскомъ пер., не только въ Союзѣ Городовъ, но и «во всѣхъ центрахъ партійныхъ и общественныхъ» — отвѣчаетъ Н. И. Астровъ на мой запросъ — дебатировался вопросъ о составѣ «правительства общественнаго довѣрія: «не то, чтобы составлялись списки будущаго правительства, но неоднократно перебирались имена, назывались разныя комбинаціи именъ. Словомъ, тутъ работала общественная мысль; въ результатѣ этой работы слагалось общественное мнѣніе. Получилось любопытное явленіе. Повсюду назывались однѣ и тѣ же имена. Оказалось нѣчто вродѣ референдума. Нѣкоторыя имена отпадали, послѣ обсужденія; другія просто не удерживались; нѣкоторые изъ названныхъ сами снимали себя, считая болѣе полезнымъ оставаться у своего дѣла въ своемъ городѣ».

Списокъ не былъ устойчивымъ и твердымъ — онъ зависѣлъ отъ конъюнктуры дня. Первоначально, когда создавался прогрессивный блокъ, господствовала умѣренность. Тогда «кабинетъ обороны» предполагалось возглавить Гучковымъ. Кандидатура потомъ отпала*), можетъ быть, потому, что болѣе реальной представлялась кандидатура либеральнаго бюрократа Кривошеина; можетъ быть, въ силу сознанія непріем-

*) Судя по показаніямъ ген. Иванова въ Сл. Ком. Вр. Пр., въ военныхъ кругахъ эта кандидатура обсуждалась и позже.

лемости Гучкова на верхахъ. Отрицательное отношеніе наблюдалось къ Гучкову и въ средѣ городскихъ дѣятелей — оно проявилось въ забаллотированіи Гучкова въ составъ депутаціи къ царю на сентябрьскомъ съѣздѣ союза городовъ. Полицейскіе информаторы сообщаютъ мотивы, выставленные въ рѣчи уполномоченнаго Безчинскаго: «среди кандидатовъ въ нашу депутацію указано на человѣка, который едва-ли можетъ быть названъ лицомъ, пользующимся общественнымъ довѣріемъ. Мы помнимъ его дѣятельность и его выступленія въ 3-й Государственной Думѣ, гдѣ онъ опредѣленно высказывался за недопущеніе депутатовъ лѣвыхъ фракцій Думы въ комиссіи государственной обороны. Этотъ человѣкъ еще недавно въ одной изъ своихъ рѣчей перечислилъ авторовъ печальной памяти закона 3 іюня 1907 г., но къ именамъ этихъ авторовъ этотъ человѣкъ забылъ прибавить свое собственное имя, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что законъ 3 іюня изданъ при его несомнѣнномъ вліяніи и соучастіи». Рѣчь Безчинскаго — добавляетъ информаторъ — была покрыта дружными рукоплесканіями всего собранія, и на мѣсто Гучкова въ депутацію былъ избранъ Астровъ.

На постъ премьера была выдвинута затѣмъ кандидатура Родзянко, къ которой съ нѣкоторой опаской относились лидеры блока, боясь авторитарныхъ наклонностей предсѣдателя Думы. О Львовѣ еще не говорили, или говорили очень мало, хотя вліяніе его уже замѣтно росло. Въ этомъ отношеніи показательна запись Яхонтова, которой онъ начинаетъ разсказъ о засѣданіи Совѣта Министровъ 2 сентября: «А. М. Кривошеинъ и другіе поднимаютъ общій вопросъ о самоупраздненіи правительства со времени Особаго Совѣщанія по оборонѣ, всюду выдвигающаго общественныя организаціи; вездѣ выступаютъ общественные и иные дѣятели и земскій союзъ во главѣ съ кн. Львовымъ. Сей князь фактически чуть ли не предсѣдателемъ какого то особаго правительства дѣлается, на

фронтѣ только о немъ и говорятъ, онъ спаситель положенія, онъ снабжаетъ арміи, кормитъ голодныхъ, лѣчитъ больныхъ, устраиваетъ парикмахерскія для солдатъ, словомъ—является какимъ-то вездѣсущимъ Мюръ и Мерелизомъ... Вся его работа внѣ контроля, хотя ему сыплются сотни милліоновъ казенныхъ денегъ — надо съ этимъ покончить, или отдать ему въ руки всю власть».

При раздраженномъ состояніи, въ которомъ находились министры въ августѣ - сентябрѣ 15 г. (министры либеральные, министры, навязанные общественностью, какъ считала Алекс. Ѳеод.), Совѣтъ Министровъ склоненъ былъ довѣрять преувеличеннымъ слухамъ. Такъ Сазоновъ заявляетъ: «Говорятъ, что во имя доведенія войны до побѣднаго конца, члены Гос. Думы вмѣстѣ съ земскимъ и городскимъ съѣздами собираются провозгласить себя Учредительнымъ Собраніемъ». Эти слухи отмѣчены и въ моемъ дневникѣ съ поясненіемъ, что это Учр. Собр. будетъ «безъ демократіи». Ни о какомъ Учр. Собраніи, во всякомъ случаѣ, земцы не думали. Ихъ страшилъ «радикализмъ» торгово - промышленниковъ, выдвигавшихъ, какъ мы уже знаемъ, лозунгъ «отвѣтственнаго министерства» вмѣсто расплывчатаго министерства «довѣрія».

Едва ли не по иниціативѣ дѣятелей военно - промышленныхъ круговъ была выдвинута и кандидатура Львова въ премьеры. У меня записано, что Львовъ отвѣтилъ: «надо подумать» и что Львовъ ѣдетъ «понюхать атмосферу» (передаю въ той грубой формѣ, какъ спѣшно занесено въ дневникъ). Мы говорили, что руководящіе круги въ партіи к. д. не очень склонны были поддерживать на первыхъ порахъ кандидатуру Львова — она встрѣчала сочувствіе только въ лѣвомъ крылѣ партіи. Постепенно кн. Львовъ становится общепризнаннымъ кандидатомъ въ предсѣдатели отвѣтственнаго министерства. Но это «отвѣтственное министерство» никакъ нельзя отождествлять

съ тѣмъ «временнымъ правительствомъ», которое могло придти къ власти тѣмъ или инымъ революціоннымъ путемъ.

Сколь неопредѣленны были комбинаціи, складывавшіяся въ политическихъ лабораторіяхъ, показываетъ тотъ фактъ, что на одномъ изъ позднѣйшихъ коноваловскихъ совѣщаній очень много вновь говорили о кандидатурѣ Родзянко. Очевидно, это являлось результатомъ январьскаго посѣщенія в. кн. Михаиломъ предсѣдателя Думы и предложенія ему встать во главѣ отвѣтственнаго министерства — предложенія, къ которому весьма скептически отнесся молодой Юсуповъ, въ письмѣ къ матери.

Никакого временнаго правительства ни въ 16 г., ни въ 17 г. передъ революціей не было выбрано. Предусмотрительные общественные дѣятели оказались совершенно не подготовленными къ событіямъ, которыя наступили въ мартѣ. Это, пожалуй, естественно, такъ какъ много говорили тогда о революціи и абсолютно не вѣрили въ ея скорую возможность. Что сдѣлали тѣ, которые непосредственно участвовали въ организаціи дворцоваго переворота для подготовки преемственности власти — мы не знаемъ. Когда при общей растерянности въ кабинетѣ предсѣдателя Врем. Исп. Комитета 1 марта стали намѣчаться будущіе министры, естественно было взяться за списки, ходившіе уже по рукамъ. Это было тѣмъ болѣе естественно, что лидеръ прогрессивнаго блока продолжалъ воспринимать «революцію», какъ своего рода «дворцовый переворотъ», послѣ котораго надлежало осуществлять программу блока.

Никакой дѣятельной роли «въ избраніи Львова и въ устраненіи Родзянко», — вопреки утвержденію Набокова, Милюковъ не игралъ. При революціонномъ переворотѣ, какъ признаетъ самъ Милюковъ въ своихъ историческихъ уже экскурсахъ, «выборъ кн.

Львова главою революціоннаго правительства былъ столь же неудаченъ, сколько онъ былъ въ свое время неизбѣженъ»*) Старый списокъ пополнился людьми, которыхъ выдвигалъ моментъ. Къ такимъ случайнымъ людямъ Милюковъ въ «Исторіи» отнесъ Некрасова и Терещенко — они попали въ министры въ силу своей «особой близости къ конспиративнымъ кружкамъ, готовившимъ революцію». Относительно Некрасова Милюковъ, конечно, не правъ, — его конкурентъ по вліянію въ партіи фигурировалъ почти во всѣхъ предшествовавшихъ спискахъ. Появленіе же «кающагося капиталиста» въ числѣ революціонныхъ министровъ удивило не только Набокова. Будучи не въ курсѣ заговорщическихъ разговоровъ, Набоковъ не могъ сочетать блестящаго молодого человѣка, очень пріятнаго въ обращеніи, меломана и театрала съ министерствомъ финансовъ. Тутъ играли роль нѣкоторые другіе флюиды.

Въ первоначальномъ спискѣ, который набрасывалъ Милюковъ, присѣвъ «на минутку гдѣ-то, на уголкѣ стола», не было Керенскаго: революція должна была осуществлять только программу прогрессивнаго блока. Милюковъ огласилъ на перманентномъ митингѣ въ залахъ Таврическаго дворца предварительный списокъ и вызвалъ бурный протестъ. Тогда члены прогрессивнаго блока стали уговаривать Керенскаго и пожертвовали Маклаковымъ. Намѣчался въ министерство Шульгинъ, но отказался. Проскользнули кандидатуры Годнева и Вл. Львова.

---

*) Интересное замѣчаніе объ этой «неизбѣжности» дѣлаетъ Н. И. Астровъ. «Это, по его словамъ, была «нѣкая мистика». Самъ Львовъ говорилъ, и страхъ проглядывалъ въ его глазахъ: «Я чувствую, что линія проходитъ черезъ мою голову»... И мы, твердившіе на всѣ лады имя Львова, не столько видѣли въ немъ спасающую силу, сколько сознавали, что ходомъ вещей онъ и только онъ выдвинутъ на авансцену политическаго дѣйствія.

Временное правительство, рожденное стихійной революціей, мало соотвѣтствовало моменту и настроеніямъ. Взяты были старые рецепты, уже непригодные, разъ переворотъ случился, по выраженію Милюкова, «не тогда и не такъ, какъ бы мы этого хотѣли» (въ статьѣ «Старый подлогъ»).

Гл. VIII. МАСОНЫ.

1. Объединеніе общественности.

Изъ того, что было сказано, можно видѣть, что очень трудно концентрировать заговорщическія дѣйствія, какъ нѣкоторые склонны это дѣлать, вокругъ думскаго прогрессивнаго блока. На первый взглядъ отдѣльные планы дворцоваго переворота какъ будто и совсѣмъ не связаны между собою. Два центральныхъ проекта — львовскій и гучковскій — непосредственно вышедшіе изъ среды общественности, по видимости развиваются внѣ зависимости другъ отъ друга. И только въ словахъ Милюкова можно найти намекъ на нѣкоторое взаимоотношеніе, установившееся между существовавшими «кружками» черезъ посредство отдѣльныхъ лицъ. Милюковъ никогда не раскрываетъ скобки. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно не былъ достаточно въ курсѣ, такъ какъ «заговорщиковъ» могла отталкивать его двойственная позиція — подчасъ слишкомъ «правительственная».

Постараемся расшифровать связь, которая существовала, по крайней мѣрѣ, между нѣкоторыми «кружками».

Читатель, можетъ быть, будетъ удивленъ, когда я скажу, что эта связь была преимущественно по масонской линіи. Въ широкихъ общественныхъ и литературныхъ кругахъ такъ привыкли къ фантасмагоріи о жидо - масонской интригѣ, которая творилась создателями всякаго рода «протоколовъ сіонскихъ мудре-

цовъ», что съ недовѣріемъ относятся къ факту существованія масонскихъ организацій въ дореволюціонной Россіи. Загадочное явленіе казалось мифомъ и легендой, и вдругъ это оказывается дѣйствительностью. Такую метаморфозу испыталъ въ эмиграціи обозрѣватель «Сегодня» г. Вельскій, прочитавъ новую книгу Щеголева «Охранники и авантюристы», въ одной изъ главъ которой воспроизводятся донесенія кол. ассесора Алексѣева, посланнаго въ 1910 г. въ Парижъ Департаментомъ Полиціи для изученія масонства и связей русскихъ масоновъ съ западно - европейскими братьями*). Нашему обозрѣвателю никогда не приходило въ голову, что подъ «черносотенной романтикой», подъ всѣмъ этимъ «вздоромъ» можетъ оказаться реальная подкладка. Прочитавъ еще воспоминанія Бончъ - Бруевича въ «Звѣздѣ» о Кропоткинѣ, авторъ нашелъ новое подтвержденіе тому, чему раньше вѣрилось съ трудомъ. Значитъ, интересъ Департамента Полиціи къ масонскимъ дѣламъ былъ не праздный и не случайный! То, что раньше встрѣчалось съ насмѣшкой, получило нынѣ серьезный смыслъ. Масонство оказалось «большой революціонной силой». Ну, это, конечно, не такъ — и особенно въ отношеніи современнаго русскаго масонства.

Я не буду опровергать тѣхъ многочисленныхъ басенъ о русскомъ масонствѣ XX столѣтія, которыя имѣются въ офиціальной и офиціозной литературѣ, имъ посвященной (донесенія Алексѣева, статьи Мануйлова - Манасевича въ «Новомъ Времени» и др.). Здѣсь этому не мѣсто. Для ясности надо установить только одно — офиціально русское масонство возродилось въ началѣ 900 г.г. и связано было съ французскими ложами. Въ 1908 г. въ Россію пріѣзжали два

*) Въ зарубежной печати (напр., «Посл. Нов.» и др.) матеріалъ этотъ разсматривался, какъ новый, между тѣмъ онъ опубликованъ былъ уже 13 лѣтъ тому назадъ въ «Быломъ».

высокопоставленныхъ брата и возвели въ соотвѣтствующіе степени и градусы находившагося въ то время въ тюрьмѣ по дѣлу газеты «Радикалъ» прис. пов. Маргуліеса. Возрожденное масонство было нелегально въ Россіи. Однако, имена, которыя были названы теперь въ зарубежной печати — Ковалевскаго, де-Роберти, Гамбарова, Вырубова*), Амфитеатрова, Аничкова, Кедрина, членовъ французской ложи «Космосъ», были извѣстны, какъ имена масонскія, довольно широкому кругу. Но и другіе масоны были извѣстны полиціи. И по очень простой причинѣ. Разбирая архивъ московскаго Охраннаго Отдѣленія въ дни революціи, я нашелъ тамъ полный списокъ членовъ московской ложи «Астрея» — очевидно, и въ таинственномъ содружествѣ былъ свой освѣдомитель. Въ Москвѣ «болтали» — говорятъ старые масоны, т.е. участники его въ періодъ 1906-1911 г.г. И дѣйствительно, кто въ Москвѣ не зналъ, напр., что масономъ является психіатръ Баженовъ, кто только иронически не подсмѣивался надъ его «столовыми ложами».

Не то было — утверждаютъ масоны — въ Петербургѣ, въ ложѣ «Сѣверная Звѣзда», гдѣ собирались самые столпы русскаго масонства. Но и это только заблужденіе. Вели дѣло такъ конспиративно, что ничего не записывалось въ трафаретные «протоколы». Имена членовъ знали лишь «ораторъ» ложи М. С. Маргуліесъ и «секретарь» кн. Бебутовъ. И ларчикъ открывался просто. Общественная дѣятельность кн. Бебутова давно уже поставлена подъ сомнѣніе — его обвиняли въ сношеніяхъ съ Деп. Полиціи**).

---

*) Попутно поправляю несуразицу, попавшую въ фельетонъ Амфитеатрова «Мое масонство» (въ «Сегодня»): знаменитый ученый — позитивистъ, эмигрантъ Г. Вырубовъ, глубокій старикъ въ наше уже время, никакъ не могъ быть «разведеннымъ супругомъ Анны Вырубовой». Женатъ былъ на Танѣевой его племянникъ.

**) См. протоколы Чр. Сл. Комиссіи Вр. Пр.—допросъ Мануилова-Манасевича. Послѣ февральской революціи Бебу-

Допустимъ даже, что этого не было. В. Л. Бурцевъ считаетъ несомнѣнною связь Бебутова съ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ. Онъ не былъ, какъ говоритъ другой авторитетный свидѣтель, «вульгарнымъ агентомъ» — у нѣмцевъ было много разныхъ градацій въ агентурѣ. Бебутовъ только информировалъ нѣмецкій штабъ о русскихъ настроеніяхъ. Онъ информировалъ и Мануйлова - Манасевича. Это слышалъ Бурцевъ непосредственно отъ послѣдняго. Бебутовъ давалъ свѣдѣнія объ общественныхъ настроеніяхъ для доклада въ высшія сферы. Вѣроятно, отъ него Манасевичъ - Мануйловъ получилъ и свои матеріалы о русскихъ масонахъ...*) Конспирація была разоблачена. Можетъ быть, поэтому «братья» и рѣшили «уснуть» въ 1911 году.

Какое имѣло значеніе это первое возродившееся русское масонство? Что дѣлали братья помимо «нравственнаго усовершенствованія»? Бывшій «братъ» Амфитеатровъ, возведенный неизвѣстно за какія заслуги въ «мастера стула», съ большой развязностью вспоминалъ недавно о своемъ участіи среди русскихъ масоновъ во французскихъ ложахъ шотландскаго устава. Его «перемасонилъ» М. М. Ковалевскій. Привлекало Амфитеатрова три магнита: 1) «обаяніе Ковалевскаго», 2) «разсчеты революціонно - политической тактики, какъ наступательной, такъ того пуще, оборонительной» (это требуетъ поясненія: при своемъ «революціонномъ настроеніи и дѣйствованіи» Амфитеат-

---

товъ, по требованію Н. Д. Соколова и А. С. Заруднаго, былъ подвергнутъ домашнему аресту.

*) Я считаю необходимымъ оговорить, что М. С. Маргуліесъ считаетъ абсолютно недоказанными обвиненія Бебутова, хотя бы въ косвенныхъ сношеніяхъ съ департаментомъ полиціи и передачѣ свѣдѣній о масонахъ. Свиданія съ Мануйловымъ-Манасевичемъ Маргуліесъ объясняетъ желаніемъ Бебутова получать политическую информацію отъ Мануйлова, вращавшагося въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ.

ровъ очень нуждался въ «возможности самозащиты въ случаѣ полицейскаго натиска изъ Петербурга». Масонство было своего рода брестомъ*), 3) интересъ «романтическій», интересъ Пьера Безухова изъ «Войны и Мира», влекшій Амфитеатрова къ масонству съ юныхъ дней. Послѣдній магнитъ представляется сомнительнымъ, ибо въ другихъ тонахъ вспоминалъ бы въ преклонномъ возрастѣ Амфитеатровъ «журавлиные танцы и азбуку глухонѣмыхъ», которыми онъ занимался въ своей зрѣлой уже юности.

Въ изложеніи Амфитеатрова русское масонство пріобрѣтаетъ какой-то бутафорскій характеръ. Очевидно, политическіе замыслы русскихъ масоновъ были болѣе глубоки. Въ воспоминаніяхъ Бончъ - Бруевича, цитированныхъ Вельскимъ, разсказывается о встрѣчахъ съ Кропоткинымъ, который считалъ, что «революціонное движеніе очень много потеряетъ отъ того, если такъ или иначе не будетъ связано съ масонствомъ, имѣющимъ свои нити въ Россіи въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ». «Онъ (Кропоткинъ) былъ правъ — заключаетъ Бончъ — оппозиціонная дѣятельность русскихъ либераловъ имѣла непосредственную связь съ масонствомъ, черезъ нихъ проникала всюду и вездѣ въ самыя потаенныя мѣста самодержавнаго организма. Роль масоновъ въ февральскомъ движеніи... еще подлежитъ всестороннему изслѣдованію. Такъ, мнѣ доподлинно теперь извѣстно, что... цѣлый рядъ трудовиковъ и лицъ, принадлежащихъ къ конституціонно - демократической и народно - демократической (?) партіямъ, а также къ такъ наз. народно-соціалистической — дѣйствительно принадлежатъ къ масонскимъ развѣтвленіямъ»...

Слишкомъ много «доподлиннаго» извѣстно Бончу. Многое онъ преувеличиваетъ, соединяя въ одно раз-

*) Разсчитывалъ Амфитеатровъ на Лигу защиты правъ, но у нея было вліяніе только настолько, поскольку она «опиралась на масонство».

ныя эпохи*). Но, дѣйствительно, черезъ масоновъ шла организація общественнаго мнѣнія и создавалась нѣкоторая политическая солидарность. Очевидецъ разсказывалъ мнѣ, напр., о пріемѣ въ масонскій кланъ командира финляндскаго полка Теплова. Однимъ изъ братьевъ ему заданъ былъ вопросъ о царѣ. Тепловъ отвѣтилъ: «Убью, если велѣно будетъ»... Были инсталированы ложи не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ Кіевѣ, Одессѣ, Н.-Новгородѣ. Была въ Петербургѣ военная ложа, собиравшаяся, между прочимъ, во дворцѣ А. А. Орлова - Давыдова. Говорить, однако, о какихъ то 30 тыс. масоновъ не приходится. Это были маленькіе кружки.

Въ 1915 г. явилась мысль о возрожденіи масонскихъ организацій. Повидимому, инціатива исходила изъ Кіева. И цѣль была чисто политическая. Подъ внѣшнимъ масонскимъ флагомъ хотѣли достигнуть того политическаго объединенія, которое никогда не давалось русской общественности. Объединеніе должно было носить характеръ «лѣвый». Въ сущности органическаго отношенія къ «уснувшему» масонству эта организація не имѣла, за исключеніемъ личныхъ связей. Такъ, актиную роль игралъ, между прочимъ, одинъ изъ прежнихъ масоновъ, членъ думы Некрасовъ. Въ организацію, по моимъ свѣдѣніямъ, входили представители разныхъ политическихъ теченій до большевиковъ включительно.

О существованіи этой организаціи я знаю уже потому, что меня туда звали. Среди звавшихъ былъ

---

*) Изъ народныхъ соціалистовъ (тогдашнего времени, до сліянія въ 1917 г. съ «трудовиками») никто не принадлежалъ къ масонскому «ордену». Зналъ о масонствѣ А. С. Пругавинъ (черезъ Кедрина). Въ свое время онъ мнѣ разсказалъ много подробностей.

покойный В. П. Обнинскій. Н. И. Астровъ разсказывалъ, что звали и его — переговоры вели Н. Н. Баженовъ, С. А. Балавинскій и одно изъ нынѣ здравствующихъ лицъ. Случай еще пріоткрылъ мнѣ нѣсколько потаенную дверь. По нѣкоторымъ намекамъ я догадался, между прочимъ, что въ изданной въ то время книгѣ Сидоренко «Итальянскіе угольщики» помѣщенъ уставъ той русской масонской организаціи, о которой идетъ рѣчь...

Въ масонствѣ 15 г. много было наивнаго. Люди говорили о ритуалѣ, не отдавая себѣ въ немъ отчета. Для многихъ таинственность была своего рода психологической игрой. Я рѣшительно отказался вступить въ масонскую организацію, такъ какъ для подлиннаго объединенія мнѣ казались ненужными и запоздалыми традиціонная внѣшность, быть можетъ, для нѣкоторыхъ понятная тамъ, гдѣ масонство какъ бы срослось съ бытомъ (напр., во Франціи). Масонская форма въ россійской обстановкѣ не могла содѣйствовать серьезному политическому объединенію, потребность въ которомъ была такъ ощутительна и создать которое не удавалось. Партійные переговоры были сильнѣе «братской» солидарности. Разную психологію во время войны нельзя было нивелировать однороднымъ масонскимъ запономъ. Мнѣ пришлось въ ту пору принять самое близкое участіе въ попыткѣ создать соціалистическое объединеніе (конечно, оборонческаго типа) въ связи съ предложеніемъ создать лѣвую газету и въ концѣ концовъ пришлось только записать въ дневникъ: «нѣкто въ сѣромъ все еще мѣшаетъ такому объединенію».

Я не могу сейчасъ вдаваться въ воспоминанія. Мои поясненія нужны были только для посильной характеристики типа той масонской организаціи, которая явилась на Божій свѣтъ въ 1915 г. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ ее изображали входившіе въ нее члены. Какъ чисто политическая, эта организація счи-

талась правовѣрными масонами ложей «нерегулярной», т. е. не зарегистрированной по статуту*).

Итакъ, цѣлью ея какъ будто было политическое объединеніе. Кто входилъ въ основной кружокъ? Это трудно точно возстановить, такъ какъ масоны 15 года и по сіе время скрываютъ свое участіе, сохраняя «клятву» о конспираціи. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь. Секретъ полишенеля, что въ центрѣ были какъ Некрасовъ и Терещенко, принимавшіе столь близкое участіе въ организаціи дворцоваго переворота, такъ и Керенскій, о которомъ почти не приходилось еще говорить, такъ какъ лѣвый флангъ русской общественности — соціалистическій — стоялъ въ сторонѣ отъ непосредственнаго участія въ заговорахъ.

2. *Заговорщическій Центръ.*

Мнѣ кажется, что масонская ячейка и была связующимъ какъ бы звеномъ между отдѣльными группами «заговорщиковъ» — той закулисной дирижерской палочкой, которая пыталась управлять событіями.

Я не знаю въ точности, что имѣлъ въ виду В. І. Гурко, когда говорилъ о существованіи до революціи конспиративныхъ комитетовъ 7 и 11. Изъ реплики Милюкова (такое сообщеніе «является для меня, къ моему стыду, какъ историка революціи, совершенно неожиданнымъ. Впредь до болѣе авторитетнаго подтвержденія, я остерегусь внести этотъ фактъ въ текстъ своей исторіи») слѣдуетъ заключить, что для Милюкова утвержденіе Гурко представлялось фантастиче-

*) В. А. Маклаковъ, не скрывающій своего участія въ болѣе раннихъ масонскихъ ложахъ, разсказывалъ мнѣ, что, узнавъ отъ Кедрина о возникшемъ въ 15 году ложахъ, онъ не отказывался, какъ посвященный въ соотвѣтствующія степени, открыть ложу, согласно закону. Но формально ложа все таки открыта не была.

скимъ. Никакихъ конкретныхъ слѣдовъ существованія комитетовъ 7 и 11 я не нашелъ, но несомнѣнно та «пятерка», о которой въ 16 г. докладывалъ директоръ Департ. Полиціи Климовичъ*), не является полицейской фантазіей и реально существовала — только едва ли она была чисто московскаго происхожденія.

Кое что разъясняютъ намъ разсказы Н. И. Астрова о томъ, какъ его звалъ вступить въ такую секретную «пятерку» Н. В. Некрасовъ. Это было въ интимной бесѣдѣ осенью 1916 г. Некрасовъ называлъ четырехъ лицъ: Керенскаго, Терещенко, Коновалова и себя. Некрасовъ не говорилъ о «заговорѣ» — онъ говорилъ только объ объединеніи общественности въ настоящій критическій моментъ. Астровъ отказался; пятое мѣсто занялъ И. Н. Ефремовъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ только Коноваловъ могъ быть не масономъ, но логически приходится заключить, что и онъ принадлежалъ къ составу масонскаго «ордена» 1915 года.

Наличность «пятерки» какъ будто бы можно считать установленной. Мысль о конспиративномъ центрѣ возникла, повидимому, еще въ 15 г., когда переворотъ впервые былъ поставленъ въ очередь дня (Милюковъ въ «Исторіи» это относитъ къ веснѣ 15 г). Въ книгѣ XXVI «Краснаго Архива» опубликованъ документъ, наводящій на нѣкоторыя размышленія. Дата документа — 8 сентября 15 г. Большевицкіе архивисты говорятъ, что онъ найденъ въ Петроградѣ «среди бумагъ Гучкова». Озаглавленъ документъ своеобразно: «Диспозиція № 1» и подписанъ «Комитетомъ народнаго спасенія». Въ «диспозиціи» считается «необходимымъ»: 1) признать, что война ведется на два фронта: противъ упорнаго и искуснаго врага во-

---

*) Г. Палеологъ въ некрологѣ Климовича («Нов. Вр.» 11 іюня 30 г.) говоритъ, что онъ самъ читалъ докладъ директора департамента въ августѣ 16 года, гдѣ говорилось о головкѣ революціоннаго штаба въ Москвѣ.

внѣ и противъ не менѣе упорнаго и искуснаго врага внутри. 2) Отдѣлить опредѣленно и открыто людей, понимающихъ и признающихъ наличность внутренней войны, столь же важной, какъ и внѣшняя, отъ людей, не понимающихъ или не желающихъ признать наличность двухъ войнъ. 3) Признать, что достигнуть полной побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ немыслимо безъ предварительной полной побѣды надъ врагомъ внутреннимъ. 4) Признать, что полная побѣда внутри означаетъ публичное и окончательное связующее преклоненіе всѣхъ безъ исключенія лицъ въ имперіи передъ утвержденіемъ: «русскій народъ есть единственный державный хозяинъ земли русской» съ соотвѣтственными изъ сего практическими выводами, а именно... безпрекословнаго подчиненія и организованной воли. 5) Для успѣшности борьбы по внутреннему фронту отстаивать*) идею всякихъ блоковъ и объединеній съ элементами зыбкими и сомнительными, немедленно назначить штабъ верховнаго командованія изъ десяти лицъ, предоставивъ сіе основной ячейкѣ: кн. Львовъ, А. И. Гучковъ и А. Ф. Керенскій, и, отказавшись отъ выбора кандидата, отъ назначенія его по признаку личнаго уваженія и прошлыхъ заслугъ, назначать исключительно по признакамъ а) ясность мышленія б) честность слова и твердость воли. 6) Признать, что организація борьбы за народныя права должна вестись по установленнымъ практикой правиламъ военной централизаціи и дисциплины... 7) Верховное командованіе организованнымъ народомъ въ борьбѣ за свои права принять на себя А. И. Гучкову, какъ объединяющему въ себѣ довѣріе арміи и Москвы, отнынѣ не только сердца, но и волевого центра Россіи. 8) Методы борьбы за права народа должны быть мирными, но твердыми и искусными. Памятуя, что лицъ съ именемъ, на которое съ упованіемъ взи-

*) Не опечатка ли? Не надо ли: «оставить».

раетъ армія и народъ, никто тронуть не посмѣетъ, эти лица должны дерзать произносить своевременно слова и дѣйствія, другимъ недоступныя. Коронованные народнымъ довѣріемъ и надеждой, они должны принять на себя не только лавры вѣнковъ, но и терніи.9) Мирная борьба разумѣетъ, прежде всего, открытое и всенародное отдѣленіе козлищъ отъ овецъ. Кто за народъ, долженъ быть отдѣленъ и съорганизованъ, дабы тверды и дисциплинированы были его кадры. Кто противъ народа, тотъ долженъ быть занесенъ въ особый списокъ съ занесеніемъ его проступковъ и отвѣтственности за задержку дѣла обновленія Россіи. 10) Сія работа, не касающаяся обыкновенныхъ гражданъ, а исключительно лицъ, участвовавшихъ въ государственной машинѣ и общественной дѣятельности, дастъ возможность опредѣлить силу обоихъ лагерей и въ зависимости отъ этого укажетъ и способы мирной борьбы. 11) Мирная борьба должна оперировать не методами забастовокъ, вредныхъ для войны и для интересовъ населенія и государства, а методами *отказа войскъ* (курс. мой), борцовъ за народное дѣло, отъ какого бы то ни было *общенія* съ лицомъ, удаленіе котораго отъ государственныхъ и общественныхъ функцій декретовано верховнымъ командованіемъ... 12) Признать, что внѣшнимъ факторомъ успѣха или проигрыша внутренней войны представляется пресса и ея повышающее — правдиво патріотическое или понижающее лживо - пошлое — воздѣйствіе на массы... подчинить прессу верховному командованію и требовать ея согласованныхъ дѣйствій, несогласныхъ же заставлять молчать путемъ снятія съ работы рабочаго персонала и объявленія бойкота неподчинившихся органовъ печати... Заканчивается эта странная бумага обращеніемъ: «сочувствующіе приглашаются заявлять о томъ вышеупомянутымъ лицамъ. Изъ числа этихъ заявленій будетъ видно, созрѣли ли обыватели до сознанія неотложной необходимости по военному организованной, не боящейся свѣта арміи для откры-

той, мирной, но неослабной борьбы за побѣду, порядокъ и права народа»...

Я привелъ этотъ документъ почти in extenso, такъ какъ при изложеніи утратилась бы оригинальная его колоритность. Что это? Мистификація? Полицейское измышленіе? Плодъ досужей фантазіи любителя измышлять проекты? Изъ трехъ предположеній третье наиболѣе возможно. Надо, однако, признать, что при всемъ своемъ своеобразіи документъ довольно отчетливо формулировалъ задачи, которыя преслѣдовала оппозиціонная правительству политика. Я склоненъ думать, что документъ этотъ имѣетъ масонскіе корни. Быть можетъ, у иного читателя такое предположеніе вызоветъ ироническую улыбку. Но вѣдь все масонство, въ сущности, было «игрой» въ аллегоріи и символы. Иносказательный языкъ и моральныя сентенціи — органическая часть масонскаго «просвѣщенія». Любой масонскій документъ будетъ производить впечатлѣніе ходульной наивности. Въ чьемъ иномъ мозгу въ 1915 г. могла создаться столь необычайная комбинація, которая соединила въ одно кн. Львова, Гучкова и Керенскаго?

Если предположить, что Львовъ и Гучковъ принадлежали къ масонству 15 г., имѣвшему карбонарскія черты, тайна могла бы до нѣкоторой степени разъясниться. Мнѣ представляется возможнымъ такое утвержденіе, но никакихъ конкретныхъ данныхъ для подтвержденія гипотезы нѣтъ*). Масонство 15 г. имѣло лѣвое направленіе. Гучковъ числился въ рядахъ «правыхъ». Однако, мнѣ извѣстно объ участіи въ тог-

*) То, что Львовъ долгое время во Временномъ Правительствѣ поддерживалъ тройку (Керенскій — Некрасовъ — Терещенко) скорѣе говоритъ въ пользу масонскихъ связей. Характерно, что въ кадетской средѣ поддерживали Львова, числящагося скорѣе въ правомъ крылѣ этой партіи, гдѣ онъ былъ, въ сущности, случайнымъ гостемъ, именно лѣвые, провинціальные кадеты, которые, главнымъ образомъ, и улавливались въ масонскія ложи.

дашнихъ ложахъ людей, которыхъ можно было бы отнести къ кругу политическихъ единомышленниковъ А. И. Гучкова.

Надо ли говорить, что А. И. Гучковъ и А. Ф. Керенскій отрицаютъ возможность указанной въ документѣ политической комбинаціи. Керенскій отмѣчаетъ, что съ Гучковымъ онъ не былъ знакомъ до революціи, съ Львовымъ онъ встрѣтился впервые осенью 1916 г. Но я и не думаю, что документъ этотъ могъ исходить *непосредственно* отъ нихъ.

Допустимъ, что проектъ «комитета спасенія» продуктъ чьей то творческой фантазіи. Такъ или иначе, но къ концу 16 г. такой объединяющій конспиративный центръ образовался. «Пятерка» дѣйствуетъ довольно энергично и принимаетъ активное участіе во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ того времени.

Въ томъ, что мы называли «заговоромъ Гучкова», самое живое участіе принимаютъ Некрасовъ и Терещенко. Они входятъ въ основную «тройку», которая руководитъ подготовкой дѣйствій. Черезъ Терещенко проходятъ нити къ Родзянко и къ великосвѣтскимъ кругамъ. Некрасовъ связываетъ заговоръ съ думскими сферами и съ партіей, въ которой онъ состоялъ и занималъ видное положеніе. Онъ какъ разъ представлялъ то лѣвое крыло, которое тянуло къ «трудовикамъ» и «вносило тенденціи непримиримости и открыто враждебныхъ противъ правительства выступленій». Некрасовъ связывалъ, такимъ образомъ, дворцовый переворотъ съ соціалистической частью демократической общественности.

Близкія отношенія Некрасова къ Львову соединяли петербургскіе проекты съ московскими затѣями. Гучковъ, по его словамъ, не былъ освѣдомленъ о конспиративной дѣятельности кн. Львова? Зналъ ли что либо Львовъ? Показательно, что, по разсказу Хатисова, Львовъ, въ случаѣ полученія согласія в. кн. Ник.

Ник., долженъ былъ немедленно снестись съ Гучковымъ, «находившимся въ то время на фронтѣ, и привлечь его къ участію въ осуществленіи заговора». Есть и еще одно знаменательное совпаденіе. Вспомнимъ, что Хатисовъ долженъ былъ указать на сочувствіе заговору ген. Маниковскаго. И со стороны именно Некрасова, нѣсколько неожиданно для «лѣваго» кадета, въ частномъ засѣданіи Гос. Думы, въ полуциркульномъ залѣ, 27 февраля, было сдѣлано, по свидѣтельству Шидловскаго, предложеніе о военной диктатурѣ и о врученіи власти популярному генералу, имя котораго и назвалъ Некрасовъ. Это былъ ген. Маниковскій.

Настойчиво встаетъ вопросъ — числился ли въ рядахъ масоновъ самъ А. И. Хатисовъ? Всѣ недоумѣнія съ его «миссіей» въ значительной степени разрѣшаются при такомъ предположеніи. Нельзя не обратить вниманіе на одно показаніе А. В. Амфитеатрова. Почему во французской ложѣ «Космосъ» было такъ много русско - армянскихъ дѣятелей? Но это «очень понятно», — говоритъ Амфитеатровъ: «всѣ эти армяне были членами - дѣятелями и сочувственниками «Молодой Арменіи».

Съ Некрасовымъ, какъ пропагаторомъ, мы дѣйствительно, встрѣчаемся повсюду. Некрасовъ, какъ мы видѣли, велъ переговоры съ Астровымъ о вступленіи его въ «пятерку». Некрасовъ вмѣстѣ съ Демидовымъ зондируетъ въ январѣ 17 г. почву у Маклакова. Они пытаются его привлечь къ заговору. Маклаковъ, по его словамъ, уклонился. Маклаковъ предпочиталъ также «ждать», информироваться и выступать съ общими докладами о грядущихъ событіяхъ. Въ этомъ же январѣ Некрасовъ прощупываетъ и Шульгина. «Онъ началъ издалека — вспоминаетъ Шульгинъ — и, такъ сказать à mots couverts. Но я его понялъ. Онъ зондировалъ меня насчетъ того, о чемъ воробьи чирикали за кофе въ каждой гостиной, т. е. о дворцо-

вомъ переворотѣ... Н*) говорилъ о томъ, что государственный корабль въ опасности... и поэтому требуются особыя, исключительныя мѣры для спасенія экипажа и драгоцѣннаго груза. Если бы вамъ были предложены такія исключительныя, изъ ряда вонъ выходящія мѣры для спасенія экипажа и груза, а вѣдь вмѣстѣ они составляютъ русскій народъ — пошли ли бы вы на эти совершенно не вмѣщающіяся въ обыденныя рамки совершенно экстренныя мѣры, пошли ли бы вы за нихъ для спасенія родины?». Шульгинъ, ссылаясь на теорію моряковъ — «судеищиковъ» и «шлюпочниковъ», пояснилъ, что «шлюпочники» во время кораблекрушенія утверждаютъ, что надо пересаживаться на шлюпки и этимъ путемъ искать спасенія; «суденщики» же говорятъ, что надо оставаться на судиѣ, такъ какъ изъ десяти случаевъ въ девяти шлюпки гибнутъ въ морѣ, а одинъ шансъ остается и у гибнущаго корабля. «Выводъ — пояснилъ свою параллель Шульгинъ — тотъ, что я принадлежу къ школѣ «суденщиковъ», а потому остаюсь на суднѣ». Рѣшено было о разговорѣ забыть...

Некрасовъ, отстаивающій въ Москвѣ позицію, что правительство нужно заставить принять общественныя требованія, озабоченъ созданіемъ организаціи, которая могла бы сдѣлать этотъ напоръ. «Надо всю Россію покрыть всероссійскими союзами» — такъ и информаторы характеризуютъ некрасовскую агитацію на мартовскихъ съѣздахъ 1916 г. Организовать рабочихъ, промышленниковъ, крестьянъ, кооператоровъ. Когда эти союзы возникнутъ, тогда они вмѣстѣ съ городскими и земскими союзами выдѣлятъ изъ своей среды центральный органъ, который и будетъ

*) Шульгинъ изъ излишней щепетильности не называетъ Некрасова полной фамиліей, но даетъ столь явныя показанія: «у него на моложавомъ лицѣ всегда были большія розовыя пятна — не знаю — отъ чахотки или отъ здоровья».

направляющимъ, координирующимъ органомъ — штабомъ общественныхъ силъ всей Россіи. Этотъ центральный органъ, по мнѣнію Некрасова, высказываемому въ частныхъ бесѣдахъ, долженъ явиться «союзомъ союзовъ», «съ тѣми же цѣлями и заданіями, какія онъ имѣлъ въ 1905 году». Надо къ 7 центральнымъ союзамъ привлечь и національныя организаціи.

Съ лѣвыми кругами, одновременно и съ крупной буржуазіей, заговоры связывались и черезъ А. И. Коновалова, который не могъ не быть въ курсѣ дѣла, состоя вмѣстѣ съ Некрасовымъ и Терещенко въ «пятеркѣ». Дѣйствія Коновалова «явно разсчитаны на государственный переворотъ — утверждалось еще 21-го августа въ Совѣтѣ Министровъ». Подъ флагомъ военно - промышленныхъ комитетовъ возрождаются рабочія организаціи — говорилъ, по свѣдѣніямъ информаторовъ, Коноваловъ въ кругу болѣе лѣво настроенныхъ членовъ городского союза. Прогрессисты въ Думѣ весьма опредѣленно призывали къ объединенію «организованной демократіи». Пріобрѣтаетъ особый характеръ то, что именно квартира Коновалова сдѣлалась центромъ всѣхъ оппозиціонныхъ совѣщаній — отсюда идетъ «штурмъ власти», здѣсь уже закладывается мостъ между к.-д. и лѣвѣе стоящими группами. Такъ была произведена попытка политическаго объединенія соотвѣтственно задачамъ масоновъ — отъ большевиковъ до кадетовъ.

Въ концѣ концовъ, нѣкоторые «лѣвые» (думскіе соціалисты) оказались довольно хорошо освѣдомлены о проектѣ дворцоваго переворота и какъ бы молчаливо его санкціонировали, не предвидя еще подлинно революціоннаго движенія въ странѣ. Шляпниковъ утверждаетъ, что о «заговорѣ» знали Чхеидзе, Скобелевъ, Чхенкели, Керенскій. По его словамъ, объ этомъ ему говорилъ Н. Д. Скобелевъ въ началѣ 17 г.. Хатисовъ разсказалъ, какъ онъ освѣдомилъ Чхеидзе

о своей миссіи на Кавказѣ и какъ тотъ просилъ его передать Джорданіи и другимъ, чтобы онѣ не выступали и сдерживали рабочихъ, такъ какъ правительство можетъ вызвать массовыя волненія нарочно для того, чтобы уничтожить оппозицію. Можетъ быть, потому Чхеидзе и былъ въ первые дни революціи такъ напуганъ «солдатскимъ бунтомъ», какъ это говоритъ Милюковъ, что, не вѣря въ революцію, этотъ соціалъ-демократъ, дѣйствительно, ставилъ ставку на дворцовый переворотъ?

Важное свидѣтельство мы имѣемъ со стороны Станкевича. «Въ концѣ января мѣсяца — разсказываетъ онъ — мнѣ пришлось въ очень интимномъ кружкѣ встрѣтиться съ Керенскимъ. Рѣчь шла о возможностяхъ дворцоваго переворота. Къ возможностямъ народнаго выступленія всѣ относились опредѣленно отрицательно, боясь, что разъ вызванное народное массовое движеніе можетъ попасть въ крайне лѣвое русло, и это создастъ чрезвычайныя трудности въ веденіи войны. Даже вопросъ о переходѣ къ конституціонному режиму вызывалъ серьезныя опасенія и убѣжденія, что новой власти нельзя будетъ обойтись безъ суровыхъ мѣръ для поддержанія порядка и недопущенія пораженческой пропаганды*). Но это не колебало общей рѣшимости покончить съ безобразіями придворныхъ круговъ и низвергнуть Николая. Въ качествѣ кандидатовъ на престолъ назывались различныя имена, но наибольшее единодушіе вызывало имя Михаила Александровича, какъ единственнаго кандидата, обезпечивающаго конституціонность правленія». По Станкевичу выходитъ, что тотъ «очень интимный кружокъ», гдѣ онъ встрѣтился съ Керенскимъ, не только информировался, но и проявлялъ иниціативу въ вопросѣ о кандидатахъ на престолъ въ

*) Ср. съ тѣмъ, что было раньше сказано о колебаніяхъ въ вопросѣ о вхожденіи общественниковъ въ министерство довѣрія.

случаѣ переворота. Не былъ ли въ этомъ интимномъ кружкѣ Соколовъ, разсказавшій потомъ Шляпникову о подготовкѣ дворцоваго переворота? Нѣтъ сомнѣній, что Соколовъ принадлежалъ къ тогдашней «масонской» организаціи.

Керенскій самъ разсказываетъ во французскомъ изданіи своихъ воспоминаній: «Наша смѣшанная группа, составленная изъ представителей всѣхъ лѣвыхъ элементовъ Думы*), находилась въ сношеніяхъ со всѣми радикальными активными силами страны и мы силились, при посредствѣ нашихъ агентовъ, избѣгать раздоровъ, которые могли бы повредить проектируемому перевороту. Было это тѣмъ болѣе необходимо, что многіе революціонные центры не были въ курсѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ другими организаціями. Сверхъ той помощи, которую мы оказывали организаторамъ переворота для облегченія имъ онаго, мы должны были подготовить къ этому событію всѣ демократическія и соціалистическія партіи и даже создать сборный пунктъ, вокругъ котораго они бы сгруппировались силами, чтобы въ случаѣ нужды взять на себя контроль надъ эксцессами населенія. Этимъ сборнымъ пунктомъ было секретное информаціонное бюро демократическихъ партій».

Информаціонное бюро демократическихъ партій! Это сказано слишкомъ сильно. Нельзя случайныя собранія и благія пожеланія выдавать за «лѣвый блокъ». Благихъ пожеланій было много. Такъ докладъ петрогр. Охр. Отдѣленія (октябрь 16) разсказываетъ намъ о собраніи представителей революціонныхъ организацій 9 октября на квартирѣ Чхеидзе. Цѣлью собранія являлось заслушиваніе доклада Керенскаго о положеніи дѣлъ въ Туркестанѣ. Информаторы утверждаютъ, что при обсужденіи текущаго политиче-

*) Бюро этого лѣваго объединенія въ Думѣ, повидимому, состояло изъ Колюбакина (к. д.), Некрасова, Керенскаго и Чхеидзе.

скаго момента собраніе стало на точку зрѣнія пораженцевъ Циммервальдскаго и Кинтальскаго толка, за исключеиіемъ прис. повѣр. Соколова (обобщеиіе неосновательное, такъ какъ среди присутствовавшихъ докладъ отмѣчаетъ А. В. Пѣшехонова). Собраніе признало «наличность общаго и опредѣленнаго индифферентизма» къ дѣятельности Государственной Думы, банкротство думскаго прогрессивнаго блока и безусловный упадокъ вліянія прогрессивно-либеральныхъ теченій, констатируя въ то же время пробужденіе политическаго самосознанія въ массахъ, которое создаетъ благопріятное для революціонныхъ начинаній положеніе. Это обстоятельство и послужило «основаніемъ для обсужденія, по предложенію писателя-народника Пѣшехонова, вопроса о «лѣвомъ блокѣ». Къ предложенію отнеслись принципіально сочувственно и рѣшили на рождественскихъ каникулахъ собрать новое засѣданіе, предварительно обсудивъ вопросъ у себя въ партійныхъ организаціяхъ. У страха глаза велики. Можетъ быть, информаторы нарочно усиливали впечатлѣнія своихъ довѣрителей. На рождественскихъ каникулахъ ничего не произошло, и вопросъ о «лѣвомъ блокѣ» продолжалъ безнадежно висѣть въ воздухѣ.

Мнѣ кажется, что А. Ф. Керенскій скорѣе свои «масонскія» связи склоненъ выдавать за лѣвое объединеніе. Какъ далеко это было отъ дѣйствительности, мы увидимъ, подойдя вплотную къ февральскимъ днямъ.

Гл. IX. ВЪ ОЖИДАНІИ РЕВОЛЮЦІИ.

1. На верхахъ.

Была ли достаточно освѣдомлена власть о тѣхъ заговорщическихъ планахъ, которые зрѣли и подготовлялись въ общественныхъ кругахъ?

Мы много разъ видѣли, насколько хорошо былъ информированъ Деп. Пол. о настроеніяхъ общества. Наши выписки могли бы быть умножены и дополнены позднѣйшими докладами политической полиціи. Съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ приближенія къ февральскимъ событіямъ, тонъ ихъ становится тревожнѣе. Чаще начинаютъ попадаться имена «доморощенныхъ Юаньшикаевъ» въ лицѣ Гучкова, Львова, Коновалова и другихъ «загадочныхъ представителей общественности». Информаторы отмѣчаютъ всеобщую убѣжденность, что отъ этихъ лицъ «будетъ зависѣть дать послѣдній и рѣшительный сигналъ къ началу второй великой и послѣдней всероссійской революціи». Правда, эту убѣжденность они называютъ «наивной», но сами общественное возбужденіе рисуютъ въ такихъ преувеличенныхъ тонахъ, что подобное представленіе отнюдь не кажется уже наивнымъ. «Нѣтъ въ Петроградѣ — констатируетъ одна изъ январьскихъ записокъ — въ настоящее время семьи такъ называемаго интеллигентнаго обывателя, гдѣ шепоткомъ не говорилось бы о томъ, что скоро навѣрно прикончатъ того или иного изъ представителей правящей власти. Въ семьяхъ лицъ, мало мальскихъ затронутыхъ поли-

тикой, открыто и свободно раздаются рѣчи... затрагивающія даже священную особу государя»... Записка говоритъ, что «повсемѣстно и усиленно» муссируются слухи о близкомъ дворцовомъ переворотѣ.

Но все это общія мѣста, и начинаетъ казаться, что конкретныхъ плановъ Деп. Полиціи не зналъ. Конечно, въ общія департаментскія записки секретныя данныя могли и не попасть. Въ нашемъ распоряженіи еще слишкомъ мало матеріала для категорическаго сужденія. При извѣстномъ легкомысліи нѣкоторыхъ изъ участниковъ конспираціи факты должны были просачиваться въ департаментскій сакъ. Осторожный Бѣлецкій на допросѣ прямо показываетъ: «напрасно думаютъ, что правительство объ этомъ не знало». Экспансивный Протопоповъ, въ бесѣдѣ со Львовымъ (вѣроятно, въ ноябрѣ), съ откровенностью заявилъ, что ему извѣстно, что к.-д. имѣютъ планъ выкрасть царя изъ Ставки, перевезти въ Москву и заставить «колѣнопреклоненно» присягнуть конституціи. Вѣдь это не такъ уже далеко отъ истины!*).

О томъ, что дѣлалось и говорилось въ декабрьскіе дни въ Москвѣ, знали не только мѣстные информаторы Охр. Отдѣленія. Изъ Астрахани Тихановичъ-Савицкій, предсѣдатель астраханской монархической народной партіи, увѣдомлялъ конфиденціальной телеграммой 30 декабря близкаго Николаю II адмирала Нилова о томъ, что было въ Москвѣ. Откуда это узналъ Тихановичъ? Изъ доклада уже въ Астрахани вернувшагося со съѣзда городского головы. На частномъ секретномъ совѣщаніи послѣдній передавалъ,

*) В. А. Маклаковъ разсказываетъ характерный инцидентъ. Послѣ одного изъ «информаціонныхъ» собраній у Коновалова потребовалась спѣшная отправка сообщенія въ Петроградъ. Съ особымъ «нарочнымъ» было послано письмо Маклакова и... попало въ Департаментъ Полиціи. Послѣ революціи письмо это найдено было въ департаментскомъ архивѣ.

что запрещенные съѣзды все же состоялись, разсказывалъ о какомъ то ночномъ совѣщаніи у Долгорукова съ участіемъ Милюкова, Шингарева, Львова, Челнокова, Астрова, на которомъ говорилось о необходимости заранѣе намѣтить временное правительство и будущихъ представителей власти на мѣстахъ. Тихановичъ сообщалъ Нилову о подготовкѣ Гучковымъ дворцоваго переворота и умолялъ воздѣйствовать на царя въ томъ смыслѣ, чтобы были удалены изъ арміи, съ отвѣтственныхъ постовъ «гучковцы» и въ частности ген. Лукомскій, считавшійся «кадетствующимъ». Ниловъ на эти конфиденціальныя телеграммы отвѣчалъ, что сообщенія Тихановича получилъ и передалъ по назначенію, т. е. царю*). О возможности династическаго переворота говорила и записка Римскаго-Корсакова.

Часто хорошо информированный Палеологъ съ категоричностью записываетъ въ дневникъ, что въ дни, послѣдовавшіе за убійствомъ Распутина, Охран. Отд. было прекрасно освѣдомлено объ агитаціи, которая велась въ казармахъ, и что разслѣдованіемъ руководитъ Бѣлецкій**). Списки заговорщиковъ изъ среды моряковъ будто бы уже были въ рукахъ главнаго военно-морского прокурора, но дѣло не получило движенія потому, что сен. Виноградовъ сочувствовалъ перевороту. Хатисовъ передаетъ, что незадолго до февральскихъ событій онъ получилъ свѣдѣнія отъ одной фрейлины, проживавшей въ Тифлисѣ, что содержаніе его *«секретныхъ переговоровъ»* съ в. кн. Ник. Ник. стало извѣстно въ Петроградѣ. Говори-

---

*) Часть этого матеріала передана мною въ Пражскій Архивъ.

**) По словамъ Бѣлецкаго, царя, однако, не удавалось разубѣдить въ его довѣріи къ арміи. Объ агитаціи въ арміи, объ офицерскихъ кружкахъ, которые посѣщались и солдатами, дѣлалъ Николаю II особый докладъ и военный министръ ген. Бѣляевъ.

ли, что царь былъ освѣдомленъ объ этомъ ген. Климовичемъ? Откуда же могъ узнать послѣдній? Было бы интересно разъяснить такую загадку*).

Какъ видимъ, нити заговоровъ были дѣйствительно въ рукахъ правительства. А не только висѣла угроза, что вся подготовляемая махинація каждый день можетъ быть раскрыта (слова Хатисова). О возможности убійства царя вели между собой 4 января бесѣду не только гр. Коковцевъ и Палеологъ, не только царица-мать боялась, что Николаю II уготована судьба Павла — это говорили въ самомъ близкомъ окруженіи царя. Что можетъ быть болѣе характернаго той записи, которую дѣлаетъ придворный исторіографъ ген. Дубенскій: «Императрица М. Ѳ. говорила: Я вѣрю, что Господь помилуетъ Россію, и имп. А. Ѳ. должна устраниться. Какъ это будетъ — не знаю; но будетъ... Можетъ, А. Ѳ. сойдетъ окончательно съ ума, можетъ быть, пойдетъ въ монастырь или *вообще пропадетъ!*... Состоящій при М. Ѳ., кн. Шервашидзе сказалъ: «Я надѣюсь, что Николай-угодникъ спасетъ Россію, но сохранитъ ли онъ династію — я сомнѣваюсь». На допросѣ Дубенскій пояснилъ: «очень много говорили объ этомъ. Мнѣ самъ кн. Орловъ говорилъ, что нужно Императрицу куда нибудь убрать — въ Ливадію — куда хотите, но чтобы она тамъ жила, иначе это кончится величайшимъ крахомъ. Говорили и про монастырь, говорили *все то, что вы, вѣроятно, знаете*». Пріѣхавшій во второй половинѣ февраля ген. Спиридовичъ разсказываетъ Дубенскому, что въ самой резиденціи Государя... идутъ разговоры, что хотятъ Вырубову и Государыню убить»...

Чѣмъ же объяснить поразительную пассивность верховной власти? Что сдѣлало бы въ такомъ случаѣ правительство якобинское? — задавалъ себѣ какъ

---

*) Отмѣчу, что Бебутовъ имѣлъ сношенія съ Хатисовымъ.

то вопросъ по сравнительно мелкому поводу (студенческая демонстрація въ 1904 году во время войны) Левъ Тихомировъ. И отвѣчалъ: «истолкло бы въ порошокъ». Въ 1917 г., по словамъ Шляпникова, во время студенческой демонстраціи въ Москвѣ 12 января полиція предложила студентамъ хоть разъ пропѣть національный гимнъ... Власть въ 1917 г. была безсильна — поясняетъ Бѣлецкій: у правительства «не было людей твердыхъ, которые могли бы перейти на путь осуществленія борьбы»; полумѣры, противъ которыхъ боролись составители записки, вышедшей изъ праваго кружка Римскаго - Корсакова, не достигали цѣли. Можетъ быть, Бѣлецкій и правъ. Признакомъ падающей власти всегда является ея безсиліе въ критическій моментъ.

Но только отчасти это можетъ объяснить пассивность власти. Царь съ самаго начала войны и катастрофы — утверждаетъ Набоковъ — абсолютно не отдавалъ себѣ отчета въ роковомъ значеніи разыгрывающихся событій*). Едва ли это было такъ. Читатель, привыкшій уже къ установившимся взглядамъ, пожалуй, будетъ удивленъ, узнавъ, какую резолюцію положилъ Николай II на донесеніи Тихановича, полученномъ черезъ Нилова: во время войны общественныя организаціи трогать нельзя. Злоумышляющаго Гучкова, котораго наряду съ Керенскимъ царица такъ хотѣла бы повѣсить, царь повелѣлъ при докладѣ Штюрмера 16 сент. только предупредить, что онъ подвергнется высылкѣ изъ столицы. Когда Протопоповъ докладывалъ царю о сношеніяхъ Бьюкенена съ главарями блока и предлагалъ установить наблюденіе за англійскимъ посольствомъ, царь не одобрилъ предложеній Протопопова**). Что

*) Такое же утвержденіе дѣлается обычно и въ отношеніи революціи 1905 г. Это мало соотвѣтствовало дѣйствительности.

**) Это не помѣшало, однако, установить реальное на-

то препятствовало Николаю II во время войны вступить на путь «рѣшительной борьбы» съ общественностью. Мѣшало то глубоко заложенное въ немъ патріотическое чувство, которое диктовало резолюцію по дѣлу сахарозаводчиковъ (дѣло Добраго, Цѣхановскаго, Гепнера и др.): «Дѣло... прекратить... пусть... усердною работою на пользу родины они искупятъ свою вину, если таковая за ними была». Очевидно, не было фразой у царя то, что онъ говорилъ гр. Игнатьеву, подавшему въ отставку: для родины оставайтесь на своемъ мѣстѣ.

Пассивность порождала и особаго рода фатализмъ, на которомъ настаивалъ Дубенскій при допросѣ въ Слѣд. Комиссіи Вр. Прав. Между нимъ и Муравьевымъ произошелъ такой діалогъ.

Предсѣдатель: Чѣмъ вы объясняете эту пассивность? Поскольку выясняется особа и личность царя, онъ человѣкъ, который можетъ понимать...

Дубенскій. Онъ человѣкъ очень не глупый.

Предсѣдатель. Вотъ именно, это я и хотѣлъ сказать. Чѣмъ же объясняется, какими свойствами характера, что при нѣкоторомъ умѣ...

Дубенскій. Никакъ не могу объяснить его отношеніе. Это такой фаталистъ, что я не могу себѣ представить.

блюденіе за англійскимъ посольствомъ и посѣщающими его лицами. Е. П. Ковалевскій какъ-то назвалъ «легендой» совѣщанія русскихъ общественныхъ дѣятелей съ представителями англійскаго посольства. Едва ли приходится отрицать такія встрѣчи и взаимную информацію. Это, конечно, очень далеко отъ трафаретнаго въ нѣкоторыхъ кругахъ утвержденія, что англичане де подготовили революцію 17 г. Для Бьюкенена революція — это неизбѣжные безпорядки. Но, несомнѣнно, англійскій посолъ сочувствовалъ дворцовому перевороту: онъ такъ опредѣленно заявлялъ, что для Россіи было бы гораздо лучше, если бы «революція» пришла сверху.

Фатализмъ въ значительной степени заставлялъ идти за событіями. 12 января Бьюкененъ предупреждаетъ царя о грядущей революціи и гибели. Николай II былъ «видимо тронутъ» и, пожавъ руку англійскому послу, сказалъ: «Благодарю васъ, сэръ Джорджъ». «Ваше величество, спасайте себя» — взываетъ Родзянко въ послѣднемъ своемъ докладѣ 10 февраля... «Я васъ предупреждаю, я убѣжденъ, не пройдетъ и трехъ недѣль съ этого дня, какъ вспыхнетъ революція, которая смететъ Васъ, и Вы уже царствовать не будете»...

Эта «революція», можетъ быть и страшная, — какое то фатальное начало, устранить которое не въ предѣлахъ человѣческой воли. Ниловъ говорилъ всегда одно и то же: «Будетъ революція, все равно насъ всѣхъ повѣсятъ, а на какомъ фонарѣ, все равно». Царь родившійся въ день Іова Многострадальнаго, превращался въ своего рода «искупительную жертву». Такъ записалъ еще въ первую революцію Левъ Тихомировъ...

Вѣра въ грядущую революцію становится всеобщимъ гипнозомъ. Уже въ августѣ 15 г. въ Совѣтѣ Министровъ почти истерически кричатъ о революціи. Яхонтовъ записываетъ 18 авг.: «Если судить о положеніи дѣла по разговорамъ въ Совѣтѣ, то вмѣсто писанія исторіи, скоро придется повисѣть на фонарѣ». «Кровь завтра потечетъ по улицѣ, и Россія окунется въ бездну» — говоритъ Сазоновъ 2 сентября. Департаментъ Полиціи старается убѣдить власть, что до окончанія войны правительству нечего бояться. Но послѣ войны должно наступить неизбѣжное... «Послѣ войны — записываетъ ген. Селивачевъ 8 марта — революція была бы болѣе кровавая».

Эта психологія не только общества, но и самого правительства объясняетъ намъ причину, почему февральскіе дни съ такой легкостью превратились въ революцію.

2. *Неудавшаяся демонстрація.*

14 февраля — это дата несостоявшейся или, вѣрнѣе, неудавшейся въ Петроградѣ рабочей демонстраціи. Вокругъ этого факта такъ отчетливо проявились настроенія и ожиданія разныхъ политическихъ группъ, такъ ясно опредѣлилась ихъ тактика, что 14 февраля во всѣхъ отношеніяхъ можно считать предверіемъ и символомъ мартовскихъ событій.

Январь 1917 г. — время тревожныхъ ожиданій: «всѣ ждутъ какихъ то исключительныхъ событій и выступленій какъ съ той, такъ и съ другой стороны», —констатируютъ записи петроградскаго Охраннаго Отдѣленія о Государственной Думѣ. Эти ожиданія несомнѣнно связаны съ проектомъ, что Дума, послѣ предположенной антиправительственной демонстраціи, не подчинится указу о роспускѣ. Родзянко вспоминаетъ, что въ январѣ къ нему прибыли кн. Львовъ, Челноковъ и Коноваловъ, въ качествѣ представителей союзовъ, и требовали, чтобы онъ «пріѣхалъ въ Москву на ихъ общій съѣздъ и сталъ во главѣ движенія»*). Слова предсѣдателя Гос. Думы подтверждаютъ тѣ разговоры въ салонахъ Коновалова и Рябушинскаго, которые передавали правительственные информаторы, изображая дѣло такъ, что Государственная Дума по мысли прогрессистовъ должна превратиться въ своего рода «конвентъ»**). Мы знаемъ, что эти проекты вызвали довольно рѣшительную оппозицію и не вышли изъ стадіи предварительнаго обмѣна мнѣніями. Поэтому нѣтъ никакого основанія для утвержденія, которое дѣлаетъ комментаторъ ма-

*) Родзянко сейчасъ же оговаривается: «въ томъ смыслѣ, чтобы еще разъ гласно выразить желаніе о спасеніи страны».

**) О проектѣ перемѣщенія Думы въ Москву и публичнаго оказательства (нѣчто въ родѣ выборгскаго воззванія) — сообщаетъ и Каррикъ, всегда вращавшійся въ дѣйствовавшихъ общественныхъ кругахъ.

теріаловъ «Буржуазія наканунѣ революціи», что активное выступленіе въ видѣ дворцоваго переворота, пріуроченнаго къ ожидавшемуся роспуску Думы, не удалось. Такого рѣшенія не было, и разговоры были похоронены въ бюро прогрессивнаго блока при усиленномъ содѣйствіи не сочувствующаго активной тактикѣ Милюкова.

Все закончилось «брызгами пера» Амфитеатрова или иного фельетониста изъ «Русской Воли»:

Москва. Ну-съ...

Петроградъ. Трусъ... А вы-съ?...

Москва. Увы-съ...

Правительство убоялось и отсрочило засѣданія Думы на февраль. Оно готовило и проектъ манифеста о роспускѣ Думы. Составить его было поручено б. мин. внутреннихъ дѣлъ Маклакову. Послѣдній писалъ царю 9 февраля: «Смѣлымъ Богъ владѣетъ, Государь», и рекомендовалъ, «не теряя минуты», обсудить планъ дальнѣйшихъ правительственныхъ дѣйствій, чтобы «встрѣтить всѣ временныя осложненія».

Но жизнь не укладывалась въ рамки политической шахматной теоріи. При возбужденныхъ настроеніяхъ положеніе становилось катастрофическимъ. Алданову кажется, что послѣ 1921 г. историку «писать будетъ неловко» о продовольственныхъ затрудненіяхъ въ Петроградѣ въ качествѣ «причинъ революціи». Но нашъ беллетристъ-историкъ забываетъ, что голодъ населеніе переживаетъ болѣе или менѣе спокойно только при національномъ подъемѣ или при томъ ужасающемъ террорѣ, которымъ держится большевицкая власть. Ни того, ни другого не было наканунѣ революціи. И Деп. Полиціи не безъ основанія отмѣчалъ, что обозленныя массы пойдутъ за тѣми, кто ихъ накормитъ или даже только обѣщаетъ накормить. Позже статистикъ Громанъ въ засѣданіи Исп. Ком. 16 марта говорилъ, что «революція въ значительной степени вызвана начавшимся голодомъ».

Въ тогдашней конъюнктурѣ революціонная пропаганда должна была прививаться съ удивительной легкостью. Рабочая статистика отмѣчаетъ, что въ январѣ бастуетъ въ пять разъ больше рабочихъ, чѣмъ въ декабрѣ 16 г. Въ Петроградѣ число политическихъ стачекъ превышаетъ 117*) и привлекаетъ 142 тысячи участниковъ, въ то время, какъ экономическихъ стачекъ насчитываютъ 15 при 20 т. участниковъ. Популяризируется идея всеобщей забастовки протеста и общегородского стачечнаго комитета, который впослѣдствіи долженъ принять на себя функціи Совѣта рабочихъ депутатовъ.

Въ изображеніи политическаго сыска (докладъ мин. вн. дѣлъ 15 февраля) прогрессисты, стремясь заручиться поддержкой столичныхъ рабочихъ массъ ко дню открытія Думы, обратились за содѣйствіемъ къ рабочей группѣ Центральнаго военно-промышленнаго комитета, которая и приступила къ организаціи шествія рабочихъ къ Таврическому Дворцу для предъявленія депутатамъ требованія о «созданіи правительства народнаго спасенія». Въ виду этого 27 февраля рабочая группа была ликвидирована.

Арестъ, по свидѣтельству информаторовъ, вызвалъ большую «растерянность» у лидеровъ. Черезъ день состоялось совѣщаніе представителей союзовъ, думской оппозиціи и фракцій лѣваго крыла. Были нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта. Среди присутствующихъ освѣдомители отмѣтили Гучкова, Коновалова, Кутлера, проф. Зернова, Маргуліеса, кн. Друцкого, прис. пов. Переверзева (московскій военно-пром. комитетъ), депутатовъ Керенскаго, Чхеидзе, Милюкова, Аджемова, Караулова, Бубликова. На

*) Максимальная цифра за все время. Въ періодъ острыхъ октябрьскихъ стачекъ 16 г. цифра равнялась 115.

васѣданіи присутствовали уцѣлѣвшій отъ ареста представитель рабочей группы Абросимовъ и представители московской группы, рабочіе Девяткинъ и Черегородцевъ.

Выпукло представлено это собраніе въ докладѣ Охран. Отд. министерству внутреннихъ дѣлъ 31 января. Выступаетъ, конечно, Милюковъ. Его рѣчь и впечатлѣніе отъ нея излагаются въ такихъ словахъ: «Государственная Дума является сейчасъ центромъ вниманія всей страны. Лишь Государственная Дума должна и можетъ диктовать странѣ условія борьбы съ властью. Одна лишь она должна объединить всю эту борьбу и выдвигать для этого соотвѣтствующіе лозунги. Помимо Гос. Думы никто, ни одинъ классъ населенія, ни одна общественная группа не въ правѣ выставлять своихъ лозунговъ и самостоятельно начинать или вести означенную борьбу. Поэтому политика рабочей группы и рабочаго класса ему въ данномъ случаѣ совершенно непонятна».. «Присутствовавшіе, — продолжаетъ докладъ, — ожидавшіе услышать отъ Милюкова рѣзкую и горячую рѣчь, были положительно подавлены подобнымъ характеромъ его заявленія, такъ какъ всѣмъ ясно, что ораторъ какъ бы спѣшитъ уже теперь открещиваться отъ того, что затѣя, пропагандированная рабочей группой, выступленій въ день 14 февраля, фактически исходила изъ депутатскихъ думскихъ круговъ».

Милюкову всѣ возражаютъ — прежде всего противъ его позиціи, приглашавшей не поднимать излишняго шума по поводу ареста рабочей группы. Погибъ «собратъ» по борьбѣ, и союзъ долженъ сдѣлать соотвѣтствующіе выводы, — говорилъ Керенскій. «Гдѣ реальная политика Милюкова?» — спрашиваетъ Чхеидзе: « при такомъ положеніи вещей Милюковъ въ одинъ прекрасный день рискуетъ оказаться въ хвостѣ событій, такъ какъ.. во главѣ политическихъ выступленій... окажутся лишь одни рабочіе».

По предложенію проф. Зернова (отмѣтимъ, что это тесть Н. В. Некрасова) совѣщаніе рѣшаетъ собраться еще разъ (5 февраля) для того, чтобы выработать планъ болѣе рѣшительной борьбы съ правительственной властью, создать особый органъ (нелегальный) для оповѣщенія широкихъ массъ населенія и избранія особо законспирированнаго кружка, который игралъ бы роль руководящаго центра. Разговоры шли въ присутствіи Абросимова, который оказался впослѣдствіи провокаторомъ...

Объ этомъ засѣданіи упомянулъ въ своихъ показаніяхъ и Милюковъ. Память ему нѣсколько измѣнила, и ему казалось, что собраніе было созвано въ февралѣ для обсужденія вопроса о формѣ выраженія поддержки Государственной Думѣ рабочими кругами — проектировалось шествіе рабочихъ къ Таврическому Дворцу. «Я тогда высказался — говорилъ Милюковъ — противъ этой формы, указывая, что такое шествіе легко взять въ тиски и разстрѣлять. Весьма энергичнымъ защитникомъ этой формы являлся рабочій Абросимовъ... Такъ создавалась та атмосфера, которая вызвала меня на написаніе письма, приглашавшаго рабочихъ остаться спокойными и которое часто выставлялось противъ меня, какъ попытка предотвратить революціонную развязку. (Въ дни революціи Милюкову не нравилась уже такая концепція. С. М.). Я указывалъ въ этомъ письмѣ, что не слѣдуетъ выходить на улицу въ тотъ моментъ, когда зовутъ туда темныя силы. Въ дальнѣйшемъ оказалось, что это было время протопоповской затѣи и подготовки разстрѣла революціи пулеметами».

Вслушавшись въ рѣчи 29 января, надо признать, что позиція Милюкова оказалась довольно изолированной, и если онъ, дѣйствительно, написалъ свое письмо подъ вліяніемъ «атмосферы» на собраніи, то дѣлалъ это только за свой страхъ и отвѣтственность, недостаточно информировавшись о намѣреніяхъ тѣхъ соціалистическихъ группъ, которыя болѣе тѣс-

но и органически были связаны съ рабочимъ классомъ, чѣмъ лидеръ партіи к. д. Своимъ самостоятельнымъ выступленіемъ, дискредитируя заранѣе возможности демонстраціи, Милюковъ пытается парализовать тактику, съ которой онъ не соглашается. Шляпниковъ назвалъ письмо Милюкова «историческимъ документомъ». Пожалуй, что это такъ, но только въ этомъ документѣ Милюковъ проявилъ снова поразительную неосвѣдомленность.

Письмо появилось одновременно съ призывомъ ген. Хабалова къ рабочимъ, причемъ предостерегающій голосъ Милюкова могъ раздаться только съ согласія Хабалова, къ которому съ соотвѣтствующей просьбой обращался Родзянко. Командующій войсками, взывая къ «здравому смыслу» и къ «совѣсти», призывалъ рабочихъ не слушать преступныхъ подстрекателей, которые зовутъ къ «измѣнѣ»*). Милюковъ, въ свою очередь, нѣсколько наивно ссылаясь на то, что какой то неизвѣстный, называя себя Милюковымъ, велъ агитацію на фабрикахъ въ пользу уличнаго выступленія рабочихъ въ день возобновленія сессіи Государственной Думы 14 февраля съ требованіемъ болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій отъ Государственной Думы, предостерегающе указывалъ рабочимъ на то, что «дурные и опасные совѣты... исходятъ изъ самаго темнаго источника. Послѣдовать этимъ совѣтамъ, — значитъ сыграть въ руку врага». Милюковъ призывалъ не принимать участія въ демонстраціи 14 февраля, — такимъ образомъ, «коварный замыселъ не удастся». Въ провокаціи Милюковъ не сомнѣвался, причемъ уже въ историческомъ обзорѣ выдаетъ свою точку зрѣнія за «общественное мнѣніе». Нѣмцы и

---

*) Любопытна запись Каррика, — кухарка принесла ему сообщеніе съ рынка, что царь зоветъ всѣхъ рабочихъ 14-го къ Государственной Думѣ, гдѣ онъ будетъ говорить о мирѣ.

протопоповская полиція — вотъ откуда, по его мнѣнію, шли «директивы».

Я отнюдь не склоненъ отрицать ни подпольной агитаціи нѣмецкихъ агентовъ, ни провокаторской работы Деп. Полиціи. Тѣ анонимныя прокламаціи съ призывомъ къ выступленію, которыя показывалъ Милюковъ въ декабрьскую сессію Гос. Думы и происхожденія которыхъ не знали «лидеры соціалистическихъ партій», могли быть сомнительнаго происхожденія.

Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о совершенно опредѣленномъ выступленіи 14 февраля, призывы къ которому нельзя назвать анонимными. Расходившіеся по заводамъ листки «безъ подписи» были листками такъ назыв. «рабочей группы», и это было извѣстно. На рабочихъ митингахъ выступали «гвоздевцы», т. е. тѣ изъ с.-д. «оборонцевъ», или «ликвидаторовъ», которые въ годы войны занимали наиболѣе правыя позиціи и поддерживали оппозиціонныя выступленія буржуазіи»*).

Есть ли въ этомъ хоть какое либо сомнѣніе? Очень видный меньшевикъ-оборонецъ, Маевскій, говоритъ: «Въ концѣ 1916 г. «Рабочая группа» оказалась въ трудномъ, почти трагическомъ положеніи. Поэтому «Раб. группа» рѣшилась на ге-

*) Поддержка эта была, конечно, весьма относительна, и рабочая группа далеко не солидаризировалась съ настроеніями «буржуазіи». Возражая Гучкову при выборахъ въ Ц. Воено-Пр. Комитетъ въ концѣ 16 г., Гвоздевъ такъ охарактеризовалъ международную позицію своихъ единомышленниковъ: «для рабочей Россіи нежелателенъ разгромъ ни Россіи, ни Германіи». Эта точка зрѣнія и была проведена въ принятой резолюціи. Дѣлая «виновникомъ военныхъ бѣдствій... безотвѣтственное правительство», резолюція долю отвѣтственности во внутренней политикѣ возлагала также и на Госуд. Думу и на политическія партіи, составлявшія ея большинство и поддерживавшія «режимъ военной диктатуры», скрывая отъ народа правду и не находя мужества искать въ немъ опору для рѣшительной борьбы съ режимомъ, который ведетъ страну къ гибели.

роическій шагъ. Она постановила и утвердительно рѣшила вопросъ о вызовѣ рабочихъ Петрограда на улицу къ Государственной Думѣ. Это движеніе должно было стать, съ одной стороны, публичной демонстраціей..., съ другой, — своего рода петиціоннымъ движеніемъ, мирнымъ, но съ революціонными лозунгами во имя спасенія страны, что могло вызвать сочувствіе со стороны широкихъ нерабочихъ слоевъ населенія». Противъ обвиненій въ «провокаціи» тогда же протестовалъ въ Гос. Думѣ с.-д. Скобелевъ.

Могли ли быть сомнѣнія, даже передъ 14 февраля, когда въ воззваніи самой «Рабочей группы» 24 января такъ опредѣленно говорилось: « къ моменту открытія Думы мы должны быть готовы на общее организованное выступленіе. Пусть весь рабочій Петроградъ, къ открытію Думы, заводъ за заводомъ, районъ за райономъ, дружно двинется къ Таврическому дворцу, чтобы тамъ заявить основныя требованія рабочаго класса и демократіи. Вся страна и армія должны услышать голосъ рабочаго класса».

Интересными подробностями дѣлится въ своихъ воспоминаніяхъ Шляпниковъ. Въ теченіе января и въ началѣ февраля — разсказываетъ онъ — я имѣлъ нѣсколько свиданій съ Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенскимъ. Нѣкоторыя свиданія были у Н. Д. Соколова, а февральское у прис. повѣр. Гальперина... Не имѣя никакого интереса стать игрушкой въ буржуазныхъ рукахъ, я не шелъ ни на какое формальное соглашеніе... Собраніе у Гальперина было посвящено предполагавшемуся выступленію въ день открытія Государственной Думы. На немъ присутствовали: отъ фракціи меньшевиковъ Чхеидзе, Скобелевъ; отъ соц.-революціонеровъ — Керенскій и Александровичъ...*). Тамъ же присутствовали Соколовъ, хозяинъ

*) Будущій лѣвый с.-р., служившій уже тогда, по словамъ Шляпникова, непосредственной связью между «черновцами» и большевиками.

квартиры, и еще нѣсколько человѣкъ... Я сообщилъ... что наше офиціальное отношеніе къ либеральному движенію въ пользу «правительства спасенія страны» за поддержку Думы и зовущее рабочихъ къ единенію съ ней — отрицательно... Мое заявленіе вызвало горячее возраженіе со стороны Керенскаго... всѣ вмѣстѣ просили меня дать отвѣтъ на то, какъ мы намѣрены держаться по отношенію къ движенію 14-го февраля. Само собой разумѣется, заявилъ я, мы не будемъ препятствовать выступленію 14 февраля, въ этотъ день сами поведемъ агитацію за другіе лозунги, но поддерживать хожденіе къ Думѣ своимъ авторитетомъ не будемъ. Большевики желали уличнаго выступленія, но подъ другими лозунгами: «вмѣсто хожденія къ Таврическому дворцу съ резолюціями въ Думу, мы выдвинули предложеніе идти на Невскій съ нашими требованіями подъ краснымъ знаменемъ революціи» — однимъ ударомъ смести Государственную Думу и царское самодержавіе*). На призывы «Рабочей группы» ополчились и нѣкоторыя другія соц.-демократическія фракціи, полагавшія вредными спайку «освободительнаго движенія рабочаго класса съ оппозиціонной борьбой буржуазіи и Государственной Думы». Въ своихъ выступленіяхъ большевицкіе ораторы говорили еще проще: демонстрація 14 февраля организуется правительствомъ.

Намѣченная демонстрація въ широкомъ масштабѣ была разстроена. «Намъ удалось одержать побѣду только наполовину — говоритъ Шляпниковъ — массы не пошли къ Думѣ, устроили забастовку, но также не пошли и на Невскій». Милюковъ себѣ приписалъ побѣду: «предостереженіе рабочихъ... достигло своей цѣли». Керенскій, встрѣтивъ нѣсколь-

*) Большевики днемъ выступленія предлагали 10 февраля — день годовщины суда надъ соц.-дем. депутатами.

ко дней спустя Шляпникова, воскликнулъ: «Вы разбили подготовленное съ такимъ трудомъ движеніе демократіи. Вы сыграли на руку царскому правительству».

Съ другой стороны, большинство Думы устами Милюкова — утверждаетъ Керенскій въ своихъ воспоминаніяхъ — грубо отвергло поддержку, которая была ему предложена рабочимъ классомъ. «Дума вмѣстѣ съ властью — заявилъ Керенскій въ засѣданіи 17 февраля — раздѣляетъ страхъ передъ рабочимъ классомъ».

Такъ расходятся современники въ оцѣнкѣ событій, ихъ происхожденія и ихъ историческаго смысла*).

Демонстрація 14 февраля всетаки состоялась, и наблюдатели изъ Охр. Отд. должны были отмѣтить явленіе, привлекшее «общее вниманіе толпы» — «если можно такъ выразиться, массовое участіе офицерскихъ чиновъ, преимущественно прапорщиковъ, болѣе чѣмъ усердно распѣвавшихъ вмѣстѣ со студентами «марсельезу». Это знаменовало, по выраженію одного изъ освѣдомителей, уничтоженіе въ военное время средостѣнія между «казармой» и «улицей», — явленіе, которое въ значительной мѣрѣ можно было отмѣтить при всякаго рода «усмиреніяхъ» и демонстраціяхъ уже въ 1916 г.**).

---

*) Едва ли надо даже говорить, что офиціальное опроверженіе Ц. Воен.-Пр. Ком. правительственнаго сообщенія объ арестѣ рабочей группы, подготовлявшей политическое движеніе, а равно и рѣчь А. И. Коновалова въ Гос. Думѣ о непониманіи правительствомъ истинныхъ намѣреній рабочаго класса и фантастическихъ обвиненій ему предъявляемыхъ, слѣдуетъ отнести къ обычнымъ тактическимъ пріемамъ борьбы и агитаціи. Правительственное сообщеніе соотвѣтствовало дѣйствительности.

**) Напр., въ петербургской демонстраціи 9 января треть участниковъ по наблюденіямъ очевидцевъ приходится на солдатъ.

3. «Чудище обло».

8 февраля, въ связи съ пріѣздомъ Думерга, Палеологъ устраиваетъ завтракъ, къ которому приглашаются ген. Поливановъ, нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта и лидеры к.-д. фракціи въ Гос. Думѣ. Разговоры вращаются около политики. Думергъ пытается охладить нѣсколько излишній, по его мнѣнію, пылъ русскихъ политиковъ въ борьбѣ съ царизмомъ и рекомендуетъ выжидательность. При одномъ этомъ словѣ Милюковъ и Маклаковъ вскипѣли: «довольно терпѣнія!.. оно истощено у насъ. Если мы не будемъ дѣйствовать, массы насъ больше не будутъ слушать». Маклаковъ вспоминаетъ слова трибуна французской революціи Мирабо. «Я говорю о терпѣніи, а не о покорности», — возражаетъ Думергъ: «прежде всего не забывайте о войнѣ».

Такова сцена, занесенная въ дневникъ Палеолога. П. Н. Милюковъ въ эти дни проявляетъ во внѣшнихъ своихъ выступленіяхъ исключительную выдержанность — только на интимномъ завтракѣ у посла его настроенія могли показаться революціонными. При открытіи новой сессіи Думы Милюковъ ограничивается обычными предостереженіями: «обыватель становится гражданиномъ — говоритъ онъ 15 февраля — и объявляетъ, что отечество въ опасности и что онъ желаетъ взять его судьбы въ собственныя руки. Мы приближаемся къ этой послѣдней точкѣ». Революція грядетъ, а «правительственная» позиція лидера прогрессивнаго блока мало измѣняется. Ему не улыбается перспектива, что обыватель, превратившійся въ гражданина, возьметъ судьбы отечества въ свои руки: для того и существуетъ Государственная Дума, чтобы народъ молчалъ. Говорить должна Дума, только Дума. Въ этомъ отношеніи Милюковъ, повидимому, доходилъ до такой крайности, что, по утвержденію Шляпникова, въ извѣстномъ намъ засѣданіи 29 января по поводу ареста «рабо-

чей группы» при Воен.-Пр.-Комитетѣ, высказывалъ удивленіе, что «Воен.-Пр.-Комитетъ стоитъ еще на старой точкѣ зрѣнія, согласно которой общественныя организаціи, подобныя земскому Союзу, Союзу городовъ и Воен.-Пр. Комитету могутъ играть политическую роль». По мнѣнію Милюкова, «такую точку зрѣнія слѣдовало бы давно оставить. Союзы должны заниматься исключительно тѣми культурно-техническими задачами, для которыхъ они созданы». Вѣроятно, П. Н. Милюковъ не высказывался такъ грубо, прямолинейно и цѣликомъ не солидаризировался съ точкой зрѣнія б. министровъ внутреннихъ дѣлъ Маклакова или Штюрмера. Но то, что «руководство политической жизнью должно остаться у единаго въ настоящее время прогрессивнаго блока», было дѣйствительно idée fixe Милюкова — въ дни революціи онъ опредѣленно отвѣтилъ Суханову: к.-д. безъ блока ничего не могутъ предпринять.

«Ощущеніе близости революціи такъ страшно» — утверждаетъ Шульгинъ — «что кадеты въ послѣднюю минуту стали какъ то мягче». Онъ вспоминаетъ, что передъ открытіемъ послѣдней Думы ему было поручено составить «формулу перехода». Онъ написалъ, но формула показалась всѣмъ слишкомъ рѣзкой, и Милюковъ призналъ, что «въ настоящую минуту такая формула нежелательна». Приняли формулу Милюкова «болѣе скромную». Въ противоположность Шульгину, я думаю, что эта тактика наканунѣ революціи диктовалась скорѣе отсутствіемъ ощущенія наступающей политической грозы.

О «революціи» говорили всѣ, говорили, пожалуй, слишкомъ много. Въ революціи былъ увѣренъ тогдашній прокуроръ московской судебной палаты Н. Н. Чебышевъ (воспоминанія въ «Возрожденіи»); «Мы идемъ къ пропасти... Революція это гибель» — взывалъ къ Шульгину Шингаревъ, вызвавшій 8 января телеграммой въ Петроградъ кіевскаго депутата. Коноваловъ, въ свою очередь, налѣво и направо го-

ворить о стихійной, кровопролитной внутренней войнѣ, которая будетъ протекать безъ центральнаго руководства. Еще осенью распространяются слухи о мѣстныхъ переворотахъ въ Москвѣ, Харьковѣ и т. д. Изъ провинціи запрашиваютъ о «революціи» Петроградъ («Бюлл. Раб. Гр.»). Слухи ползутъ изъ «темныхъ источниковъ» и мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Но слухи доходятъ даже до шлиссельбургской каторжной тюрьмы.

Всѣ ждали революціи, и она оказалась неожиданной для всѣхъ. П. Н. Милюковъ не любитъ репутаціи, отрицающей за нимъ прозорливость. Post factum онъ пытается представить дѣло такъ, что революцію ждали, но не предвидѣли, что именно февральское стихійное движеніе («хулиганское движеніе, мальчишки и дѣвченки бѣгаютъ и кричатъ, что у нихъ нѣтъ хлѣба», — по выраженію Алекс. Ѳеод. въ письмѣ къ мужу 25 февраля) приведетъ къ крушенію государственнаго режима. Нѣтъ, надо признать, что стихійное «чудище обло» навалилось негаданно, и всѣ оказались въ состояніи растерянности и неподготовленности.

Самое большое, чего ждали, это то, что какіе то неизвѣстные благодѣтели разрубятъ гордіевъ узелъ дворцовымъ переворотомъ. «Противъ *идеи* получить отвѣтственное министерство революціоннымъ путемъ — пишетъ въ «Исторіи» Милюковъ — парламентское большинство боролось *до конца.* Но, видя, что насильственный путь неизбѣженъ, пошли на переворотъ сверху». Переворотъ запоздалъ, и «событія 26 и 27 февраля застали насъ врасплохъ» — свидѣтельствовалъ Милюковъ передъ Чр. Слѣдств. Комиссіей Вр. Пр. Либеральные слои общества, не замѣшанные въ «заговорахъ», еще меньше ожидали наступившихъ событій. «Еще 26 февраля мы были далеки отъ мысли, что ближайшіе два-три дня принесутъ съ собою колоссальныя, рѣшающія событія всемірно - историческаго значенія» — вспоминаетъ

Набоковъ настроенія, которыя царили въ воскресенье въ квартирѣ Гессена, гдѣ обычно въ этотъ день собирались друзья и знакомые. Мансыревъ и 27-го не предвидѣлъ ничего необычайнаго и видѣлъ въ Думѣ только «смятеніе и растерянность», «недоумѣніе и негодованіе» передъ неожиданнымъ роспускомъ. Членъ Г.Д. Черносвитовъ (к.-д.) увѣрялъ въ редакціи газеты «Оборона», что, по мнѣнію членовъ Г. Д., никакой революціи нѣтъ (запись Каррика).

Когда началась «стихійная», она оказалась столь же неожиданной и для лѣвыхъ — «для всѣхъ полнѣйшей неожиданностью», какъ выразился Зензиновъ въ своихъ запискахъ «Изъ жизни революціонера». «Ничего, казалось, не предвѣщало грозы» — начинаютъ свое повѣствованіе отъ 22 февраля соціалистическіе авторы «Хроники февральской революціи» (Заславскій и Канторовичъ): «Правда, на заводахъ происходило броженіе, а собиравшаяся въ хвостахъ у лавокъ толпа проявляла озлобленное настроеніе, но въ этомъ ничего не было необычайнаго. Поверхность политической жизни была гладка и ровна. Въ Гос. Думѣ тянулись пренія по продовольственному вопросу. Скобелевъ и Керенскій грозили грядущей революціей, но это были академическія угрозы, и въ рѣчахъ ораторовъ гнѣвное безсиліе боролось съ захлестывающей апатіей. Газеты, придавленныя военной цензурой, были безжизненны и пусты». Черезъ два дня составители «Хроники» дополняютъ картину: «партійныя организаціи были раздроблены, безсильны и не поспѣвали за бурно поднимающимся народнымъ движеніемъ. Общественные дѣятели, близкіе къ депутатамъ - соціалистамъ, сдѣлали попытку сойтись на квартирѣ Н. Д. Соколова — и не сошлись. Заходили другъ къ другу, встрѣчались у М. Горькаго, толкались въ редакціяхъ, передавали слухи, одинъ другого диковиннѣе, и ничего не дѣлали. Настроеніе становилось еще болѣе воз-

бужденнымъ у однихъ, все болѣе тревожнымъ — у другихъ».

Составители «Хроники» ошиблись. 26 февраля у Керенскаго происходило, какъ это знало Охр. Отд., «засѣданіе информац. бюро» лѣвыхъ партій*). Въ засѣданіи, по словамъ Керенскаго, присутствовали представители всѣхъ соціалистическихъ партій до большевиковъ включительно, причемъ самые ярые будущіе революціонеры утверждали, что революціонное движеніе идетъ уже на убыль. Аналогичное представленіе вынесъ и присутствовавшій Станкевичъ — «правительство побѣдило». Такой выводъ былъ естествененъ, такъ какъ люди оцѣниваютъ дѣйствительность всегда съ точки зрѣнія своихъ плановъ и обманываются собственными предположеніями и разсчетами. Революціонныя группы, ослабленныя войной, и раньше считали открытые выступленія «неосуществимыми», поэтому ни одна изъ нихъ не искала выхода въ этотъ моментъ революціи, и «революція — по признанію Мстиславскаго — застала насъ, тогдашнихъ партійныхъ людей, какъ евангельскихъ неразумныхъ дѣвъ, спящими». Такой чистой воды «революціонеръ», какъ Мстиславскій, въ самый разгаръ революціи, все еще продолжалъ сомнѣваться: да подлинно ли революціонна атмосфера.

Большевицкіе дѣятели не могутъ согласиться съ утвержденіемъ меньшевика интернаціоналиста Суханова, что ни одна партія не готовилась къ «великому перевороту». Приближеніе бури революціи для нихъ было «ясно видимо наперекоръ сопротивленію буржуазіи и оборонческихъ элементовъ интеллигенціи» еще въ концѣ шестнадцатаго года. Но никто изъ нихъ не пытался намѣтить «плана революціи», никто

*) Состоялось и собраніе у Соколова, носившее, по выраженію Суханова, «совершенно случайный» характеръ.

не далъ призывного сигнала 23 февраля, никто въ этотъ день еще не предвидѣлъ, что наступилъ «рѣшительный бой» (Шляпниковъ). «Стихійная» началась сама по себѣ, и большевикамъ оставалось только вмѣшаться въ гущу начавшихся рабочихъ выступленій. Увѣренности и у нихъ не было. И въ ихъ средѣ, а не только членовъ «рабочей группы» Воен. Пр. Комитета, раздавались убѣжденные голоса, что пора ликвидировать забастовку. Казалось, что правительство дѣйствительно побѣдило.

«Они — революціонеры, не были готовы, но она — революція была готова. Ибо революція только наполовину создается изъ революціоннаго напора революціонеровъ. Другая ея половина, а, можетъ быть, три четверти — состоитъ въ ощущеніи властью своего собственнаго безсилія». Цитата взята у Шульгина. Онъ не все сказалъ. Стихія рождается и въ силу непредусмотрительности и безотвѣтственности тѣхъ, которые ставятъ своей задачей обойти «рокъ» и избавить страну отъ революціи. Ошибки людей иногда бываютъ пагубны. Иллюстраціи къ этому положенію мы могли встрѣтить не разъ на предшествующихъ страницахъ.

«Революція подготовилась и организовалась внѣ стѣнъ Таврическаго дворца» — скажетъ впослѣдствіи Родзянко, видѣвшій въ «стихійной» планомѣрное осуществленіе плана революціонной демократіи. Мы видѣли, какими большими оговорками приходится сопровождать подобное утвержденіе. «Революція пришла никѣмъ не желанная, никѣмъ не подготовленная» — будетъ утверждать другой активный дѣятель февральскихъ дней, членъ Думы Бубликовъ. Пытается отстранить отъ партіи к.-д. всякую вину въ событіяхъ, вызванныхъ паденіемъ старой власти, баронъ Нольде въ воспоминаніяхъ о В. Д. Набоковѣ.

«Партія употребляла всѣ усилія, чтобы спасти Россію отъ революціи, къ которой фатально вели другіе факторы» — вновь и вновь пытается доказать П. Н. Милюковъ («Совр. Записки» XLI). Поскольку играетъ роль человѣческая воля, не на партіи к.-д. лежитъ отвѣтственность за невѣрное направленіе историческаго процесса. «Не наша вина — писалъ Милюковъ въ статьѣ «Старый подлогъ» — что неопытные мореходы сажали корабль на подводные камни».

Какъ разрѣшить споръ исторіи? Согласится ли она съ заключительными словами Маклакова въ предисловіи къ французскому изданію матеріаловъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи Временнаго Правительства: исторія, отдавъ должное добрымъ намѣреніямъ либеральныхъ круговъ русскаго общества, отнесется къ нимъ суровѣе, чѣмъ ихъ несчастные современники? Не произнесетъ ли она и по отношенію къ нимъ тѣ слова, которыя Бьюкененъ сказалъ о революціонномъ правительствѣ эпохи Керенскаго: утерянная возможность. Они могли спасти страну, но не спасли. Могли ли? Я этого не знаю. Но я согласенъ съ выводами департаментскихъ агентовъ: «либеральная буржуазія», не отдавая себѣ отчета, сама подчасъ вызывала «призракъ революціи». Информаторы Охр. Отд. передаютъ характерныя слова одного виднаго банковскаго дѣятеля на собраніи финансистовъ: погромы и революція дадутъ остыть народному гнѣву....

Много причинъ привели Россію къ революціи. Должна ли «безпристрастная исторія» отыскивать виновныхъ, и найдутся ли такіе? Философы исторіи будутъ искать корни въ глубокомъ прошломъ русскаго народа и, быть можетъ, за много десятилѣтій до революціи найдутъ тѣ основы развернувшагося кризиса, которыя не давали надежды на мирный исходъ. Изъ ихъ изысканій мы узнаемъ, напр., что «амморализмомъ была поражена болѣе или менѣе

вся Россія» (Федотовъ. «Революція идетъ». «Совр. Записки»). Логическія соображенія никогда, однако, не убѣждаютъ, если они не основаны на фактахъ. Ихъ нѣтъ и въ «надзвѣздной романтикѣ» Степуна, отыскивающаго «религіозный смыслъ» русской революціи. Я не думаю, чтобы когда нибудь книжные кудесники сумѣли дѣйствительно доказать, что «русскій *народъ* возсталъ на царя и Бога во славу Маркса и интернаціонала». Не знаю, сумѣютъ ли они представить русскую революцію и грандіознымъ экспериментомъ reductio ad absurdum, нигилизма, безвѣрія и «секуляристическаго начала» (Франкъ въ «Русской Мысли»).

Всѣ эти тонкости человѣческаго ума, игра мысли и воображенія не объяснятъ намъ ни хода февральской революціи, ни причинъ ея происхожденія. Является ли февральскій переворотъ «зрѣлымъ плодомъ, упавшимъ отъ тяжести», какъ говорилъ Гучковъ 8 марта 17 г. на митингѣ представителей торговли и промышленности; является ли онъ завершеніемъ «неизбѣжнаго историческаго процесса», какъ думаетъ Деникинъ, — во всякомъ случаѣ для объясненія февральскихъ дней нѣтъ надобности искать ни марки made in Germany*), ни провокаторской руки Протопопова. Послѣднюю легенду такъ же легко разрушить, какъ и всѣ другія, но это уже исторія февральскихъ дней, которая можетъ быть разсмотрѣна только особо.

Что произошло въ февральскую революцію? Произошло то, что, по вѣрному замѣчанію Шульгина, во всемъ огромномъ городѣ нельзя было найти

---

*) Не только для Милюкова, но и для Струве русская революція задумана и подстроена Германіей («Размышленія о русской революціи»).

нѣсколько сотенъ людей, которые бы сочувствовали власти. «Керенскій сказалъ много правды ,и всѣ мы думаемъ о многомъ, какъ онъ» — писала Родзянко З. М. Юсуповой 12 февраля. «Дѣятели прежняго правительства возстановили всѣ классы» — подводитъ какъ бы итогъ ген. Лукомскій въ письмѣ къ Каледину въ первые дни наступившей уже революціи. Вотъ символъ настроеній широкихъ круговъ. Могла ли при такихъ условіяхъ удасться «мировая» прогрессивнаго блока съ правительствомъ — попытка, о которой мы уже упоминали и о которой разсказывалъ и Протопоповъ въ показаніяхъ передъ Слѣдственной Комиссіей Вр. Пр.. Родзянко, стоявшій нѣсколько далеко отъ прогр. блока, не былъ, очевидно, освѣдомленъ объ этихъ начавшихся закулисныхъ переговорахъ; по крайней мѣрѣ, въ показаніяхъ Сл. Ком. онъ изображаетъ дѣло такъ, что послѣдній предсѣдатель Сов. Мин. кн. Голицынъ просилъ его устроить 25-го совѣщаніе членовъ правительства съ лидерами партій для того, чтобы устроить «мировую».

Для характеристики момента гораздо болѣе знаменательна обстановка, при которой протекало созванное 26 февраля въ Городской Думѣ совѣщаніе о введеніи карточной системы на хлѣбъ. Собраніе сейчасъ же приняло характеръ «памятныхъ по 1905 году революціонныхъ митинговъ» Среди другихъ выступаетъ М. В. Бернацкій, увѣренный въ томъ, что, если и «утолить голодъ», все равно начавшееся движеніе не остановится, а «валомъ докатится до конца». Поддерживая рабочихъ, ораторъ предлагаетъ всѣмъ «дѣлать свое дѣло явочнымъ порядкомъ». Въ это время появляется Керенскій, и аудиторія встрѣчаетъ его «бурными аплодисментами»...

Общество и народъ на короткій мигъ какъ бы сливаются. Всякія хитроумныя политическія комбинаціи оказываются уже запоздавшими. Это и называется революціей. Происходитъ братаніе народа и ар-

міи. Рождается энтузіазмъ, скороспѣлый, можетъ быть, наносный, искусственно вызванный, но все же стихійный. Повторяется на другой почвѣ, въ другой обстановкѣ патріотическій угаръ дней объявленія войны. Военная власть не предвидѣла опасности перехода запасныхъ батальоновъ на сторону рабочихъ, и Петроградъ въ началѣ 17 г. былъ превращенъ въ крупную резервную базу для сѣверо - западнаго фронта. Правительство не обратило достаточнаго вниманія на замѣчаніе гр. Игнатьева въ Совѣтѣ Министровъ еще въ августѣ 15 г.: армія перестала быть арміей, а превратилась въ вооруженный пародъ. И произошло то, что предсказывалъ Бьюкененъ въ преддверіи 17 г.: если будутъ безпорядки, войска не будутъ стрѣлять.

Никто уже не могъ руководить стихіей — ей легче было потворствовать. На демагогіи дѣлается политическая карьера — не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыхъ партій. Въ исторіи, однако, нѣтъ фатализма. Поэтому никакая стихія не можетъ оправдать тѣхъ, кто въ революціонную бурю взялись вести государственный корабль. Правъ въ этомъ отношеніи былъ Арцыбашевъ, сурово судившій современниковъ. Званные гости, на пиру, уготованномъ судьбою, не выполнили предназначенной имъ миссіи. Они всѣ на первыхъ порахъ, сознательно или безсознательно, потакали стихіи и курили фиміамъ великой безкровной русской революціи. Лидеръ прогрессивнаго блока, какъ и другіе, быстро смѣнилъ свою прежнюю «правительственную» тогу, принялъ революцію и воздвигъ ей пьедесталъ. Милюковъ рѣшительно возражалъ Набокову на утвержденіе послѣдняго, что одной изъ основныхъ причинъ стихійной революціи являлось утомленіе войной, нежеланіе ее продолжать. Для Милюкова революція становилась положительнымъ факторомъ для войны. Изъ увлеченія этой фикціей вытекала прямолинейная политика перваго министра иностранныхъ дѣлъ революціон-

наго правительства, которая расширяла и такъ уже обострявшіяся соціальныя противорѣчія революціи...

Книга судебъ — сказалъ кто-то — не открываетъ своихъ страницъ передъ глазами даже прозорливыхъ современниковъ. Глубокой исторической фальшью звучитъ въ наше время концепція, утверждающая, что революція была сдѣлана во имя войны, выставляющая руководящей идеей революціи 17 года побѣду надъ германскимъ имперіализмомъ (рѣчь Гучкова въ Гос. Совѣтѣ). Перефразируя слова предсѣдателя Чр. Сл. Комиссіи Вр. Пр. Н. К. Муравьева, можно сказать, что для успѣха войны нельзя было смѣнять власть. «Переворотъ» дезорганизовывалъ, а не организовывалъ побѣду. Неизвѣстно еще — выдержала бы Россія четвертую зиму войны, но извѣстно, что она не выдержала испытаній стихійной революціи во время войны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. *Н. Авдѣевъ.* Революція 1917. Хроника Событій т. I.
2. *М. Алдановъ.* Третье марта (юбилейный сборникъ въ честь Милюкова).
3. *А. Амфитеатровъ.* Мое масонство («Сегодня» 6 іюля 30 года).
4. *Д. Баевскій.* Партія въ годы имперіалистической войны (въ изданіи «Очерки по исторіи окт. революціи» т. I.)
5. *А. Бартъ.* На фронтѣ артиллерійскаго снабженія. («Былое» № 34.)
6. *Н. А Бородинъ.* Идеалы и дѣйствительность.
7. *А. Брусиловъ.* Мои воспоминанія.
8. *А. Бубликовъ.* Русская революція.
9. *Дж. Бьюкененъ.* Моя миссія въ Росссіи.
10. *Р. Вельскій.* Синяя птица («Сегодня» 1930 года, № 150)
11. *I. Гелосъ.* Революціонная пропаганда въ арміи («Кр. Арх.» XVII.)
12. *Э. Генкина.* Февральскій переворотъ (въ изд. «Очерки по исторіи окт. рев.», т. II)
13. *З. Гиппіусъ.* Синяя книга. Петербургскій дневникъ 1914-18 г.
14. *Н. Головинъ.* Къ исторіи кампаніи 1914.
15. *Б. Граве.* Буржуазія наканунѣ февральской революціи.
16. *В. Гурко.* Царь и царица.
17. *Ю. Даниловъ.* Россія въ міровой войнѣ.

18. *Ю. Даниловъ.* В. Кн. Николай Николаевичъ.
19. *И. Демидовъ.* Три революціонера. («Звено» № 219)
20. *И. Демидовъ.* Міровая война и русская революція (отчетъ о докладѣ въ «Посл. Нов.»)
21. *А. Деникинъ.* Очерки русской смуты, т. I.
22. *В. Дзюбинскій.* Настроенія арміи передъ февральской революціей. («Кр. Арх.» IV)
23. *В. Дзюбинскій.* Ген. Алексѣевъ и общественныя организаціи. («Кр. Арх.» IV)
24. *Дневникъ имп. Николая II* за 1916-1917. («Кр. Арх.» XX)
25. *Дневникъ* Министерства Ин. Д. за 1915-16 г.г. («Кр. Арх.» XXXI-XXXII).
26. *П. Дурново.* Записка. («Кр. Нов.» 1924. № 6).
27. *Д. Заславскій.* А. Д. Протопоповъ («Былое» № 23).
28. *Заславскій и Канторовичъ.* Хроника февр. революціи, т. I.
29. *В. Каррикъ.* Война и революція («Гол. Мин.» 1918 г. №№ 4-6; 7-9).
30. *A. Kerensky.* La Revolution Russe.
31. *Къ исторіи* убійства Гр. Распутина (Письма Юсупова. «Кр. Арх.» IV).
32. *Б. Кругляковъ.* Диспозиція «Комитета Народн. Спасенія». («Кр. Арх.» XXVI).
33. *М. Кусторубовъ.* Вино власти. («Русск. Вр.» 28 г. февраль).
34. *П. Курловъ.* Гибель императорской Россіи.
35. *А. Куропаткинъ.* Изъ дневника («Кр. Арх.» XX).
36. *М. Лемке.* 250 дней въ Царской Ставкѣ.
37. *Ю. Ломоносовъ.* Воспоминанія о мартовской революціи.
38. *И. Лукашъ.* Преображенцы. Изд. Вр. Ком. Гос. Думы.
39. *А. Лукомскій.* Воспоминанія.

40. *W. Maklakoff.* Preface aux Interrogatoires par la Com. Ext. du Gouv. Prov. de 1917.
41. *Марія Павловна в. кн.* Объ убійствѣ Распутина. («Сегодня» 30 г. 15 іюня).
42. *С. Мансыревъ.* Мои воспоминанія о Гос. Думѣ. («Ист. и Совр.» 1922, кн. II и III).
43. *Е. Мартыновъ.* Конференція союзниковъ въ Петроградѣ въ 1917 г. («Кр. Арх.» XX).
44. *П. Милюковъ.* Исторія второй революціи. Вып. I.
45. *П. Милюковъ.* Россія на переломѣ, т. I
46. *П. Милюковъ.* Г. Гурко и новѣйшая исторія Россіи. («Посл. Нов.» 24 г.)
47. *П. Милюковъ.* Первый день. («Посл. Нов.» 27 г. 12 марта).
48. *П. Милюковъ.* Старый подлогъ. («Посл. Нов.» 21 г. 8 октября).
49. *С. Минцловъ.* Интимные разсказы Ник. Ник. («Сегодня» 24 г. 2 ноября).
50. *С. Мстиславскій.* Пять лѣтъ.
51. *С. Мстиславскій.* Гибель царизма.
52. *В. Набоковъ.* Временное Правительство. («Арх. Русск. Рев.» I).
53. *Начало войны.* Поденная запись Мин. Ин. Д. («Красн. Арх.» IV).
54. *В. Оболенскій.* П. Н. Милюковъ, какъ политикъ. (Юбилейный сборникъ).
55. *Паденіе царскаго режима.* Стеногр. отчетъ Чр. Сл. Ком. Вр. Пр. т.т. I—VII
56. *Переписка* Н. и А. Романовыхъ т.т. III—V.
57. *M. Paléologue.* La Russie des Tshars pendant la grande guerre V. III.
58. *Письма Воронцова-Дашкова Николаю II.* («Кр. Арх.» XXVI).
59. *А. Поливановъ.* Мемуары.
60. *П. Половцевъ.* Дни затменія.
61. *М. Покровскій.* Политическое положеніе нака-

нунѣ февральской революціи въ жандармскомъ освѣщеніи. («Кр. Арх.» XVII).
62. *Покровскій и Яковлевъ* (ред.). Всероссійское Совѣщаніе Совѣтовъ.
63. *Покровскій и Яковлевъ* (ред.). Государственное Совѣщаніе. (Въ серіи «Арх. Окт. Рев.»).
64. *А. Протопоповъ*. Предсмертная записка. Съ предисловіемъ П. Я. Рысса. («Гол. Мин.» 1926, № 2).
65. *Рабочее движеніе въ 1917*. («Арх. Окт. Рев.»)
66. *А. Резановъ*. Штурмовой сигналъ П. Н. Милюкова.
67. *И. Рейнгартенъ*. Февральская революція въ Балтійскомъ флотѣ. («Кр. Арх.» XXXII).
68. *А. Романовъ*. Изъ дневника . («Кр. Арх.» XXVI).
69. *М. Родзянко*. Гос. Дума и февральская революція. («Арх. Рус. Рев.» VI).
70. *М. Родзянко*. Крушеніе имперіи. («Арх. Р. Рев.» XVII).
71. *П. Садиковъ* (ред.). Къ исторіи послѣднихъ дней царскаго режима. (Переписка Юсуповыхъ. «Кр. Арх.» XIV).
72. *В. Селивачевъ*. Изъ дневника. («Кр. Арх.» IX).
73. *В. Семенниковъ*. Монархія передъ крушеніемъ.
74. *В. Семенниковъ*. Политика Романовыхъ наканунѣ революціи.
75. *Семенниковъ* (ред.). Дневн. б. вел. кн. Андрея Вл.
76. *Семенниковъ* (ред.). Николай II и великіе князя (письма).
77. *А. Сидоровъ*. Рабочее движеніе въ Россіи въ годы импер. войны (въ серіи «Очерки по исторіи Окт. рев.» т. I).
78. *М. Смирновъ*. Адм. Колчакъ во время революціи. («Ист. и Совр.» кн. III).
79. *С. Смирновъ*. Къ исторіи одного заговора. («Посл. Нов.» 28 г. 22 апр.)

80. *С. Смирновъ.* П. Н. Милюковъ (юб. сб.)
81. *Союзъ русскаго народа.* (Матеріалы Сл. Ком. Вр. Прав.)
82. *Ставка и Мин. Ин. Д.* («Кр. Арх.» XXVI-XXIX).
83. *В. Станкевичъ.* Воспоминанія.
84. *Н. Сухановъ.* Записки о революціи. Кн. I.
85. *В. Сухомлиновъ.* Воспоминанія.
86. *В. Сухомлиновъ.* Переписка съ Янушкевичемъ. («Кр. Арх.» II-III).
87. *С. С. Шидловскій.* Воспоминанія, ч. II.
88. *А. Шляпниковъ.* Канунъ 1917 г.
89. *А. Шляпниковъ.* Семнадцатый Годъ, ч. I.
90. *В. Шульгинъ.* Дни.
91. *П. Щеголевъ.* Охранники и авантюристы.
92. *А. Яхонтовъ.* Тяжелые дни. («Арх. Р. Рев.» XVIII).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА, ИЗДАННЫЯ
ВЪ ЭМИГРАЦІИ:

1. Дѣла и люди александровскаго времени.
2. «Красный терроръ» (1917-1924 г.г.). Изд. 2-ое.
3. Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны.
4. Гражданская война въ освѣщеніи П. Н. Милюкова.
5. Трагедія адмирала Колчака:
   т. I. Восточный фронтъ гражданской войны.
   т. II. Въ преддверіи диктатуры.
   т. III. «Конституціонная диктатура».
   т. IV. Катастрофа.
6. Чекистскій Олимпъ. Портретная галлерея (печ.).

И.Е. Мельгунова - Степанова. **Гдѣ не слышно смѣха.**

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.